Костёр

5
МАЙ
1969

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЯЧА

Везделет „Вопрос“ выполняет важное задание редакции. Костронавтам — корреспонденту Ю. Михайлову, мастеру спорта Г. Орлову и фоторепортеру Л. Полякову поручено выяснить, чем занимаются ребята после уроков, в свободное время.

Первое приземление — на футбольной площадке вблизи школы-интерната № 3 в Кишеневе. Выбрать место для посадки нелегко — столько юных футболистов высыпало навстречу.

— Поговорим о футболе? — предложили костронавты.

Что ответила команда, читай на странице 58.

Костёр
5
МАЙ
1969

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Мальчик и жар-птица
продолжение повести В. КАНИВЦА **3**

В степи
рассказ А. КОТОВЩИКОВОЙ **20**

Зазеркалье
повесть Л. КЭРРОЛЛА **25**

Страна Поэзия 32

Морская газета 35

Стихи Уолта Уитмена 38

Ленинград стоит у моря
статья Ю. КОЛОДИНА **39**

Теле-Ваня
фельетон А. ЛОСЕВА **41**

Что? Где? Когда? Почему?
заметки, фото, рисунки **42**

Донесение доставлено
очерк А. БЕЛЯКОВОЙ **43**

Самое важное дело
рассказ В. ПЕРЕДЕЛЬСКОГО **47**

Уголёк
журнал для малышей **49**

Храбрый Апанасенко
рассказ В. ФАРБЕРОВА **52**

Как Башмаков одолжил свою фамилию
рассказ Б. НИКОЛЬСКОГО **54**

Рассказы про слова
Л. УСПЕНСКОГО **56**

Обратная сторона мяча
репортаж Ю. МИХАЙЛОВА, Г. ОРЛОВА, Л. ПОЛЯКОВА **58**

Бьют барабаны Арчебека 62

Уголок веселого архивариуса 63

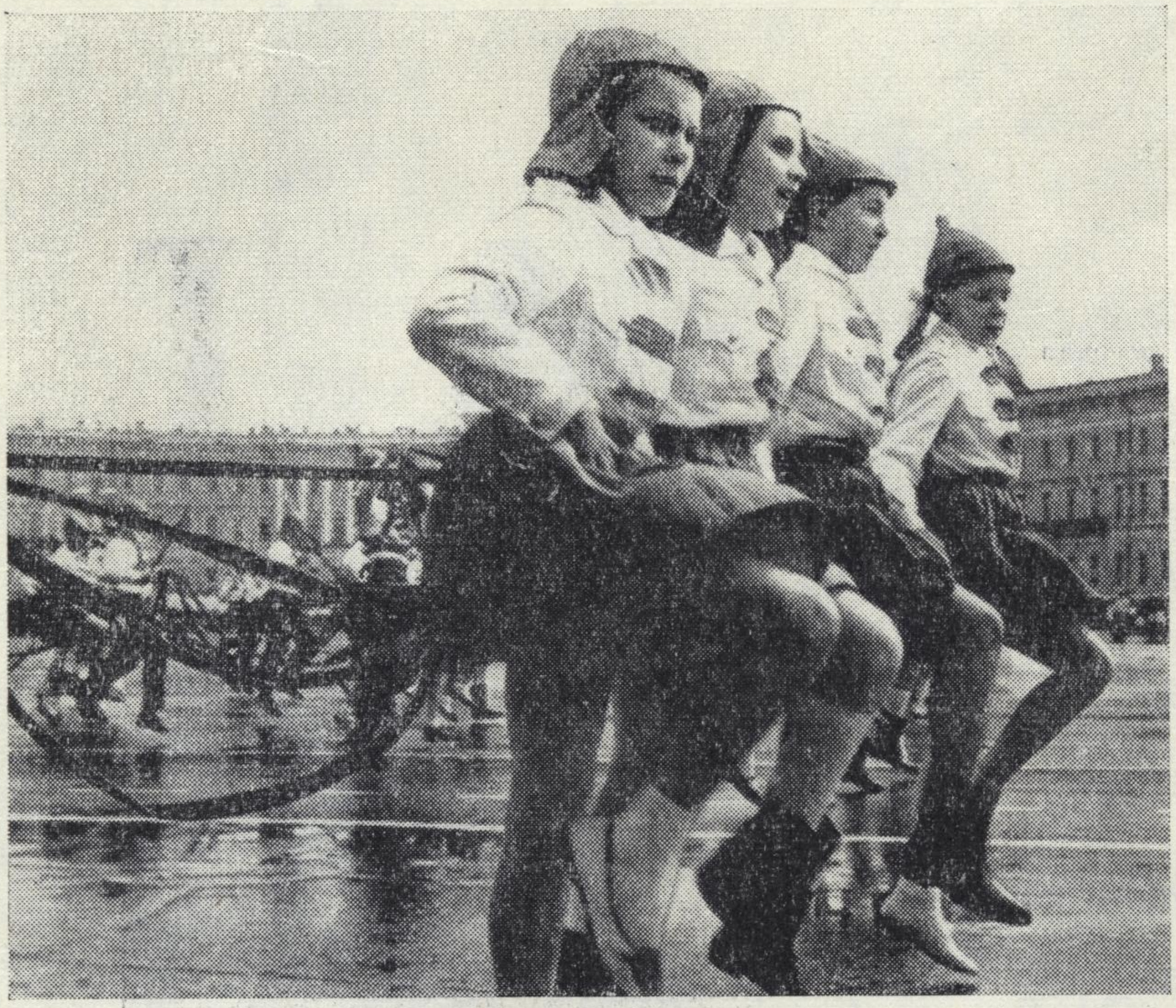

БАЛЛАДА О ПИОНЕРСКОМ ПАРАДЕ

Упругий ветер невский
Ворвался в Ленинград —
Сегодня пионерский
Парад,
парад,
парад!

На площади Дворцовой
От галстуков пунцово!
Куда ни бросишь взгляд —
Отряд,
отряд,
отряд!

Перед своим отрядом
Идет, чеканя шаг,
Со знаменосцем рядом
Вожак,
вожак,
вожак...

Плывут над головами
В далекие миры
Цветастыми клубами
Шары,
шары,
шары...

А нас с тобой, приятель,
В колоннах этих нет,
Поскольку нам, приятель,
Уже по сорок лет.

В колоннах место юным,
Вся эта площадь — им!
А мы с тобой — к трибунам,
С билетом гостевым...

Но почему, приятель,
Ты хмуришься, не рад?
Припомнился, приятель,
Наш собственный отряд...

В тугом кольце блокады
Остался наш отряд.

Бадаевские склады
Горят,
горят,
горят...

Горит мука и сахар,
И сладок черный дым,
И стал Васильев Саха
В тринадцать лет седым.

Дрожит в железном громе
И рушится стена!
Ты помнишь... В этом доме...
Наташа Москвина...

А Невская Дубровка —
В воронках каждый шаг!
Там спит Ковригин Вовка,
Отрядный наш вожак...

Пороховая дымка...
Блокадный день встает...
А знаменосец Фимка —
Он больше не встает.

На саночках увозят
Родных моих ребят,
И по сердцу полозья
Скрипят,
скрипят,
скрипят...

Непросто жить, приятель,
А нам с тобой — вдвойне.
Мы сами — здесь, приятель,
А память — на войне.

Но хмуриться не надо —
Судьбе наперекор
Для нашего отряда
Горнист играет сбор!

...Упругий ветер невский
Ворвался в Ленинград —
Сегодня пионерский
Парад,
парад,
парад!

На площади Дворцовой
От галстуков пунцово!
Куда ни бросишь взгляд —
Отряд,
отряд,
отряд!

Смотрите: шагом спорым
Идут колоннам вслед
Приятели, которым
Уже по сорок лет!

За строем пионерским
Идут они спеша,
Тревожным ветром невским,
Как в юности, дыша.

И словно провожая,
А может быть, храня
Весь этот праздник мая
От вражьего огня —
У них
над головой
Затих
сверхзвуковой...

А. Крестинский

МАЛЬЧИК И ЖАР-ПТИЦА

ПОВЕСТЬ

Владимир Канивец

Рисунки В. Бескаравайного

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Приближалась осень, и Сосипатыч все чаще ходил в тайгу. Вернее, он ездил туда на телеге. Конь у него был мал, тощ и слаб, да и тот не свой. Сосипатыч брал его в волости под какую-то расписку. И Владимира Ильича подбивал: давайте, мол, сообща купим корм и вместе ездить будем. Будет у нас по полконя. Владимир Ильич было согласился, но поехал разок с Сосипатычем на Перово озеро, и, возвратясь, сказал тете Наде:

— Ну, можешь меня поздравить!

— Обратно пешком шел?

— Угадала! Этот конь оказался таким заезженным, что мы до Перова озера плелись почти полтора часа. А туда каких-то семь верст. Пешком я доходил за час с хвостиком.

— Значит, поездка в тайгу откладывается?

— Ни в коем случае! Прожить в Сибири три года и не поехать в тайгу... Нет, непременно поедем. И в ближайшие дни...

Владимиру Ильичу хотелось, чтобы и тетя Надя поехала. Но она не решалась. А главное, бабушка Елизавета ворчала.

— Разве это женское дело бродить по тайге? А если охотники отъедут, а на нее зверь нападет, хоть бы тот же медведь. Что она тогда будет делать?

— Я тоже возьму ружье, — говорила тетя Надя, улыбаясь так, как только она умела — одними глазами.

— А что ты с ним будешь делать?

— Стрелять!

— В кого?

— Да в медведя!

— О господи! — всплескивала руками бабушка Елизавета. — Миня, как ты думаешь, может тетя Надя убить медведя?

— Не знаю, — уклончиво отвечал Миня, опустив глаза.

— Ну, а сам ты убил бы медведя? — допытывалась, бабушка Елизавета.

— А чего ж нет: дайте только ружье!

— О, уже есть два охотника! Бедные медведи, и не снится им, какая беда их ждет, — сказала бабушка Елизавета, сокрушенно покачав головой. — Ну, поезжайте. Я вам еще пирожков напеку мешков пять...

— А зачем так много? — удивился Миня.

— Чтобы медведи пирожков наелись и вас не тронули.

После таких споров разговоры о поездке в тайгу на несколько дней умолкали. Но вот возвращался Сосипатыч, приносил Владимиру Ильичу кедровых шишек, тете Наде смородины, бабушке Елизавете мясо убитой косули... Все жадно слушали неторопливый рассказ о его приключениях в тайге, луща при этом кедровые орешки. Руки у всех становились клейкими от смолы, в комнате пахло хвоей. И Миня, слушая Сосипатыча, чувствовал себя так, будто он не в комнате сидел, а был где-то в тайге.

— Иду я однажды, — говорил Сосипатыч, — смотрю: машет мне кто-то рукой. Человека не видать, а рука то поднимется, то опустится. Что такое? Взял я ружье наизготовку: береженого бог бережет. Иду и дышать боюсь. И что ж я увидел? За большой муравьиной кучей медведь сидит. И так:

Продолжение. См. «Костер» № 4, 1969 г.

запустит лапу в муравейник, махнет ею, чтоб земля осыпалась, и слизывает с лапы муравьев. Мне даже смешно стало; ну, думаю, разбойник, проголодался, раз за муравьев взялся. Я прицелился да как жахну! Так поверите ли? Он клубком катился сажен с пять, пока ног не протянул...

— И что ж вы с ним сделали? — спросила тетя Надя.

— Шкуру содрал и мяса взял, сколько мог донести.

— А медвежатина вкусная?

— Да неплохая. Псиною, правда, немного попахивает, когда жарят. А если варить, то ничего. Я принесу, коли охота попробовать.

Олени, медведи и косули, соболи и белки, глухари и рябчики, чего только нет в этой сказочной тайге! Эх, выпало б Мине счастье хоть одним глазком посмотреть на тайгу! Но это несбыточная мечта: если уж бабушка Елизавета тетю Надю не пускает, так о нем и говорить нечего. И мать не пустит, и никто его не возьмет. А если б он поехал туда, может, даже и жар-птицу поймал бы... Ведь Сосипатыч сказал, что и жар-птицы водятся в тайге. Но в таких глухих, таких недоступных дебрях, что только на коне златогривом можно туда добраться. Да Мине хоть бы не всю жар-птицу, а только бы одно перо достать, — и то хорошо было бы...

Долго говорили о тайге, долго собирались, и, наконец, поехали. Только вдвоем: Владимир Ильич и Сосипатыч, а тетю Надю и Миню не взяли. Бабушка Елизавета была вполне довольна, тетя Надя тоже не огорчалась, а Миня, хоть и горевал, но старался не показывать этого. Ведь его никто и не обещал взять в тайгу, значит, и злиться не на кого. Ну, а то, что ему хотелось поехать — так что ж. Если б каждое его желание сбывалось, у него уже были бы и жар-птица, и конь златогривый, и много-много всего, о чем он может только мечтать, только во сне видеть...

Поехали Владимир Ильич и Сосипатыч очень рано, так что Миня и не проводил их — проспал. В первый день он очень переживал, что его не взяли. А потом стал думать-гадать, с чем они вернутся из тайги, что ему привезут.

И предчувствие не обмануло Миню: Владимир Ильич привез ему из тайги перо жар-птицы. Миня как глянул, какое оно большое, красивое, солнечное, так и глазам своим не поверил — неужто не сон?

— А жар-птица улетела? — спросил Миня, осторожно взяв перо из рук Владимира Ильича и боясь на него даже дохнуть.

— Да, Миня, пока что улетела, — с улыбкой ответил Владимир Ильич. — Но далеко она от нас не улетит. Мы ее, дружок, поймаем.

— Ну, Елизавета Васильевна, принимайте трофеи. Рябчиков я настрелял, на месяц мяса хватит. Ой, Надя, какая там охота! Какая первозданная красота! Нет, обязательно, непременно надо и тебе поехать в тайгу.

На чердаке избы Миня сберегал все свое добро, потому что туда, кроме него, никто не лазил. Там были и разноцветные камушки, и старые подковы, найденные на берегах Шуши, и кусочки сургуча — это он у Владимира Ильича насобирал, — и волчий зуб, и заячий хвост, и кедровые шишки, полные оре-

хов — их дал ему Сосипатыч, и даже патрон от ружья, тоже подарок Сосипатыча. Правда, патрон был надорван, зато блестел, как золотой. Конечно, после того, как Миня начистил его кирпичом. Вот этот-то патрон и приспособил он под перо жар-птицы. Хотя, по правде сказать, это было перо фазана. Миня хорошо помнил, как братья убили Ивана-царевича, как забрали у него жар-птицу, а потому решил беречь перо в своем тайнике, никому не показывая, хотя ему и очень хотелось похвастаться перед мальчишками. Пусть оно лежит тут, а когда он вырастет, то возьмет это перо и найдет жар-птицу, как нашел ее Иван-царевич. Будет у него тогда и конь златогривый... Будет все, чего только пожелает...

ОСКАР И ПИСАРЬ

Утки улетели в теплые края, и началась охота на тетеревов и куропаток. Тетя Надя, улыбаясь, сказала, что тетерки и куропатки птицы благородные, ибо за ними не надо лезть в болота, как за утками. И как только Владимир Ильич с этим согласился, тетя Надя заявила:

— Вот и прекрасно. Значит, я еду с вами на охоту.

Бабушка Елизавета неодобрительно покосилась на нее, но ничего не сказала. Стали собираться. И вот утром к избе подъехали на подводе Сосипатыч, Проминский и Оскар. Миня, увидев, что Проминский не взял своих детей, повеселел: значит, не одного его оставили дома.

Уместились все — тетю Надю посадили посредине — и поехали. Дженни с лаем помчала следом. Бабушка Елизавета заволновалась.

— Лучше б они тебя, Миня, взяли, чем ее...

— Ничего, пусть едут. Я еще наохочусь, когда вырасту...

Охота на сей раз была неудачной: Оскар подстрелил Дженни. Одна дробина прошила ей ухо, вторая попала под глаз. Глаз налился кровью, распух. Дженни лежала на своем половичке и тихо скулила. Бабушка Елизавета прикладывала ей к глазу примочки из чая. Оскар по нескольку раз в день приходил узнать, как Дженни. Будет она видеть или нет? Но этого никто не мог сказать, даже Сосипатыч. Миня почти не отходил от Дженни, он очень жалел ее. А на Оскара был так зол, что не мог смотреть на него, когда тот заходил. И удивлялся: отчего сама Дженни не ворчит на Оскара, а наоборот, дает себя гладить.

— Дурочка, — говорил Миня, — это же он тебя подстрелил.

Но Дженни либо не понимала этого, либо слишком была добра. Она, видно, уже простила Оскара.

Владимир Ильич взял Дженни маленькой, долго учил ее. И как только Владимир Ильич куда-нибудь уедет, она места себе не находит. Бегает из угла в угол, лает из-за всякого пустяка, следит за каждым шагом тети Нади, может, думает, что где-то спрятали Владимира Ильича? А когда Миня пытается ей объяснить, что Владимир Ильич уехал в город, она, послушав немного, начинает сердито лаять: «Ничего, мол, и слушать не хочу. Покажи, где мой хозяин, и все». Ну, а когда Владимир Ильич возвращается домой, она узнаёт первой. Не успеет он скрипнуть калиткой, как Дженни с радостным визгом бросается к дверям и, войдя в комнаты, Владимир Ильич долго не может ее успокоить.

Вот и сейчас — пока Владимир Ильич работал в своей комнате, она, закрыв здоровый

глаз, лежала и стонала. Но как только он вышел из своей комнаты, Дженни сразу открыла глаз, подняла голову: не собрался ли куда?

Владимир Ильич присел возле нее и, осторожно почесывая за непростреленным ухом, сказал:

— Что ж, сама виновата. Не послушалась моей команды, вот за это и наказана жестоко. Хорошо, что так, могло быть и хуже. Ну, а глаз у тебя, кажется, заживает. Так что не грусти, мы еще с тобой поохотимся.

Однажды, когда Дженни хворала, пришел Оскар и стал просить прощения за то, что подстрелил Дженни. Тетя Надя успокаивала его, уверяя, что он ни в чем не виноват. Но Оскар снова и снова повторял свое. Тетя Надя, терпеливо выслушав его, спросила:

— А где это вы, Оскар Александрович, выпили?

— Писарь новый приехал. Душа-человек. Ну и выпили с ним ввиду того, что у нас абсолютно одинаковые убеждения.

— Какие же? — удивленно подняла брови тетя Надя.

— И он и я против революции.

Тетя Надя, услышав это, так и охнула. Какое-то мгновение растерянно смотрела на Оскара, потом переспросила:

— Вы против революции?

— Против!

— Володя, Володя! — открыв дверь в комнату, позвала тетя Надя.

— Что такое?

— Выйди на минутку!

— Что такое? — появился в дверях с книгой в руке Владимир Ильич.

— Послушай, что Оскар Александрович говорит. Оскар Александрович, расскажите, на каких же убеждениях вы сошлись с писарем.

Ну и перепало же тогда Оскару от Владимира Ильича! Миня еще никогда не слышал, чтоб Владимир Ильич с таким гневом, так резко кого-нибудь пробирал. Оскар, слушая его, слова не мог вымолвить в свое оправдание, он то краснел, то бледнел. А уши его прямо горели. Но Мине совсем было не жаль его: так ему и надо, чтоб знал, как стрелять в Дженни!

— Вот что, Оскар Александрович, — немного успокоясь, сказал Владимир Ильич. — Вам надо немедленно взяться за учение. И серьезно. Надежда Константиновна поможет вам. Начинайте с «Манифеста Коммунистической партии», а потом возьметесь за «Капитал». Этих книг на русском языке, к сожалению, нет, но Надежда Константиновна переведет вам с немецкого. Если встретятся трудности, я помогу. А когда вы, дорогой Оскар Александрович, осилите «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал» Карла Маркса, мы еще посмотрим, сойдетесь вы с писарем во взглядах на революцию или нет. И не обижайтесь, друг мой, что я с вами так резко разговаривал. Есть вопросы, о которых я не могу спокойно говорить. И, прежде всего, это вопрос о революции...

— Да я и не обижаюсь... — растерянно улыбнулся Оскар. — Ведь дураков, как известно, и в церкви бьют...

На следующий день, после обеда, Оскар пришел к тете Наде учиться. Засели в комнате бабушки Елизаветы, чтоб не мешать Владимиру Ильичу, который торопился закончить какую-то книгу. Поскольку, говоря об этой книге, Владимир Ильич все время повторял слово «рынок»,[1] Миня подумал, что он пишет ее, чтоб продать на рынке. И тетя Надя сказала Владимиру Ильичу:

— Ты уже и во сне говоришь о своих рынках.

— Не может быть!

— Правда! Сегодня ночью, например, бормотал что-то про натуральное хозяйство. А все потому, что с утра до вечера пишешь, лишней минутки не отдохнешь. Больше я не стану тебя так рано будить.

— Нет, Надя, ты должна меня будить, — сказал, тепло улыбаясь, Владимир Ильич. — И ровно в половине восьмого.

— Но ведь напрасно. Сегодня утром ты что-то пробормотал, укрылся с головой и снова уснул.

— На то есть две причины. Во-первых, я нарушил режим — лег на два часа позже. А во-вторых... — сказал Владимир Ильич и, лукаво прищурясь, погрозил тете Наде пальцем: знаем, мол, ваши хитрости.

— Ну, ну, что же во-вторых? — спросила тетя Надя, будто она и в самом деле ничего не понимала.

— А во-вторых, я попрошу Миню, чтоб он меня будил.

— Я-то разбужу! — охотно согласился Миня. — Только бы тетя Надя меня вовремя разбудила.

— Великолепно! — рассмеялся Владимир Ильич. — Теперь уж мы не проспим! Ну, работайте, не буду вам мешать...

Владимир Ильич пошел к себе, а тетя Надя, взяв небольшую книжку, начала выразительно читать:

---

[1] Речь идет о книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

— «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские...»

Миня навострил ушки. Но дальше ничего не мог понять. Нет, это не сказка. Тетя Надя читает:

«Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии...»

Миня ничего не понимал, кроме некоторых слов. Да и не только он. Оскар тоже много чего не понимал, а поэтому тете Наде приходилось по нескольку раз повторять одно и то же. А если он все-таки не понимал, то она, отложив книгу в сторонку, начинала ему рассказывать о прочитанном своими словами. И только после этого Оскар переставал крутить свой острый ус, морщинки на его круглом лице расправлялись, глаза прояснялись: вот теперь, мол, я все понял.

— Ну, на сегодня достаточно, — удовлетворенно улыбнулась тетя Надя. — Продумайте, Оскар Александрович, дома все хорошенько. И завтра мы, прежде чем идти дальше, повторим прочитанное. Так оно лучше отложится в вашей памяти. А теперь надо и чайку попить...

ВЕСЕЛОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Была уже середина сентября. Дни еще стояли солнечные, теплые. Однако ночью подмораживало, и поутру на крышах, деревьях, траве лежал белый иней. Миню это радовало: пока солнце не подымется высоко, он бегает в своих валенках. Только б не начались дожди. Болото, слякоть — его заклятые враги. Но, может, все обойдется без дождей? Ведь на небе ни облачка. Оно чистое, голубое, серебром паутинок прошитое. И тихо. А как задуют ветры, тогда уж дождя не миновать...

Владимир Ильич послал прошение губернатору, чтобы тот позволил ему поехать в Красноярск, полечить зубы.

Когда зубы у Владимира Ильича совсем перестали болеть, Заусайлов принес разрешение на поездку в Красноярск. И не на день или на два, а на целую неделю. Как тут поступить? Сначала Владимир Ильич решил было не ехать. Но потом передумал. Теперь Владимир Ильич книг в руки не брал, а вставлял двойные рамы, подтесывал двери, чтоб они плотнее закрывались. А когда все было сделано — Миня во всем ему помогал, — тогда сел на подоконник и начал давать наказы:

— Во-первых, вы должны запираться как можно лучше! — строго говорил Владимир Ильич, а глаза его весело и лукаво смеялись. — На улицу выходить не ранее чем растает иней...

— А может, и вовсе не выходить, пока ты не вернешься? — спрашивала тетя Надя.

— Да это не все и не главное, — продолжал Владимир Ильич, не отвечая на ее вопрос. — Главное вот что: тебя, Надя, я сегодня же научу стрелять из револьвера. Да, да. Лишь после того как я увижу, что ты метко стреляешь, я смогу уехать со спокойной душой, не опасаясь, что с вами тут что-нибудь случится.

Речка Шушь зимой

— Ты лучше Миню научи стрелять, — посоветовала тетя Надя. — Он и будет нас охранять.

— А что ж, — согласился Владимир Ильич к превеликой радости Мини. — Это, пожалуй, будет надежнее. Стрельба из револьвера все-таки дело не женское. Жаль только, что я все собирался выписать револьвер, да так и не собрался.

— Ну, хватит тебе смешить нас, Володя! Примерь лучше свою зимнюю амуницию, я посмотрю, может, еще где подшить или заштопать надо.

Когда все примерили — шубу, шапку, рукавицы, теплые носки, — тетя Надя сказала:

— Теперь записывай, что нужно купить.

— Пишу, — Владимир Ильич взял лист бумаги.

— Две шапки...

— Две шапки, — повторил Владимир Ильич, старательно записывая. — Так, далее.

— Полотна себе на рубашки.

— Какого?

— Да обычного.

— Так и писать — «обычного полотна»?

— Нет, сказать просто: полотна на рубашки.

— Записано.

— Мне тулуп, коньки и ситцу на кофточку дочери Проминских...

— А сколько надо брать на эту кофточку?

Тетя Надя рассмеялась:

— Ну, ладно, придется тебя освободить от этой обязанности.

— Да отчего же?

— Все равно не то купишь. Я уж здесь наберу ей на кофточку.

Наконец собрался Владимир Ильич. Положил в корзинку уйму книг, будто уезжал на год.

— Куда же ты столько берешь? — спросила тетя Надя. — Ведь привезешь назад непрочитанными.

— А сколько их тут? Каких-то пять книжиц? Да мне их и до Красноярска не хватит. Я собираюсь еще в Красноярской библиотеке кой-какие выписки делать...

Уехал Владимир Ильич рано. Миня еще спал. Без Владимира Ильича стало как-то пусто. Дженни — она совсем выздоровела — ходила из комнаты в комнату. Тетя Надя и бабушка Елизавета занимались совсем не теми делами, что при Владимире Ильиче: стирали, утюжили, шили. Но говорили только о нем, — как-то он добрался? Есть ли в Красноярске хороший дантист? И как было бы хорошо, если бы в это время прибыла его книжка, чтоб Владимир Ильич, возвратясь, порадовался. Бабушка Елизавета даже такой сон видела, что его книжка обязательно должна прийти.

Проходили дни за днями, а Владимир Ильич не возвращался. И так было тоскливо, а тут еще бабушка Елизавета заболела: кашляла, чихала. Тетя Надя запретила ей вставать с постели, делала все сама. Снова перевернула в печи горшок с супом. Бабушка Елизавета поворчала на нее и хотела сама варить обед, но тетя Надя не позволила. Миня не отходил от бабушки Елизаветы, и она рассказывала ему сказки.

Не видел Миня, как Владимир Ильич уехал, прозевал, как тот и вернулся. Да он же не виноват: Владимир Ильич вернулся из Красноярска ночью, когда Миня уже спал. Проснувшись утром, он спросил у матери:

— Приехал Владимир Ильич?

Думал, что она ответит, как и все эти дни отвечала: нет, мол, не видела. А она сказала:

— Приехал.

Миню будто ветром с печи сдуло. Вскочил в материны сапоги, второпях начал напяливать ее кофту.

— Куда ты? — удивилась мать.

— Да ведь Владимир Ильич приехал!

— Ты помешаешь, не ходи...

— Нет, Владимир Ильич меня любит!

Мать только руками развела: она видела, что Владимир Ильич действительно любит его. Как Миня поправился, как весь засветился, будто живой водой его окропили! А она уж думала, что Миня и до осени не дотянет, что ей опять придется идти за маленьким гробом, провожая в последний путь своего четырнадцатого ребенка...

КОНЬ ЗЛАТОГРИВЫЙ

— А вот и я! — переставив через высокий порог ноги, обутые в мамины сапоги, выкрикнул Миня.

На кухне была только бабушка Елизавета. Но тут стояли сапоги Владимира Ильича, лежал какой-то новый тулуп. А в бабушкиной комнате — на диване, на стульях, на столе — везде лежали привезенные Владимиром Ильичем вещи. У Мини сердце замерло: а что он ему привез? Ведь обещал: жди, привезу. И, наверно, привез, он же никогда не обманывал. Он всегда делает то, что обещал. Не

успел Миня решить, стоять ли тут или идти в комнату Владимира Ильича, как в дверях появилась тетя Надя и весело позвала:

— Володя, смотри, кто к нам пришел!

— А-а, Миня! — вышел из комнаты Владимир Ильич. — Ну, здравствуй!

— Здравствуйте! — пожимая руку Владимира Ильича, ответил Миня, радостно просияв. — Приехали, значит?

— Приехал, брат. И даже привез тебе кое-что. Ну-ка, закрой глазки и не открывай, пока я не разрешу.

Миня зажмурился и замер, боясь даже дышать. По звукам он догадался, что Владимир Ильич пошел в свою комнату, но вот снова слышны его быстрые, энергичные шаги. И голос:

— Ну, смотри!

Миня раскрыл глаза и, не веря счастью, прошептал прерывающимся от волнения голосом:

— Конь златогривый!

Да не приснилось ли это? Он посмотрел на Владимира Ильича, на тетю Надю — они радостно улыбались. Осторожно, будто боясь, что от прикосновения конь исчезнет, как привидение, потрогал пальчиком золотую гриву — нет, не сон! Владимир Ильич привез ему златогривого коня! Миня кинулся к Владимиру Ильичу и обнял его за колени. А Владимир Ильич наклонился, подхватил его под мышки и подбросил до потолка.

— Ну, Миня, теперь у тебя есть и перо жар-птицы, и конь златогривый. Осталось жар-птицу поймать — и делу конец.

— Теперь уж мы ее поймаем! — уверенно сказал Миня.

— Я тоже в этом убежден, — поддержал его Владимир Ильич. — Жар-птица будет нашей!

Весь день Миня своего коня златогривого из рук не выпускал, от Владимира Ильича на шаг не отходил, будто боялся, что как только он отлучится куда-нибудь, все исчезнет, как сон. И вечером не хотел домой идти, а улегся с Дженни на половичке.

— Вот тут я и спать буду.

— Нет, Миня, так нельзя, — сказала бабушка Елизавета. — Если уж останешься у нас, то я тебе на диване постелю. Только как же мама? Она будет беспокоиться, куда ты пропал.

Огорчать маму Мине не хотелось, но и домой ноги не несли. Он задумался, что же делать? Но не успел ничего решить, как пришла мать, позвала еще из кухни:

— Микелис, ей гулет! [1]

— Не пойду. Я тут спать буду.

— Ну, ко ту руни? Ей! [2]

Мать говорила таким грустным голосом, что Мине стало очень жаль ее, и он, спрятав под кофту своего златогривого коня, поплелся домой. Дома он не выпускал коня из рук. А когда укладывался спать на печи, то завернул его в тулупчик и положил под голову. Спать на такой подушке жестковато, зато спокойно, а то отец может взять коня да и пропить. Тогда Мине хоть помирай. Завтра он, ясное дело, спрячет коня на чердаке, в своем тайнике. Сегодня туда уже страшно лезть: там коты ночуют, летучие мыши пищат. Нет, он завтра все сделает, а сейчас спать, спать, чтобы ночь прошла поскорее.

Приближались холода. Владимир Ильич и тетя Надя начали готовиться к зиме. Насыпали завалинку, заклеили окна. В комнате Владимира Ильича сделали форточку, чтоб можно было проветривать. Ни у кого в селе не

---

[1] Микелис, иди спать!

[2] Ну что ты говоришь? Иди!

было такой форточки, и все мальчишки ходили смотреть на окошечко в окне. Колька Попик сказал, что это — политическое окно. Мине пришлось круто. Его осмеяли, когда он сказал, что форточка сделана для того, чтоб зимой в комнату впускать свежий воздух.

— Прямо с улицы воздух впускать? — ехидно спросил Попик.

— А то откуда же?

— Холодный?

— А то какой же?

— Дурень ты, Миня, дурень. Кто же станет топить печку, а тепло в окно выпускать? Это ж надо совсем без головы быть, чтоб так поступать! Они, глянь, и избу обложили, как все, двойные окна вставили, как все. А почему? Да потому, что морозов боятся! А ты — воздух зимой впускать...

Миня смущенно посопел, глядя, как мальчишки смеются над ним, а потом спросил:

— А зачем же, по-твоему, ту форточку сделали?

— А для того, чтобы птиц ловить. Вот! — обрадовался Попик собственной догадливости. — Ну, съел? А то «воздух зимой впускать»... Дать бы тебе по затылку, чтоб знал, как врать...

— Смотри, чтоб ты сам не схватил, — воинственно ответил Миня.

— Ха, видали такого? — усмехнулся Колька. — Да я ведь раз дам тебе по уху, ты аж на том свете мекнешь! Хвалится: «У меня перо жар-птицы, мне политик коня златогривого из города привез...»

— И есть, и привез...

— Ну, хватит врать!

— А вот и есть!

— Знаешь что, Минька, — с нажимом сказал Колька, — ты или покажи нам перо и коня, или и сам на глаза не показывайся, а то отлупим, как шкодливого кота.

— Ладно, — согласился Миня, увидев, что все мальчишки на него рассердились. — Покажу вам коня, только через окно.

— Ну, давай хоть через окно, — согласился Колька.

Пошел Миня в дом и показал в окно мальчишкам своего златогривого коня. Глядели они на него, раскрыв рты, как на чудо. А когда Миня вышел из избы, Колька хлопнул его по плечу и примирительно сказал:

— Теперь верим. Ну и конек, в церкви на образах такого не увидишь! Хочешь, я тебе за него своего Тузика отдам? И десять кедровых шишек с орехами, — добавил Колька, видя, что Миня не торопится меняться...

Остальные мальчишки давали Мине за коня златогривого все, что у них было наилучшего, но он и слушать не хотел. Ведь этот конь златогривый сейчас заколдован, поэтому Мине еще нельзя поехать на нем искать жар-птицу. Но когда он найдет нужное слово и снимет с коня чары, то быстрее ветра помчит на нем. Ну, а если поймает жар-птицу, то будет у него и Тузик, и кедровые шишки — все, все, чего только пожелает... Мальчишкам Миня этого не сказал: такое надобно держать в секрете, не то кто-нибудь возьмет да и сглазит. Тогда уж не расколдовать и коня...

ДЕЛО ПРОННИКОВА

Пришел к Владимиру Ильичу дед Пронников со своим зятем Андреем Родиным. Владимир Ильич встретил их приветливо, провел в свою комнату. От такого приема они конфузились, кланялись, не могли начать разговор. Дед поглядывал на зятя, зять на тестя. Владимир Ильич улыбнулся и сам начал:

— Вижу, Николай Тарасович, вас какое-то серьезное дело ко мне привело.

— Угадали, Владимир Ильич, — облегченно вздохнул дед Пронников. — Дело такое, что не знаю, с какого конца и начать. Может, мы и напрасно побеспокоили вас. Да люди говорят: иди к политику Ульянову, он адвокат, он напишет такое прошение, что ты мигом дело свое выиграешь...

— Ну, а копия дела у вас есть?

— Нет. Хотя мне, дурню старому, и говорили люди: без копии не ходи. Да я ее, эту копию, не взял сразу в Минусе, так она по сей день там. Вы уж извините нас, народ мы темный, неграмотный. Придется, верно, съездить за той копией...

— Погодите, погодите, — остановил деда Владимир Ильич. — Садитесь, Николай Тарасович, и подробно расскажите мне суть дела.

— А может, того... Может, Андрей пусть расскажет. Он все-таки грамотный, хоть и не ахти как.

— Тогда, — сказал Владимир Ильич, — вы, Николай Тарасович, рассказывайте. А когда что-нибудь важное пропустите, Андрей Прокофьевич дополнит. Ну, слушаю.

— Дело наше, Владимир Ильич, — начал дед Пронников, — сказать по совести, для меня — совершенно чистое. Но получается, что на деле прав, а на бумаге — виноват. Ну, а бумага для нас, бедных, страшнее всего.

— Так, так, Николай Тарасович, — с доброй улыбкой подтвердил Владимир Ильич. — Все, что вы говорите — абсолютная правда. Судиться бедному с богатым совершенно невозможно.

— Известно, что так! — обрадовался дед Пронников. — С сильным, говорят, не борись, с богатым не судись...

— А от сумы да от тюрьмы не отказывайся! — смеясь, добавил Владимир Ильич. — Но ничего, мы с вами попробуем, Николай Тарасович, опровергнуть эту старую народную пословицу. Рассказывайте мне, только подробно. Я слушаю.

— А подробно, Владимир Ильич, дело это очень обидное для меня. И если вы не поможете, то хоть вешайся. Делал я этой весной у Зацепина поскотину. Отработал, значит, тот процент, что нарос на мой долг. Загородил все как следует. Зацепин даже доволен был. А у нашего Симона Ермолаева, знаете его, скотины больше ста голов. Пастуха своего нет. Вот стадо Симона возьми да и поломай поскотину Зацепина, возьми да и потрави его хлеб. Зацепин разозлился, а против Симона идти побоялся. Симон-то, как вы знаете, побогаче его. От суда с ним Зацепину были бы только убытки. Вот он, окаянная душа, Зацепин этот, и придумал на меня в суд подать. Пронников, мол, плохую поскотину мне сделал, так потому скотина ее и поломала. Я ничего ни сном ни духом, а тут — бах! — в суд кличут. Еду. Вины за собой никакой не ведаю, а сердце все-таки не на месте. Прихожу к судье, а мне и читают приговор: заплатить Зацепину шестьдесят рублей, и сверх того еще семь пудов хлеба. Я начал было свое доказывать, да меня вытолкали из канцелярии да еще и пригрозили: будешь, мол, буянить, так в холодную посадим. Ну, что тут делать? Приехал домой с камнем на душе. А люди мне и говорят: иди к политику Ульянову. Он многим помог, может, и тебе не откажется что присоветовать...

— Да, — сказал Владимир Ильич, — думаю, что мы это дело поправим.

— Век за вас буду бога молить, если вытащите меня из этой петли.

— Попробую, Николай Тарасович. А вот бога за меня молить не рекомендую. И знаете почему? — озорно щуря глаза, спросил Владимир Ильич. — Это может вам только повредить. Да, да, я ведь человек неверующий.

— Да вы, я вижу, Владимир Ильич, шутите, — тоже улыбаясь, ответил Пронников. — Молиться за любого не грех.

— Если учесть, что никто этих молитв не слушает и никто их не принимает во внимание, то, может быть, и правда ваша. Ну, это мы немножко от сути дела отклонились. Сам я вам, Николай Тарасович, прошение писать не могу. Хоть я и адвокат, да мне, как политическому ссыльному, заниматься судебными делами запрещено. Но мы это устроим так: я продиктую прошение, а Андрей Прокофьевич запишет.

— Да я тоже липовый грамотей, всего две зимы в школу ходил, — смутился Родин.

— Ничего, я потом выправлю ошибки, вы начисто перепишете и подадите. Ну, садитесь к столу, вот сюда. Вот вам ручка, вот чернила. Приготовились? Пишите...

Владимир Ильич ходил по комнате и диктовал, а Родин, склонив голову набок и прикусив

нижнюю губу, медленно писал. Время от времени Владимир Ильич подходил к нему, смотрел через плечо, что там получается, подбадривал: хорошо, мол, прекрасно. Только вот здесь, — показывал пальцем, — нужно поставить запятую да вот это слово с прописной буквы написать. Утирая рукавом пот со лба, Родин напряженно скрипел пером, старался изо всех сил. Но когда дошли до конца — поставил несколько клякс. Весь вспотел, будто не пером, а косой махал. Прочитав все написанное, Владимир Ильич выправил ошибки, дал Родину переписать. А сам подсел к Пронникову. Тихо, чтоб не мешать Родину, расспрашивал старика, сколько у него земли, какие урожаи собирает, да что да как.

Мине было нудно все это слушать, а поэтому он стал за спиной Андрея и следил, как тот выводит на бумаге большие буквы. И завидовал: вот бы уметь так писать! Тогда он, как и тетя Надя, помогал бы Владимиру Ильичу переписывать его бумаги...

Вскоре дед Пронников и Андрей пришли снова. Оба веселые, радостные. Дед еще с порога крикнул, не успев даже поздороваться:

— Владимир Ильич! В ноги пришли вам кланяться! Вытащили вы меня из петли...

— Наша, значит, взяла?

— Наша. Пересуд был. Ну и сказано: оставить иск Зацепина к Пронникову... Андрей, как оно там?..

— Без удовлетворения, — подсказал Родин.

— Ага, оставить, стало быть, без удовлетворения — и делу конец. Ну, Владимир Ильич, как же вас благодарить? Хотел я что-нибудь принести, да люди говорят: не смей, рассердится. Он, говорят, хоть в бога не верит, а ничего не берет...

— А те, что веруют, берут? — щурясь, спросил Владимир Ильич.

— Какое там берут! — махнул рукой Пронников. — Дерут! Сунулся я было в Минусе к одному адвокату, так он, окаянный, столько загнул, что я выскочил от него, как ошпаренный... Владимир Ильич, позвольте вас хоть на охоту свести. Мы вот с Андреем такие места славные знаем в тайге...

— Это соблазнительно! — мигом согласился Владимир Ильич. — На охоту с великим удовольствием поеду.

ПИСЬМА ТЕТИ НАДИ

Письма тетя Надя писала медленно. Как сядет писать вместе с Владимиром Ильичом, так он уже два, а то и три конверта сургучом запечатает, а она все то же самое письмо пишет.

— Где ты берешь материал на такие длинные письма? — шутил Владимир Ильич. — Ведь событий интересных нет: один день похож на другой.

— Ты пишешь, — отвечала тетя Надя, — только о вещах, имеющих общечеловеческий интерес, а я пишу о всякой пустяковине...

— Ну, например?

— А вот послушай, — сказала тетя Надя и начала читать свое письмо:

«Ужасно странно, что до сих пор нет ни звука о книжке, думаем — ухнула. Вообще последнее время почта — самая жалкая. Вчера посмеялись мы порядком. Кроме газет, ничего не было, и мама стала обвинять почтальона в том, что он по злобе скрывает письма, а нас в том, что мало даем ему на чай, наших знакомых — в черном эгоизме и опять нас в том, что мы почтальону вот жалеем денег, а так зря тратим, третьего дня ездили к Курнатовскому[1] и зачем? только человеку работать помешали и обед его съели, кончилось тем, что мы все смеяться стали, и неприятное чувство, которое всегда бывает при скудной почте, прошло. Ездили мы как-то к Курнатовскому, он служит на сахарном заводе, верстах в двадцати от нас. Было воскресенье, хотя и холодно, но солнце светило с прекрасного голубого неба, мы и покатили. Оделись совсем позимнему. Володя в шубу, в валенки, меня закутали в «семейный» тулуп, я с головой в него ушла совсем. Курнатовский оказался ужасно занят, праздников у него нет, работает по двенадцать часов в сутки, от работы мы его действительно оторвали, но это ему только полезно, и обед его тоже действительно съели.

Осматривали сахарный завод, директор проявлял необычайную любезность к «знатным иностранцам» (несмотря на то, что Володя в своих валенках и зимних брюках походил на великана из «мальчика с пальчик», а у меня все волосы дыбом стояли от ветра), старался оправдать дурные условия, при которых приходится работать рабочим, сам заводил разговоры на эту тему, и простер свою любезность до того, что, несмотря на весь свой элегантный и выхоленный вид, бросился подавать Володе табуретку и стирать с нее пыль. Я чуть не расхохоталась.

Курнатовский через месяц приедет к нам в гости, может, заедет как-нибудь и Базиль с Тонечкой. Не знаю, писал ли Вам Володя, что и Базиль и Глеб перепрашиваются в Нижне-Удинск, где им предлагают инженерские места. Теперь через тесинцев мы пользуемся минусинской библиотекой, хотя она и очень жалкого свойства. Ну, да книг-то достаточно. Анюта как-то спрашивала меня, что я делаю. Вожусь с одной популярной книжкой, хотелось бы ее написать, да не знаю еще, что выйдет. Это, так сказать, мое главное занятие, а потом так кое-что делаю, что придется: английским языком занимаюсь, почитаю, письма пишу, в Володину работу суюсь, гулять хожу, пуговицы пришиваю...» И дальше читать?

— А разве еще не конец?

— Нет, еще несколько страничек. Тут я даже пишу, что ты купил себе полотна в Красноярске и рубахи готовы, да никак не соберешься померить их.

— О, это уже похоже на жалобу! Гм... Не думал, что у тебя имеются такие задатки, точнее сказать, способности к кляузам.

— А ты вот примерь рубахи, я и вычеркну эту кляузу, — улыбаясь, сказала тетя Надя.

— Хорошо. Вечером примерю, — покорно согласился Владимир Ильич.

— Это мы уже слышали.

— Примерю. Миня вот свидетелем будет!

— Хорошо. Но из письма я эту строчку вычеркну только после примерки, — все так же улыбаясь, сказала тетя Надя. — Ну, дальше читать?

— Нет, хватит! — замахал руками Владимир Ильич. — А то я и спать не буду, узнав о своих грехах. Хорошего понемногу. Правда, Миня?

— А разве кляузы — хорошее? — удивился Миня.

Но вместо того чтоб ответить, Владимир Ильич и тетя Надя весело засмеялись. И Миня понял: они, как это часто бывало, шутят. Миня смутился, но Владимир Ильич, заметив это, подхватил его под мышки, подбросил до самого потолка. Миня радостно охнул от такого полета. И началась веселая возня. Они и боролись с Владимиром Ильичом, и щекотали друг друга, испытывая, кто дольше выдержит, и в жмурки играли, бегая по комнатам так, что посуда в шкафу звенела. Бабушка Елизавета добродушно проворчала:

— Ну, разобьете мне все тарелки...

— А мы их склеим! — весело ответил Владимир Ильич.

— Чем? — удивилась бабушка Елизавета.

---

[1] В. К. Курнатовский — профессиональный революционер, соратник В. И. Ленина.

— Миня, чем мы их склеим?

— Клеем! — быстро нашелся Миня.

— Слыхали? — спросил Владимир Ильич. — То́-то и оно! Ну, я считаю до трех... Раз... Два... Три... Иду искать. Где же он? Миня, где ты? Молчит. Ах, хитрюга! Ну, погоди же! Дай мне только тебя найти! Тут нет... Тут нет... Тут был, да убежал...

А Миня, еле сдерживая смех от счастья, что он так хорошо спрятался, следит из-под стола, как Владимир Ильич заглядывает в горшки, в валенки, даже в наперсток. Но вдруг Владимир Ильич, засунув руку в свой охотничий сапог, закричал:

— А, вот ты где!

Миню как будто кто защекотал: не в силах больше сдерживаться, он захохотал и выдал себя.

И САПОГИ?!

Бабушка Елизавета расхворалась. Она и раньше не раз болела, но тогда все же ходила по комнатам, почти все делала. А теперь тетя Надя не позволяет ей даже вставать с постели, послали за доктором. В Шушенском доктора нет, Сосипатыч поехал в Ермаковское. А это почти сорок верст. Значит, вернется только к ночи или даже завтра утром. Миня никогда не видел докторов и как они лечат людей, и ждал такого чуда с нетерпением. В его воображении вырисовывалась картина, как в сказке: даст тот доктор бабушке живой воды, она выпьет и сразу выздоровеет.

Все были заняты своими делами: Владимир Ильич писал, тетя Надя у печи возилась, а бабушка Елизавета лежала. Миня преданно сидел возле ее постели, и они весь день о чем-нибудь беседовали: то Миня хвалился, что скоро поедет с отцом и матерью к Янтарному морю, где им будет хорошо жить, то бабушка рассказывала новую сказку.

Привез Сосипатыч доктора. Доктор прописал бабушке Елизавете лекарства, и она по три раза в день пила их, но с постели не вставала. Пахли лекарства очень приятно, — бабушка Елизавета называла их микстурами, — и Миня попросил попробовать. Ему налили немного в ложку, он глотнул и даже плечами передернул: такой горькой оказалась эта микстура. Сразу стало понятно, почему бабушка Елизавета не выздоравливает: от таких лекарств скорее умрешь, чем выздоровеешь. Эх, снять бы чары со своего коня златогривого! Сел бы он тогда на коня, разыскал ворона, который серому волку живую воду приносил, привез бы той воды бабушке Елизавете, и она бы сразу выздоровела. Но пока еще Миня не знает заветного слова, от которого мог бы ожить его конь златогривый. Но он непременно дознается, иначе и быть не может...

Бабушка все хворала, хоть и выпила две бутылки микстуры, а тете Наде некогда было возиться с печью, ей надо было переписывать книгу, что писал Владимир Ильич. Думали-гадали, что делать, и решили взять кого-нибудь в помощь бабушке Елизавете. Ведь ей одной, будучи и здоровой, со всем хозяйством тяжело управляться. Прасковья Олимпиевна, к которой обратилась тетя Надя за советом, сказала, что поговорит с Мезиными. У них, мол, есть девушка Паша, которую они хотят в работницы отдать.

А через день, робко переступив порог, в избу вошла Паша. Миня как раз был на кухне, хотел набрать воды для бабушки Елизаветы. Увидев Пашу, он строго спросил:

— Чего тебе?

— А я сюда... Мне велели прийти...

— Миня, кто это там? — услышав разговор, спросила бабушка Елизавета.

— Да Паша Мезиных. Говорит, что ей велели прийти...

— А-а, иди, Пашенька, сюда...

И с тех пор стала Паша жить у Ульяновых. Кровать ее поставили в той самой маленькой комнатке, что возле кухни. Дженни отнеслась к Паше очень ревниво: сердито посматривала на нее, рычала. Мине тоже не понравилось, что Паша чувствовала себя на кухне хозяйкой. Того не трогай, туда не лезь, а то горячего рогача попробуешь. Когда бабушка Елизавета стояла у печи, ему все можно было делать, а Паше, вишь ты, он уже мешает. Миня не мог дождаться, когда бабушка Елизавета выздоровеет и Паша уйдет прочь. Но вот бабушка выздоровела, встала с постели, а Паша по-прежнему живет в той же комнате, а домой возвращаться и не собирается. Не выдержав, он спросил:

— Почему ты не идешь?

— Куда?

— А домой!

— Ишь, чего захотел! — засмеялась Паша. — Да я тут все время буду жить, потому что мне платят.

— Хватит врать! — сердито сказал Миня. — Кто это тебе платит? За что?

— А за то, что я по хозяйству помогаю. Что ни месяц — дают по два рубля с полтиною. А сверх того — еще и сапоги!

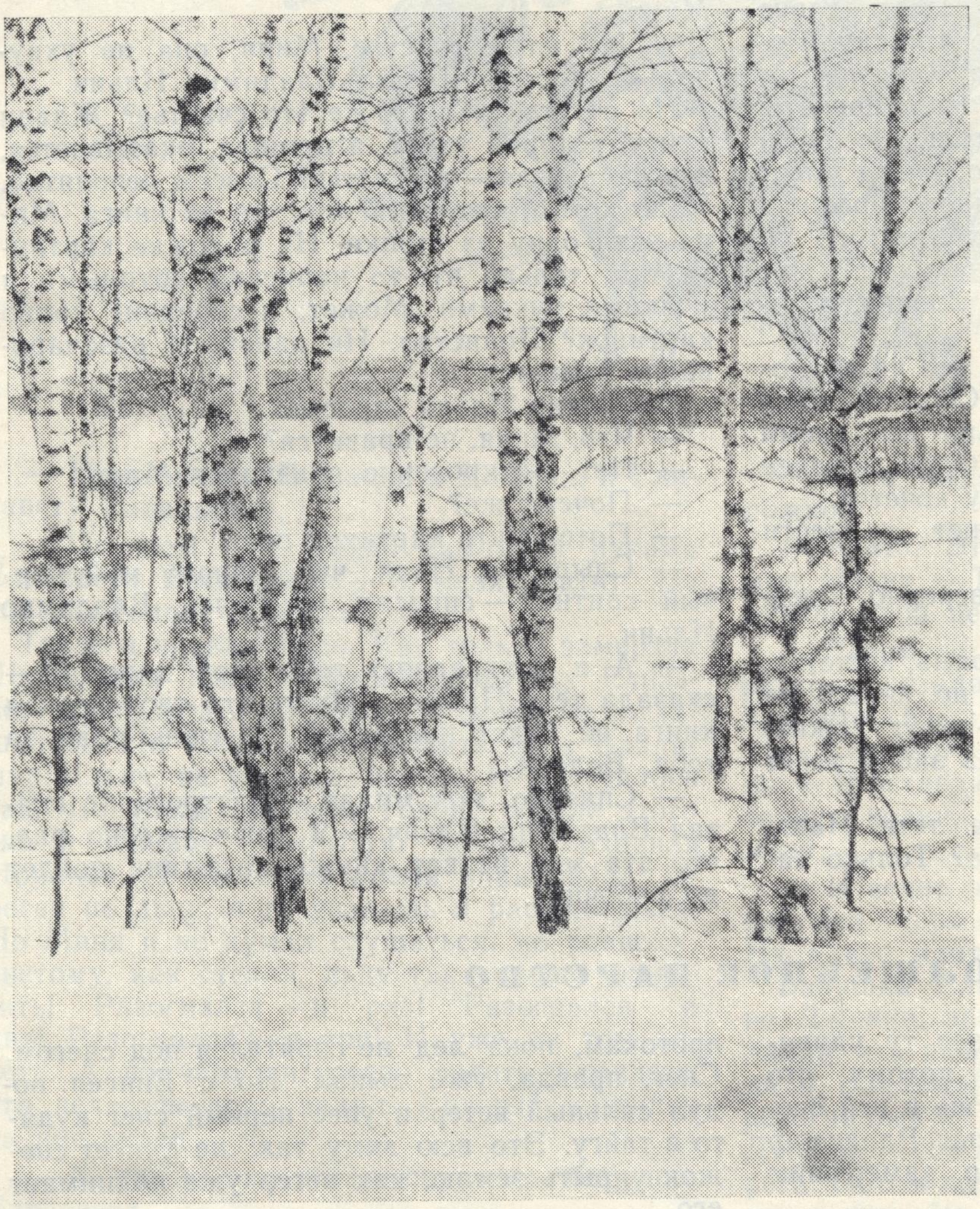
— И сапоги?!

— Ага. У самого Шпрунга шьются...

Миня онемел. Пусть уж ей платят по два рубля с полтиною. Пусть. Но сапоги? За что ей сапоги шьют? Нет, тут что-то не то. Неправда это. Но бабушка Елизавета подтвердила: правда. Паше шьют сапоги, потому что она совсем босая. Миня еле удержался, чтоб не заплакать, так ему стало горько, даже у Паши будут сапоги, а у него нет. Он побежал домой и сказал матери:

— Отдайте меня сейчас же внаймы! Пусть мне тоже платят по два рубля с полтиною. А сверх того — еще и сапоги!

— Ак, ман деви! Да кто же тебя возьмет такого маленького? Рано тебе еще внаймы...

Озеро Перово близ Шушенского

Оскар по-прежнему приходил к тете Наде учиться. Но ей все было мало. Она взялась еще и Пашу грамоте учить. И это было куда интереснее, чем читать какие-то толстые книги про чьи-то капиталы. Миня не только понимал все, чему тетя Надя учила Пашу, а и сам не хуже Паши знал буквы. Тетя Надя была очень довольна тем, что Миня усердно учится. Как и Паше, ему давали бумагу, карандаш: пиши да рисуй. И он писал да рисовал. А Паша рисовать не умела, только писала. Зато она научилась писать не только буквы, но и целые слова. Научилась и читать. Скажет ей что-нибудь бабушка Елизавета, а она запишет на бумажке и приклеит к стене: смотрите, мол, какая я грамотная.

— Бабушка Елизавета, гляньте, чего это Паша снова написала? — спросил как-то Миня.

Бабушка Елизавета надела очки, прочитала: «Никовды, никовды чай не выливай». И сказала с упреком:

— Паша, ну зачем ты это приклеиваешь на стену?

— А чтоб не забыть. А то вы все говорите, а я забываю...

— Неужели такой пустяк не запомнишь?

— Пока грамоте не училась, то все помнила, — смущенно улыбнулась Паша, — а теперь только записанное в голове держится...

— Чудна́я ты, ей-богу, — смеялась бабушка Елизавета. — Ты хоть бы уж правильно писала. А то все на свой лад переворачиваешь. Я тебе говорю «никогда», а ты пишешь «никовды». Ну, да это ничего, это все-таки лучше, чем совсем не уметь писать.

— А я в тетрадь записываю все, что у нас бывает. Вот посмотрите, — Паша достала засаленную тетрадь, подала бабушке.

— Да у тебя тут что-то... на дневник похоже, — удивилась бабушка и прочитала: — «Вчера бы-

ли Оскар Александрович и Проминский. Пели песни. Я тоже пела...» О-о, тут уже правильно... Молодчина!

Паша даже покраснела от похвалы. А когда бабушка вышла из комнаты, Паша схватила Миню и начала кружить, а он дрыгал ногами и верещал от радости. Дженни стояла в дверях и так лаяла, будто зайца гнала. Нет, Паша стала куда умнее после того, как научилась грамоте, — теперь с ней хоть поиграть можно.

А ГДЕ ЖЕ КАРТИНКИ?

Пересмотрев новую почту, Владимир Ильич грустно сказал:

— Ухнула книга!

— Да, наверно, ухнула... — согласилась тетя Надя.

— А разве книги умеют ухать? — спросил Миня.

— Еще как! — ответил Владимир Ильич. — Бывает, так ухнет, что и следа не останется.

Миня знал, что Владимир Ильич давно ждет какую-то необыкновенную книжку. Называл ту книжку «Этюды»[1]. Но Миня не мог понять, что в этой книге есть такого ценного. Владимир Ильич и тетя Надя только о ней и говорят. А, оказывается, вон что: книга умеет ухать. У Владимира Ильича много больших и маленьких, толстых и тонких книг, но ни одна из них не ухает. А как она ухает? Как лед в морозные дни на Шуше? Звонко, с каким-то тяжелым стоном?..

Но проходили дни, а почтарь все не приносил той удивительной книги. Сегодня тоже почтовый день. Владимир Ильич все время посматривает в окно. Говорит, будто заранее знает, что не будет так, как ему хочется:

— Ну что особенного может принести почта?..

— А может, «Этюды», — неуверенно предполагает тетя Надя.

— Нет, на «Этюдах» мы и впрямь, кажется, поставим крест. Ужасно жаль, но ничего не поделаешь... Надя, смотри, — вдруг оживляется Владимир Ильич, — через забор лезет мальчишка с каким-то тюком.

— Это из волости, — сказала тетя Надя, подойдя к окну. — Может, книга? Только зачем он завернул ее в тулуп?

— Нет, это, наверно, посылка от мамы, — высказал предположение Владимир Ильич.

Но на сей раз Владимир Ильич ошибся: в тулупе была именно та книга, которую он так долго ждал. И как же он обрадовался, увидя ее. Закричал «ура!», обнял тетю Надю и покружил по комнате, а Миню подбросил до потолка.

— Так это та книга, что ухает? — спросил Миня.

— На наше счастье, Миня, она не ухнула, — радостно ответил Владимир Ильич.

На счастье? Какое же это счастье? Ждали книгу, которая ухает, а пришла, оказывается, совсем другая — и счастье? Совсем непонятно. Надо хоть посмотреть, что это за книга. Миня взял одну из стопки. На обложке картинки нет, только что-то написано крупными и мелкими буквами. Может, в середине полно картинок? Полистал. Ни одной. И разочарованно хмыкнул.

Владимир Ильич спросил:

— Что, Миня, не нравится?

— Нет, — откровенно признался Миня.

— Почему же?

— Потому что картинок нет.

— Слышишь, Надя, что говорит мой первый критик? — спросил, улыбаясь, Владимир Ильич.

— А я поздравляю тебя, мой дорогой! — сказала тетя Надя. — Пусть эта твоя первая книга не будет последней. Я очень рада за тебя, Володя...

— Спасибо, моя милая, — растроганно сказал Владимир Ильич. — Я тоже ужасно рад, что эта моя первая книжка все-таки дойдет до рабочих...

ВОЛШЕБНОЕ ЦАРСТВО

После того как мальчик принес ту удивительную книгу, — удивительную потому, что Миня так и не смог понять, что же в ней особенного, — в избе не сиделось. Владимир Ильич предложил пройтись по замерзшим протокам, пока лед не спрятался под снегом. Снег, правда, уже выпал. Но с Енисея подул сильный ветер и унес первый снег куда-то в тайгу. Это всю зиму так: не успеет снежок укрыть землю, как ветер уже поднимает его.

— А Миню возьмем? — спросила тетя Надя, заметив, как умоляюще он смотрит на нее.

---

[1] Речь идет о сборнике В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи».

— Непременно! И Миню, и Дженни, и Елизавету Васильевну.

— Ох, нет! — испуганно замахала руками Елизавета Васильевна. — С меня хватит, что тот раз голову разбила...

Такое и правда было. Как только замерзла Шушь, тетя Надя упросила бабушку Елизавету прогуляться по речке. Та долго не соглашалась. Но когда стал просить ее и Владимир Ильич, не устояла, пошла. И получилось так, что упала, разбила голову. После этого она и лужицу, покрытую льдом, обходила стороной. И Мине все время наказывала: не бегай по льду, а то упадешь и расшибешься. Но Миня и не думал слушаться: по ровному, чистому, как стекло, льду так хорошо скользить! Разогнался — и раз! Разогнался — и два! Разогнался — и три! И уже на том берегу. А до чего интересно ходить и глядеть, что делается подо льдом. Каждый камушек на дне виден.

— А далеко ли вы? — спросила бабушка Елизавета.

— Ночевать будем дома, — ответил, одеваясь, Владимир Ильич.

— Если надолго идете, то возьмите пирожков.

— А что? Это идея! — обрадовался Владимир Ильич. — Только надо завернуть их получше, чтоб не замерзли.

— Зачем же вы, Володя, еще и ружье берете? — сказала бабушка Елизавета. — Мало вам, что Оскар подстрелил Дженни...

— Хорошо! — согласился Владимир Ильич. — Я оставлю ружье дома. Но если нас разорвут волки, то ругайте тогда себя, а не меня.

— И вечно вы, Володя, шутите, — с улыбкой, без укора сказала бабушка Елизавета. — Ну, идите, идите, да возвращайтесь засветло...

Бабушка Елизавета еще что-то говорила, но Дженни, заметив на заборе кота, так залаяла, что ничего не было слышно. Тетя Надя и Владимир Ильич, взяв Миню за руки, разогнались с берега и поехали по льду. А Дженни — вот хитрюга! — побежала вдоль берега. Потом все время гоняла по берегу, тыча нос в сугробы под заборами и зля кудлатых собак, сидевших на цепи. Если Дженни находила под снегом подкову или какую-нибудь

кость, то, победно помахивая хвостом, приносила Владимиру Ильичу, будто это была убитая утка. Тетя Надя смеялась, — вот, мол, Володя, какой у тебя умный помощник! А Владимир Ильич сердился:

— Понять не могу: то ли Дженни еще молода, то ли просто глупа?

— А может, и то и другое?

— Дженни, брось! — приказал Владимир Ильич. — Хватит таскать эту гадость!

Подкова со звоном упала на лед, а Дженни побежала на новые поиски. Миня подобрал подкову.

— Зачем она тебе? — удивилась тетя Надя.

— В хозяйстве пригодится, — солидно ответил Миня, засовывая подкову за пояс, которым его подпоясала мать. — Может, на порог для счастья прибью, а может, выменяю чего у мальчишек.

— Хозяйственный ты мужик, — заметил Владимир Ильич. — Так, глядишь, и богачом станешь.

Сквозь лед на дне Шуши виднелись камушки, а когда вышли на протоку, где глубокие места, у Мини глаза разбежались: так много интересного было подо льдом. В зарослях камыша, как серебряные иголки, шмыгали мальки, медленно проплывали большие рыбины, сонно поводя хвостами. А на дне виднелись не только черные, отшлифованные водой камушки, но и ракушки, — вот бы достать! — шишки, скелеты каких-то больших рыб. И много другого добра валялось там. Да все так глубоко, что Миня, даже ложась на лед, не мог разобрать, что там так заманчиво и таинственно поблескивает.

— Какая удивительная красота! — восторженно говорила тетя Надя. — Точно царство какое-то волшебное.

— Вспомнилось мне, — сказал Владимир Ильич, — как Саша любил ходить по первому льду, когда замерзала Свияга. Он мог часами стоять возле зарослей камыша, наблюдая за рыбками и другой живностью. Если б он не погиб, из него вышел бы незаурядный ученый, он не просто увлекался биологией, он страстно любил ее. Да и вообще он ничего не делал кое-как, с прохладцей, а если уж брался...

Владимир Ильич вдруг прервал рассказ, замер: с острова послышалось какое-то особенное поскуливание Дженни.

— Зверя гонит! — азартно выкрикнул Владимир Ильич.

— Да будет тебе!

— Правда!

В то же мгновение из зарослей острова, прямо на Миню, выскочил заяц. Скакнув на лед, он поскользнулся и, ошалело перекидываясь, помчал по льду. Дженни, выскочив на лед, тоже поскользнулась и сразу же поджала хвост, жалобно скуля. Владимир Ильич схватился за голову, в отчаянии закричал:

— Ружье!.. Ружье!..

Миня бросился наперерез зайцу, науськивая собаку:

— Дженни, возьми! Дженни, возьми!

Да где там! Пока Дженни перебралась через лед, зайца и след простыл. Он исчез на другом острове.

— Ай-яй-яй! Такого русака прозевал! — простонал Владимир Ильич. — Из рук, прямо из-под носа убежал!

— Володя, успокойся! — просила тетя Надя. — Мы же не на охоту пошли, а на прогулку...

— Нет, я теперь три ночи спать не буду... Что такое?! — снова замер Владимир Ильич. — Неужели Дженни другого зайца гонит? Так и есть! Нет, надо идти за ружьем! Надя! Вы с Миней гуляйте, а я сбегаю.

— Володя! Да оставь! Отсюда до села километра три, если не больше. Обойдемся без этих зайцев. Я вот и Дженни возьму на поводок, чтоб она тебя не раздражала. Дженни, Дженни, иди сюда! Вот умница...

— Тетя Надя, дайте я ее поведу, — попросил Миня.

— Нет, какой русак, а! — все еще не мог успокоиться Владимир Ильич. — Мы завтра же придем сюда с Оскаром!..

Свернули на один из островков, разожгли небольшой костер, поели пирожков и пошли домой. Миня вел Дженни на поводке. И это было так хорошо! Разбегутся они вдвоем, Миня присядет, а Дженни долго везет его по льду. И оттого дорога обратно показалась короткой. Не успел Миня оглянуться, как был уже дома.

Окончание следует

Анвар Аджиев

народный поэт Дагестана

КРАПИВА

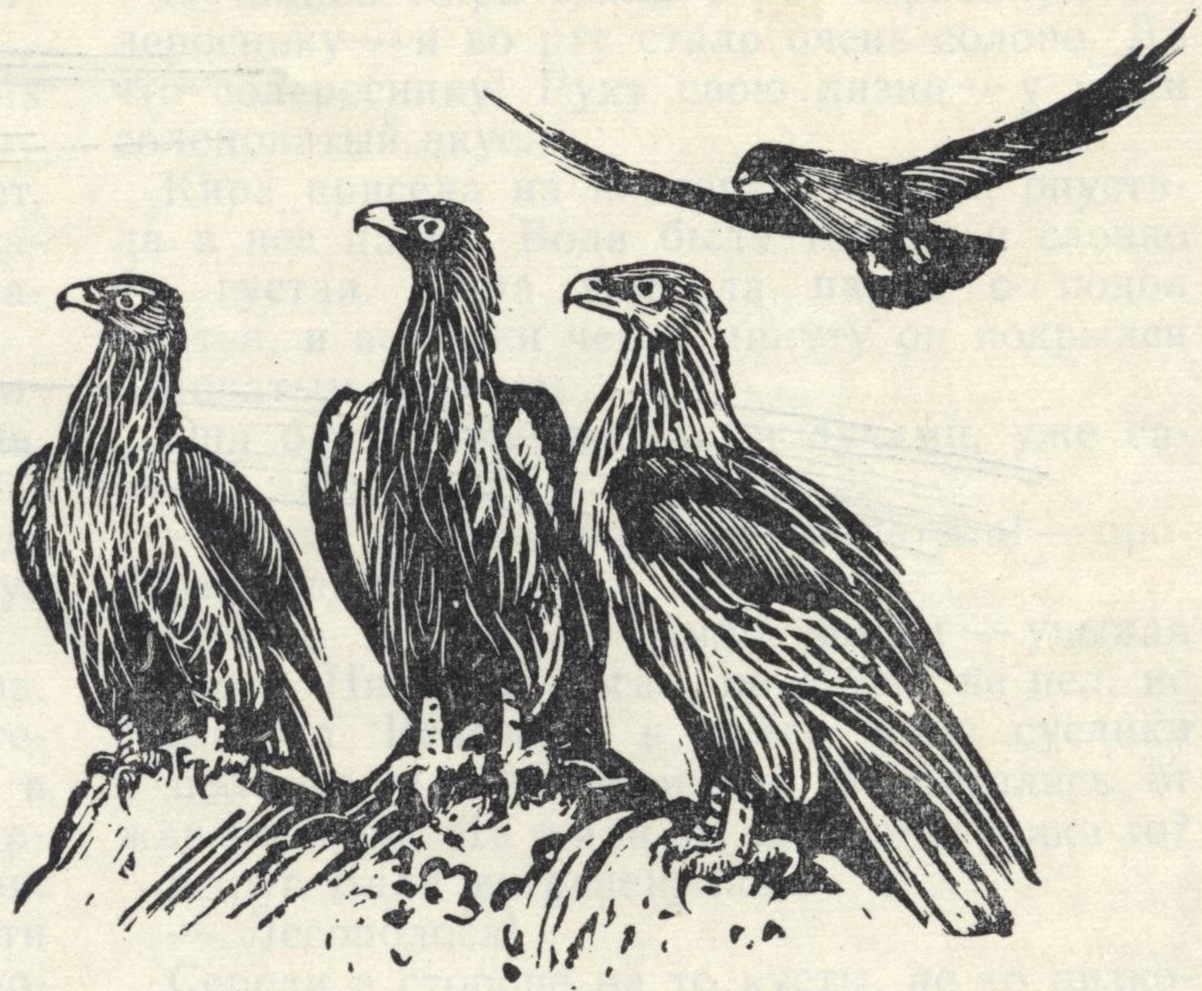
Сошел малыш Гиччхан
с крыльца —
и нету больше сорванца.
В саду, где яблони цвели,
его искали — не нашли.
Не подходил он к конуре.
Не трогал уток во дворе.
Запрятался Гиччхан,
молчал,
но в зарослях крапивы
обжегся он и закричал, —
аж вздрогнул кот ленивый!

ТРИ ЯГНЕНКА

Жил ягненок беленький,
жил ягненок серенький,
жил ягненок в крапинку.
Когда шли за молоком
к матери своей гуськом, —
последним
брел беленький.

Жил ягненок беленький,
жил ягненок серенький,
жил ягненок в крапинку.
Когда их вели купать,
ивовый листок щипать, —
последним
брел беленький.

Жил ягненок беленький,
жил ягненок серенький,
жил ягненок в крапинку.
А как стали волки выть —
у ягнят такая прыть!
Впереди всех —
беленький,
шаг его не меленький!

ОРЛЫ

Орлы на камнях полукруглых
сидят в поднебесье рядком, —
так мама детей своих смуглых
усаживает за столом.

КОРЗИНКИ С МЕДОМ

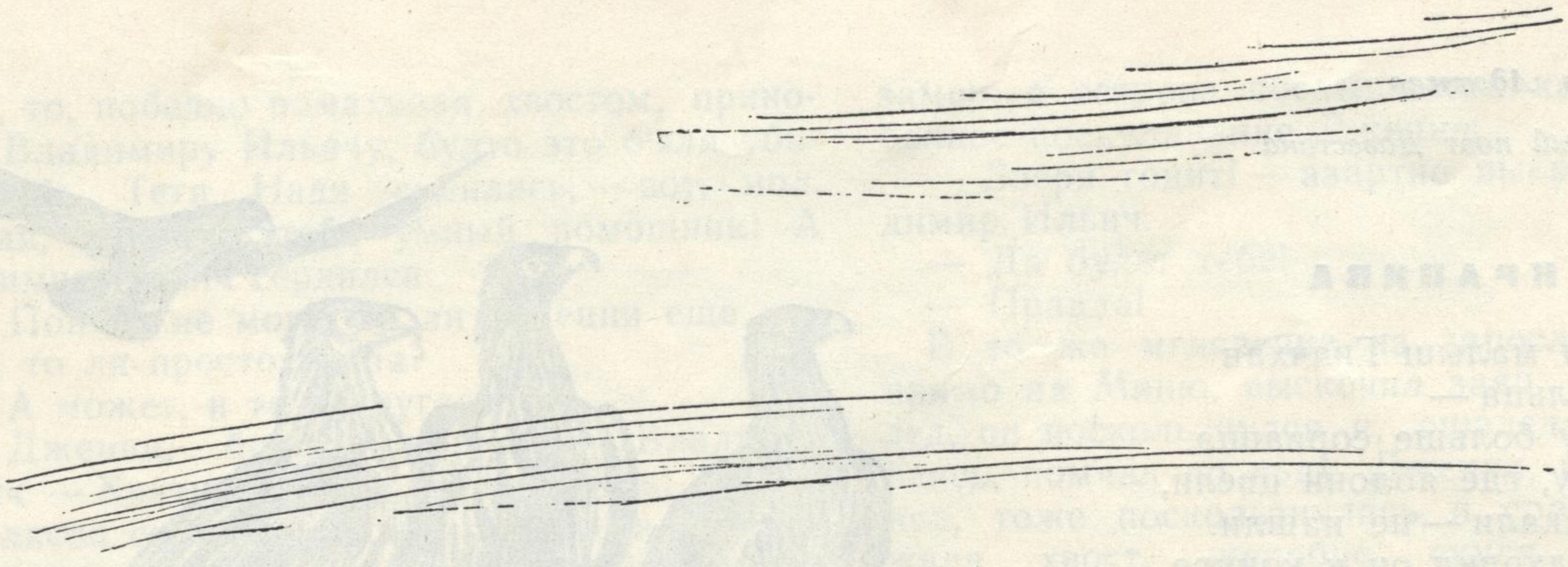
— Зачем пришли на поле вы?
— Нам нужно накосить травы,
нас дедушка с травою ждет,
корзинки из нее плетет.
— Зачем ему корзины?
— Чтоб мед носить пчелиный.
— Не много ль меду деду?
— А дед пошлет соседу.
— А вам он меда поднесет?
— Уж нам-то мед
из лучших сот!

Перевел О. Шестинский

Рисунки Е. Захарова

В степи

РАССКАЗ

А. Котовщикова

Рисунки Т. Ксенофонтова

Полынная, горькая, сухая раскинулась степь. Пышущий жаром воздух стоял над ней неподвижно. Никакого дуновения, колебания, вздоха. Только вдали, на горизонте дрожала воздушная голубая струя.

«Глупость какая получилась, — думала Кира. — Будто сон плохой приснился».

Валя плелась позади.

— Я во всем виновата, — произнесла она жалобно. — Ты-то ленинградка, а я все-таки крымская...

— Могла бы и я сообразить, что легко заблудиться, — великодушно сказала Кира. — И ведь это я непременно хотела пойти посмотреть воздушные замки.

А сама подумала: «Вот бы мама перепугалась, если б знала!»

Они гостили у маминых друзей под Симферополем. Кира очень подружилась с Валей. Обеим было по тринадцать лет. Когда Валя поехала к тетке, счетоводу совхоза, она взяла с собой Киру.

Под лиловым от зноя небом блеснула металлическим блеском полоса воды.

— Смотри! — показала Кира.

— Сиваш это, — устало сказала Валя. — Гнилое море.

Но Кира оживилась.

— А красиво тут. Земля разноцветная.

Бледно-песочные, темно-рыжие берега подступали к перламутровым водам Сиваша. На желтом расплывались пятна изумрудно-зеленые, красноватые, бордовые. Это плотным ковром росли низкие растеньица. Кира на-

гнулась, сорвала стебелек с мелкими круглыми листочками.

— Какие странные эти солеросы! Так их твоя тетя называла? И на траву непохожи.

— Тетя вернется только завтра. Может, даже под вечер. До тех пор нас никто не хватится. И где нас будут искать? Мы даже записки не оставили, что пошли гулять.

— Но ведь мы думали, что через час-полтора вернемся... Да доберемся как-нибудь. Быть того не может, чтобы не добрались!

— В погребе молоко стоит холодное-холодное... — безнадежно сказала Валя. — И арбуз громадный!

— Неплохо бы арбузика! — вздохнула Кира.

...Уезжая по делам в райцентр, Валина тетя расцеловала девочек, показала им, где в погребе стоит обед, молоко, лежат горкой арбузы. Оставила она девочек без малейших опасений: большие ведь! Могло ли ей прийти в голову, что они сразу ринутся в степь в поисках миражей? Валя рассказала Кире, что в степи часто можно увидеть мираж. Иногда над озерцами появляются целые замки, причудливые сказочные дворцы. «Ой, пойдем поглядим! — упрашивала Кира. — Я никогда в жизни не видела мираж!»

Теперь она его видела. И не один. Уже после того, как они поняли, что не знают, в какой стороне находится совхоз, и стали плутать по степи, Кира вдруг увидела впереди дом под черепичной крышей, дерево, копну сена. Она кинулась туда: «Да вон же совхоз!» Но что такое? Под домом течет голубая полоса, она все шире... Поднялось в воздух дерево и поплыло стоймя. Стронулась с места и копна. И вот все бесследно растаяло.

— А я тоже сперва подумала, что правда, — сказала Валя.

И потом не раз маячили в дрожащем мареве домики, купы деревьев, то туманно, то отчетливо. Но зáмков не было. И даже самой маленькой бутылки с водой они не догадались с собой захватить!

Пить хотелось нестерпимо.

— Искупаемся? — предложила Кира.

— Да ты что?! Тут же сплошная соль. Каждая царапинка у тебя саднить будет.

Кира вздохнула.

— Да-а... соль! Оттого все такое... седое.

Холодноватый, притушенный тон был и у пестрых берегов, и у воды, нежно-зеленой вдали, плотно-сизой под берегом. Точно кто-то, раскрашивая степь и море, щедро подмешал в краски белил. Седой застывший налет соли лежал на каждой травинке. Все — почва, вода, растительность, казалось, и самый воздух — было пропитано солью.

Нечаянно Кира взяла в рот сорванную солеросинку — и во рту стало очень солоно. Да что солеросинку! Руку свою лизни — у кожи солоноватый вкус.

Кира присела на корточки у воды, опустила в нее палец. Вода была теплая и словно бы густая. Кира вытерла палец о подол платья, и все-таки через минуту он покрылся беловатым налетом.

Они брели под палящими лучами, уже сами не зная куда.

— Хоть бы птица какая пролетела! — пробормотала Кира.

Ничего живого не было вокруг — унылая пустота. Никто не бегал, не летал, не пел, не стрекотал. Вероятно, в земле жили суслики и полевые мыши, но и они попрятались от жары в норы. Да жили ли здесь и суслики-то?

Вдруг Валя встрепенулась:

— Лесополоса!

Серели в стороне не то кусты, не то низкорослые деревья.

Девочки прибавили шагу, бежать они были не в силах.

— И тут обман! — мрачно проговорила Валя.

— Но все-таки хоть не мираж, — сказала Кира.

Огромные, с добрый куст ростом, заросли чертополоха. Тени эти чертополошьи великаны не давали. Может быть, в самой гущине и была скудная тень, но забираться туда нечего и думать: исколешься, занозишься.

Перила мостика. Мостик? Значит, речка?

Что протекало в этом пологом овражке осенью и зимой — речушка ли, ручей — неизвестно. Сейчас почва была твердая, морщинистая, растрескавшаяся и напоминала кожу слона. Лишь под серединой моста притаилась жалкая лужица. Чтобы оказаться в тени, надо было забраться в эту лужицу.

Все-таки они полезли под мостик, притулились на краю болотца.

— Если бы мы не надели белые платочки, давно бы умерли, — хрипло сказала Валя. — Замки! И зачем только я поддалась на твои уговоры!

— Сейчас что уж об этом говорить... А эти зверюшки нас не заедят? — Кира брезгливо поморщилась. — Ой, а что это они делают?

Стайка маленьких мух сновала над болотцем. Мухи опускались на воду, бегали и скользили по ней, снова взлетали и снова садились. Ни одна из мушек не села на девочек, даже не задела их ни разу.

— На коньках катаются, — с удивлением сказала Кира. — Ну точь-в-точь. Надо же!

Мушки, и правда, будто весело катались на

коньках. Поверхность воды, насыщенная солью, была достаточно плотна для мушиных лапок. То, что мушки скользили, как по льду, неудивительно. Поражала четкая стройность их бега. Мушки становились ровными рядами и все вместе быстро катились в одну сторону. На мгновение останавливались и также согласованно, все одновременно, катились в другую. Потом направление почему-то менялось: мушиная стая неслась, скользила уже иначе. Но ни одна мушка не выбивалась из строя.

— Чудеса! — прошептала Кира. — Тренировки у них, что ли, такие? Наши бы ребята на физкультуре так здорово! Зарисовать бы, да пальцы у меня не шевелятся.

Все-таки она развернула тетрадку. Всю дорогу Кира ее тащила с заложенным в тетрадку карандашом, хотела зарисовать воздушные замки. Неловкое движение — карандаш выскользнул, упал на землю и... провалился в трещину.

— Ну-у! — Кира заглянула в трещину. Карандаша и след простыл, почва проглотила его.

— Если бы у нас были спички, — уныло проговорила Валя, — мы могли бы зажечь костер. Чтобы нас нашли.

— А где бы мы хворост взяли?

— Мостик этот подожгли бы.

— Мостик, может, зимой нужен. Ведь зачем-то его тут построили. Да при таком солнце пламени костра не было бы, пожалуй, видно... Пойдем. Все равно тут тени нет.

— Мне вот-вот станет дурно. — Голос у Вали был совсем сонный. — В обморок упаду...

— Нет, уж лучше не падай. А то я буду приводить тебя в чувство водой из этого мушиного протухшего болотца. — Кира старалась говорить шутливым тоном, но смотрела на подругу с беспокойством. Помогла ей подняться.

Они поплелись дальше. Солнце слепило глаза. Хоть бы какой ветерок подул! Опять куст чертополоха. Теперь уж не обманешь! Видим, что не дерево.

И вдруг Валя остановилась и... опустилась на землю.

— Валечка, что ты? Споткнулась?

Валя бессильно приникла к земле, прикрыла голову руками.

— Не могу больше! Шагу ступить не могу...

— Но лежать еще хуже! Вставай! Мы выйдем на дорогу. Или кто-нибудь проедет мимо.

— Неужели ты не видишь, что никто здесь не ездит, не ходит? — с раздражением сказала Валя. — Этот край степи совсем... заброшенный...

— А может, поедет кто-нибудь... Ну, возьми себя в руки! — Кира топталась над Валей, чувствуя себя совершенно одуревшей: «Да что же делать? Вот напасть-то!»

— Послушай, Валечка! Встань! В каких положениях люди не падали духом! Ну, подумай! Вот тетя твоя вчера нам рассказывала про партизан. Здесь, в Крыму! Как они в горах прятались и еды совсем не было. Там и ребята среди них, может, младше нас...

— В горах — тень! — пробормотала Валя.

— И в степи были партизаны, ну, что ты говоришь? Наверно, и здесь тоже, на этом вашем чертовом Сиваше. Им-то насколько хуже, чем нам, приходилось! И мы же пионерки!

— То все во время войны было...

— Будто, когда нет войны, можно распускаться! — Кира пыталась насильно поднять Валю, тянула ее за плечи, за руки.

Все было напрасно. Тяни не тяни, Валя совсем обмякла, валилась безвольно на землю и только твердила:

— Не могу идти... у меня нет сил...

Кира даже запыхалась. Постояла минуту в раздумье. Потом сказала решительно:

— Ну, вот что! Я побегу, может, отыщу какую-нибудь дорогу, по которой машины ходят. Буду все время громко кричать на бегу...

— Если ты уйдешь, я сразу умру, — твердо сказала Валя. — Я не могу остаться одна...

Сидя возле Вали, Кира озиралась со страхом. Какая злая степь! Местами земля совсем облысела — голая, твердая корка, вся в трещинах. Даже полынь отказывалась расти.

Из окна был виден Таврический сад. У них дома, в Ленинграде. Громадные ветвистые липы. Кроны раскинулись шатром, тень от них густая и такая прохладная, что ее можно пить, как воду. Зимой стволы чернели на белом снегу. Издали казалось, что они вырезаны из черной бумаги и наклеены на белую. Будто аппликация искусного художника. Падал крупный снег. Можно высунуть язык и поймать снежинку. Как это вкусно — снежинка!

А здесь не снежинки летают. Здесь мушки. Скользят, как по льду. Очень соленому. Надо спросить у преподавательницы зоологии Клавдии Петровны, зачем мушки так тренируются? В кабинете зоологии Санька Громов толкнул ее, Киру. От неожиданности она уронила чучело дикой утки и страшно испугалась: ей показалось, что утиный клюв треснул. Трещина, если и была, то неглубокая — карандаш бы в нее не провалился. Дикие утки не прилетают на Сиваш. Что им тут делать, когда все во-

круг соленое? Подняв утку с полу, Кира дала Саньке тумака. А ведь Санька умный, он что-нибудь придумал бы. И он мог бы тащить Валечку на спине, а ей это не под силу. Клавдия Петровна тогда выставила из класса их обоих, и Саньку, и Киру. А вдруг она никогда больше не увидит Клавдию Петровну? Мамочка! Да что же это такое?!

Сквозь закрытые веки и то отсвечивает красным. А приоткроешь глаза — так и ослепляет белесая, растрескавшаяся земля и море, лиловое, какое-то металлическое...

Было бы у нее длинное платье, как у женщин Индии — Кира видела в кино, — они бы обе закрылись, даже навес бы устроили над головой. Кира сняла с себя платье и накинула на Валю, чтобы у той не сделался солнечный удар. Сама осталась в трусах и лифчике, а плечи прикрыла Валиной косынкой. И сидит, как в печке — насквозь ее прожигает.

Она уже отбегала то в одну сторону, то в другую, кричала и размахивала косынкой. Но совсем недалеко отбегала, чтобы все время видеть Валю. Убежишь подальше и... вдруг не найдешь дороги обратно? Не найдешь Валечку! Тогда что? Сразу помирай от ужаса. А потерять это место легко: вокруг все такое одинаковое.

Есть уже совсем не хочется, только пить. С голоду они не умрут, без пищи человек может жить очень долго. А без воды? Через сколько дней люди, заблудившиеся в пустыне, умирают от жажды? Тетка Валина вернется завтра, сразу поднимет тревогу... А если она задержится?

Она ли это, Кира, сидит на горячей земле, подтянув колени к подбородку? Как-то странно все... Валя лежит под платьем тихо. Надо уткнуться лицом в свои локти, лежащие на коленях, тогда глазам темно, легче без этой яркости...

Графитно-серые сумерки окутали степь. А небо на горизонте пламенело, кроваво-красное, оранжевое. Уходило беспощадное солнце.

Кира глотнула посвежевшего воздуха, пошевелилась. Плечам и спине стало резко больно.

Валя сидела, поджав ноги.

— Как ты спала крепко! Ну, что нам делать? Пропадем! — Она всхлипнула.

— Ночью, во всяком случае, не пропадем. Хоть не изжаримся. — Кира вскочила и вскрикнула: — Уй-ю-юй! Спине как больно! Да я вся как деревянная... Вот ночью костер был бы виден...

Глянула и замерла в удивлении. На пылающем фоне закатного неба внезапно возникли черные силуэты бегущих коней. Морды, крутые шеи, взлетающие копыта — все так четко и необыкновенно. Гривы развеваются на бегу.

— Валя! Посмотри! Красотища какая!

Валя подняла голову и прошептала испуганно:

— Табун!

А конские силуэты росли, становились все больше...

— На нас бегут! Затопчут! — Валя стремительно поднялась на ноги, в голосе ее звучал ужас.

У Киры сердце заколотилось от страха. Она заметалась, обхватила Валю, пыталась ее куда-то тащить. С плачем Валя обвисала на ее руках.

Не помня себя, Кира завопила отчаянно:

— Ма-ма! Ма-а!..

Прижала к себе Валю и зажмурилась. Пропали! Совсем близко где-то конский храп...

— Чего тут? — встревоженно спросил звонкий голос.

Кира открыла глаза. Морда коня над ними. На коне всадник. Плохо его видно в темноте, маячит кто-то на конской спине...

И тут Кира разревелась как маленькая.

— Дяденька, миленький, спасите! —взмолилась она. — Мы заблудились...

Всадник что-то буркнул, неожиданно повернул круто коня. Топот копыт... Всадник исчез.

Кира растерянно огляделась. Пустая темная степь. Никаких коней. Небо догорало, стало лимонным. В тишине засверкали светлячки звезд.

Не померещился же ей всадник?

— Уехал! — вскрикнула с возмущением Валя.

Вот и Валя видела. Значит, не померещилось, не приснилось.

— А-а-а! — закричала Кира. — Эй!

— Э-э-эй! — отозвалось из темноты.

И вместе с криком замелькал огонек. Он плясал в воздухе довольно высоко от земли. Что это?

Опять топот конских копыт. Из темноты вынырнули два коня, два всадника. Один из них держал в руках фонарь «летучая мышь»...

Как уж усадили Валю на лошадиную спину, Кира не знала. Сама она еле вскарабкалась, хоть и держали ее крепко чьи-то руки и тянули наверх.

...Весело горел костер. Кира подбрасывала веточки, наслаждаясь живым видом огня. Вода из фляжки была просто чудесная. И хлеб с брынзой на диво вкусный. Поодаль, за кустами, паслись, пофыркивая, кони. Стрекотали кузнечики. В вышине сверкали громадные яркие звезды, и было их удивительно много.

Валя полулежала, опершись на локоть, на какой-то подстилке и тоже смотрела на огонь.

— Вот тетя поразится, когда мы ей расскажем, как заблудились и чуть не погибли! — сказала она.

— В степи заблудиться недолго, — отозвался старик с клочкастыми бровями и небольшой редкой бородкой. — И совсем пропасть можно с непривычки-то! Солнце — оно не шутит.

А мальчишка нет-нет и фыркал, сразу принимал строгий вид, но потом снова лукавая ухмылка раздвигала губы.

Когда девочек осветили «летучей мышью», один из всадников протянул с удивлением:

— А здоровые какие девки! Я думал, маленькие плачут...

Эту фразу Кира слышала как в тумане и невольно запомнила. Но в тот момент ей было все равно. А теперь, у костра, она смущенно смеялась. Такому пацанчику она кричала умоляюще: «Дяденька!»

— Тебе, Андрей, сколько лет? — спросила она. Имя уже знала, слышала, как дед называл.

— Тринадцать. В седьмой перекочевал.

Кира удивилась. Она думала, что ему и двенадцати нет: небольшой мальчонка. Но коренастый, крепкий. Как на коня-то ее втаскивал!

— И мы в седьмой перешли. Ты приезжай ко мне в Ленинград! Непременно приезжай! Я тебе все-все покажу. Деревья знаешь какие в Таврическом саду. — Кира улыбалась во весь рот, чувствуя себя бесконечно счастливой, и вдруг зябко поежилась:

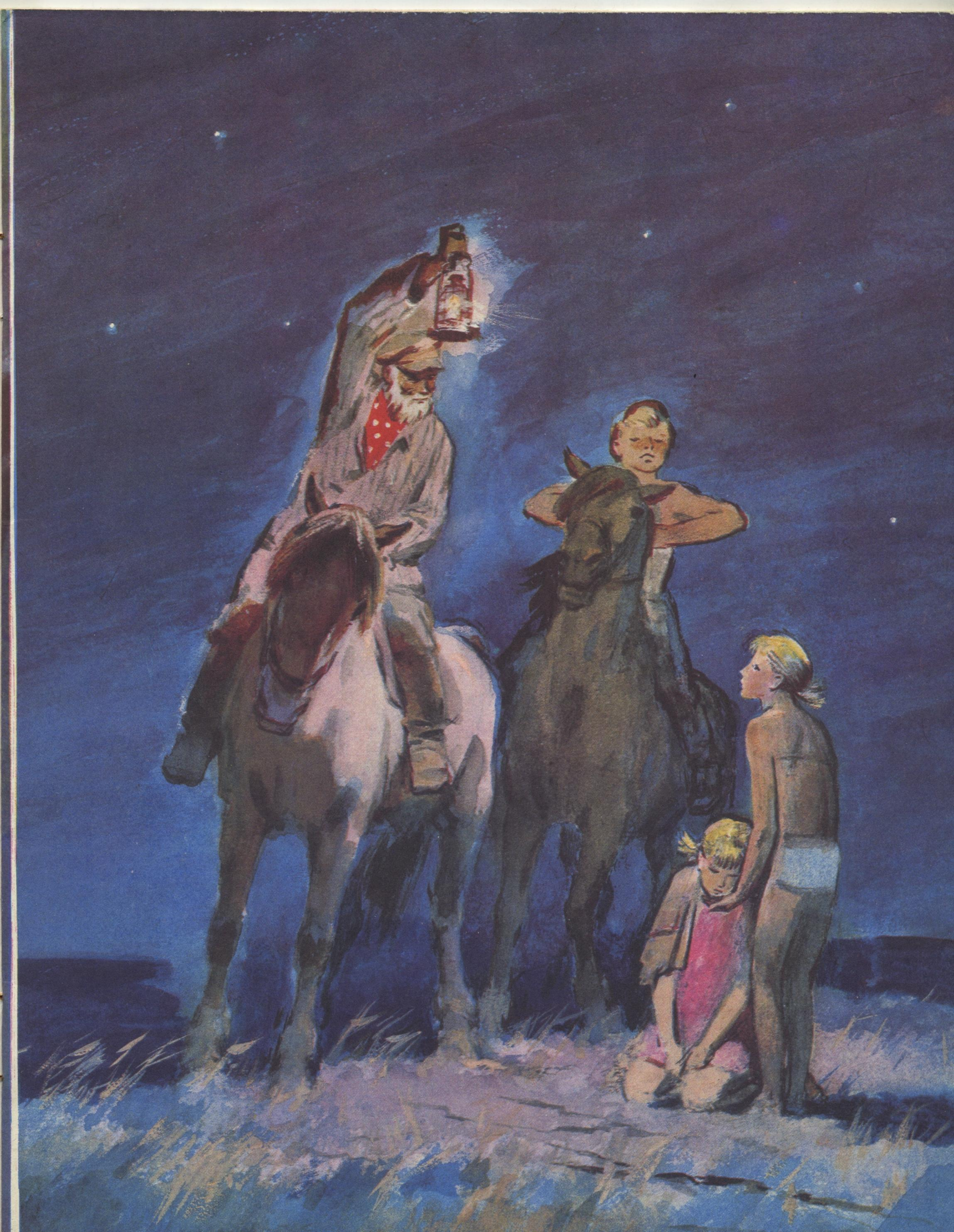
— Ой, что-то меня как будто знобит, прямо не знаю, что такое...

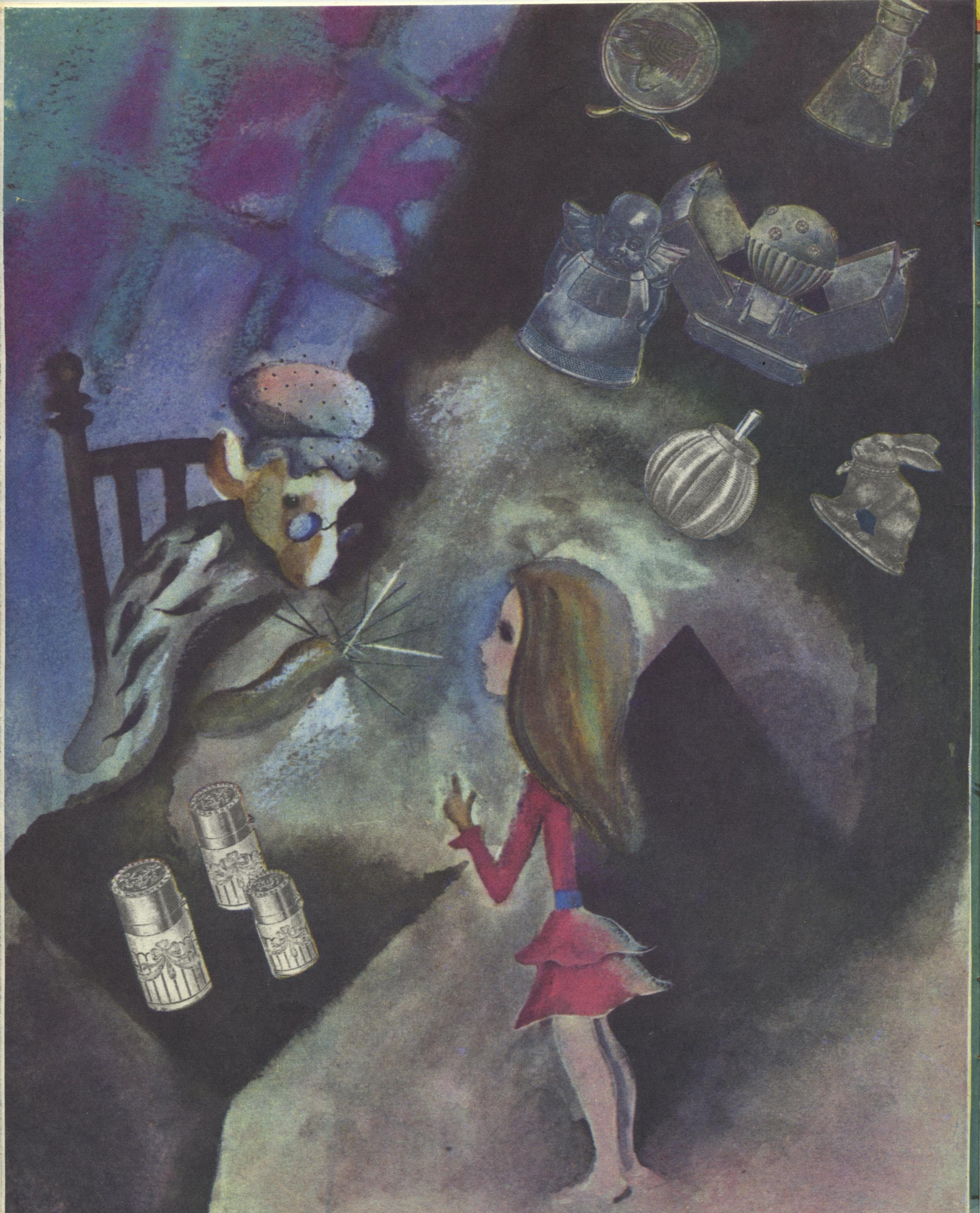
Старик привстал, вытянул откуда-то куртку и осторожно прикрыл Кирины плечи.

— Я и то присматриваюсь... Так ты ж совсем сгорела! Эта-то дивчина ничего, — показал он на Валю. — А тебе, дочка, похворать придется...

Старый табунщик оказался прав: неделю пролежала Кира с высокой температурой, пришлось телеграммой вызвать маму из Симферополя. Спина у Киры была сплошь в пузырях. А потом пластами сходила кожа.

— Скажи пожалуйста, как меня в степи обновило! — разглядывая новую тонкую кожицу, говорила Кира со смехом.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Льюис Кэрролл

Рисунки Г. Ковенчука

Глава пятая

НЕВЕЗЕНЬЕ И ВЯЗАНЬЕ

Не успела Алиса, поймав шаль на лету, оглядеться по сторонам в поисках ее хозяйки, как появилась Королева Белых. Королева стремительно неслась через лес, широко раскинув руки, словно собираясь взлететь. Алиса учтиво направилась навстречу с шалью в руках.

— К счастью, она попала мне прямо в руки, — сказала Алиса, помогая Королеве накинуть шаль на плечи.

Королева Белых как-то испуганно и беспомощно оглянулась на Алису и шепотом повторила несколько раз что-то похожее на «облако—дарю, облако—дарю». И Алиса поняла, что ей самой придется начать и поддерживать разговор, а иначе он может вообще не состояться.

Начала она довольно робко:

— Ваше величество, я подошла к вам с надеждой...

Королева хмыкнула и, пытаясь завернуться в шаль, проворчала:

— Если хотите, можете называть это надеждой. Но я до сих пор называла это несколько иначе.

Алиса, подумав, что разговор никогда не следует начинать с пререканий, улыбнулась и сказала:

— Если Вашему величеству угодно, о надежде я больше не буду говорить.

— А что? Что-нибудь не в порядке? — забеспокоилась Королева и стала осматривать свой наряд. — Я этой надеждой, как вы изволите выражаться, уже два часа только и занимаюсь.

По мнению Алисы, гораздо вернее было бы доверить это занятие кому-нибудь другому. Королева была удивительно неумело одета. Повсюду торчали булавки и шпильки, все было перекручено и перекошено. Но вслух Алиса сказала:

— Разрешите, я поправлю вам шаль.

— Уж и не знаю, что с ней творится, — грустно ответила Королева. — Она, наверное, вышла из себя. Я ее и тут заколю, и там заколю, а она не хочет лежать — и все!

— И не будет лежать, если ее так закалывать, — сказала Алиса, аккуратно расправляя шаль. — Но, простите, что у вас с прической?

— В ней запуталась щетка, — вздохнула Королева. — А гребень я вчера потеряла.

Алиса осторожно высвободила щетку и старательно причесала Королеву.

— Посмотрите, насколько теперь лучше, — сказала она, заколов заново чуть ли не все шпильки. — Вам и вправду следовало бы завести горничную.

— Вас я взяла бы с удовольствием, — предложила Королева. — Хотите раз в неделю пятачок и во все прочие дни мармелад?

Алиса невольно улыбнулась.

— Денег мне от вас не надо, а мармелад я не люблю.

— А хороший мармелад! — сказала Королева.

— Нынче я никакого не хочу.

— Нынче и не получите, даже если захотите, — сказала Королева. — По уговору мармелад можно получать либо завтра, либо вчера, но только не нынче.

— Но когда-нибудь он должен же быть нынче, — возразила Алиса.

— Нет, не должен, — сказала Королева. — Я ведь ясно сказала: «Мармелад во все прочие дни». А «нынче» это не прочий день и никогда им не бывает. Понимаете?

— Не понимаю, — сказала Алиса. — У меня все в голове ужасно перепуталось.

— Когда живешь не в ту сторону, это бывает, — сочувственно сказала Королева. — Сначала обычно немножко кружится голова, но зато...

— Как это жить не в ту сторону?! — ошеломленно повторила Алиса. — Ни о чем подобном я никогда не слыхала!

— Но зато в этом есть и свое преимущество — начинаешь помнить и то, что уже было, и то, чего еще не было.

— Я не могу помнить то, чего еще не было, — сказала Алиса. — Я помню только то, что уже было, это совершенно точно.

— Довольно убогая память, — заметила Королева.

— А вы и то и другое помните? А что вы лучше помните? — рискнула спросить Алиса.

— То, что случится на послебудущей неделе, — как ни в чем не бывало ответила Королева Белых.

— Вот, например, — продолжала она, наклеивая на палец большущий кусок пластыря, — у нас есть Гонец. Сейчас он в тюрьме, отбывает наказание. А суд начнется не раньше будущей среды. А уже после совершится преступление.

— А если оно не совершится никогда-никогда? — спросила Алиса.

Продолжение. См. «Костер» №№ 3—4, 1969 г.

— Ну что ж, это было бы неплохо, разве не так? — сказала Королева, завязывая пластырь ленточкой.

Но Алиса не это имела в виду.

— Это-то неплохо, — сказала она. — Но ведь его уже наказали, вот что плохо.

— Уж тут-то вы вовсе неправы, — не согласилась Королева. — Вас когда-нибудь наказывали?

— Только если я плохо себя вела.

— И, припомните, разве плохо тогда, когда вас уже наказали? — торжествующе спросила Королева.

— Нет. Но ведь я до этого плохо себя вела, — не сдавалась Алиса. — Вот в чем разница.

— А если бы вы плохо не вели себя, — сказала Королева, — было бы еще лучше, намного лучше, гораздо лучше, — с каждым «лучше» голос ее становился все пронзительней, все визгливей.

Алиса начала было говорить: «Тут где-то что-то не так», но не смогла закончить, потому что Королева

внезапно затрясла рукой так, словно пыталась от нее избавиться и нестерпимо громко завизжала:

— Ой-ой-ой-ой! Мой палец! Как больно! Ой-ой-ой-ой!

Этот визг был настолько похож на свисток, что Алиса заткнула уши.

— Да что же случилось? — спросила она, когда, наконец, смогла себя расслышать. — Вы что, палец укололи?

— Нет, еще не уколола, — захныкала Королева. — Но уколю. Ой-ой-ой-ой!

— Когда же вы его собираетесь уколоть? — спросила Алиса. Она приняла это за шутку и готова была рассмеяться.

— Когда я снова буду закалывать шаль! — бедная Королева чуть не плакала. — Сейчас булавка расстегнется! Ой-ой-ой-ой!

И тут вдруг булавка действительно расстегнулась. Королева схватила ее и стала застегивать.

— Осторожней! — крикнула Алиса. — Вы же ее неправильно держите!

Но было уже поздно. Острие соскользнуло и укололо Королеве палец.

— Вот мне и стало больно. Видите? — Королева улыбнулась Алисе. — По-моему, достаточно наглядный пример к нашему разговору.

— А что же вы теперь не кричите? — спросила Алиса, на всякий случай готовясь снова заткнуть уши.

— Зачем? — удивилась Королева. — Я же раньше все откричала. Что толку теперь повторяться?

В это время вокруг посветлело.

— Вот галка и пролетела, — сказала Алиса. — Как я рада. Я ведь думала, что это уже ночь.

— Я бы с удовольствием обрадовалась вместе с вами, — сказала Королева. — Только никак не могу вспомнить, как это делается. Вам, наверное, тут в лесу хорошо — радуетесь, когда хотите.

— Здесь только очень одиноко, — сказала Алиса настолько печально, что у нее самой на глаза навернулись слезы.

— Ах, не надо! Не надо! — воскликнула Королева, в отчаянии заламывая руки. — Только подумайте, какая вы большая девочка! Только подумайте, который час! Подумайте о чем угодно и не плачьте!

Алиса невольно засмеялась сквозь слезы:

— А вы, стоит вам только подумать о чем угодно, сразу перестаете плакать?

— Как же может быть иначе? — решительно сказала Королева. — Нельзя же сразу и думать о чем угодно и плакать. Кстати, а сколько вам лет?

— Как раз семь с половиной.

— Как раз или не как раз, я все равно вам верю, — заметила Королева. — А теперь ваша очередь мне верить. Мне сто один год, пять месяцев и один день.

— Не может быть! Не могу поверить, — сказала Алиса.

— Не можете? — сочувственно сказала Королева. — А вы еще раз попробуйте. Глубоко вдохните и зажмурьтесь.

Алиса засмеялась.

— И пробовать не буду. В невозможные вещи верить невозможно.

— Просто вы мало упражнялись, — сказала Королева. — Я в вашем возрасте хоть по полчаса в день, но упражнялась. И мне иной раз удается с утра натощак поверить сразу в шесть невозможных вещей. Ах, опять эта шаль!

Пока они разговаривали, булавка, как видно, снова расстегнулась, и внезапный порыв ветра сдул шаль с Королевы за ручеек. Королева, раскинув руки, взлетела, понеслась за ней и на этот раз удачно ее поймала.

— Попалась! — торжествующе крикнула Королева. — Теперь поглядите, как я ее заколю! По-своему!

— А как ваш палец? Уже хорошо или так себе? — вежливо спросила Алиса, перешагивая ручеек следом за Королевой.

. . . . . .

— Ох, так себе, — тоненько пропищала Королева. — Так себе! Так себе-е! Так се-бе-е! Се-е-бе-е-е! Бе-е-е-е!

И слова ее вдруг превратились в блеянье, настолько похожее на овечье, что Алиса даже вздрогнула. Она не могла отвести взгляд от Королевы Белых, которая внезапно окуталась шерстью. Алиса протерла глаза и снова взглянула. Она не могла понять, как так получилось! Как она попала в лавочку? Вправду ли это лавочка? Вправду ли за прилавком сидит овечка? Сколько глаза ни три, ничего не поделаешь — стоишь, положа локти на прилавок, в темной лавочке, а за прилавком старенькая Овечка сидит в кресле и вяжет, и прерывает работу только для того, чтобы время от времени глянуть на тебя из-под очков.

— Так что же ты хочешь купить? — спросила, наконец, Овечка, в очередной раз прервав вязанье.

— Я еще не знаю, — вежливо ответила Алиса. — Мне сначала хотелось бы, если можно, осмотреться по сторонам.

— А ты сможешь осмотреть себя с задней стороны? Разве у тебя есть глаза на затылке? — спросила Овечка. — Впрочем, как тебе угодно, осматривайся.

Глаз на затылке у Алисы не было, осматривать она собиралась не себя, а полки. Поэтому она просто отвернулась от прилавка и подошла к полкам поближе.

В лавочке было полно разнообразнейших и любопытнейших вещей, но удивительнее всего было то, что стоило Алисе взглянуть на какую-нибудь полку, как именно она оказывалась пуста-пустешенька, в то время как соседние просто ломились от изобилия.

— Тут все вещи на ходу изменяются, — пожаловалась

самой себе Алиса, понапрасну потратив несколько минут на то, чтобы рассмотреть какую-то большую блестящую штуку, которая всегда оказывалась на следующей полке и была похожа то на куклу, то на шкатулку для рукоделия. — Вот что, я прослежу за ней до самой верхней полки. Вряд ли она пройдет сквозь потолок.

Не вышло: «штука» прошла сквозь потолок совершенно спокойно, словно и не в первый раз.

— Ты ребенок или волчок? — спросила Овечка, достав еще пару спиц. — Что ты так крутишься? У меня вот-вот голова закружится.

Теперь она вязала сразу четырнадцатью парами спиц, и на это нельзя было глядеть без удивления. «Как она с ними со всеми управляется? — думала Алиса озадаченно. — Она стала вроде дикобраза».

— Ты грести умеешь? — спросила Овечка, протягивая Алисе пару спиц.

— Да, немножко, только не на суше и не спицами, — начала было Алиса, как вдруг спицы у нее в руках превратились в весла и она вместе с Овечкой оказалась в лодочке, плавно скользящей меж крутых высоких берегов; делать нечего — Алиса, как могла, принялась грести.

— Разверни перо! — крикнула Овечка и взяла еще пару спиц. «Кому это она?» — подумала Алиса, стараясь грести сильнее. Вода была какая-то не такая — весла уходили в нее легко, а выходили еле-еле.

— Да разверни же перо! — снова закричала Овечка и взяла целый пучок спиц. — Ты что, не слышишь?

— Конечно, слышу. Вы достаточно громко говорите, — ответила Алиса.

— Так разверни перо и не лови ворон! — сердито перебила Овечка. Она уже не могла удержать всех спиц и втыкала их прямо себе в шерсть.

— Но как я могу развернуть перья? Ведь я же не птица! — в свою очередь рассердилась Алиса. — И при чем тут вороны?

— Ты птенчик желторотый! — ответила Овечка.

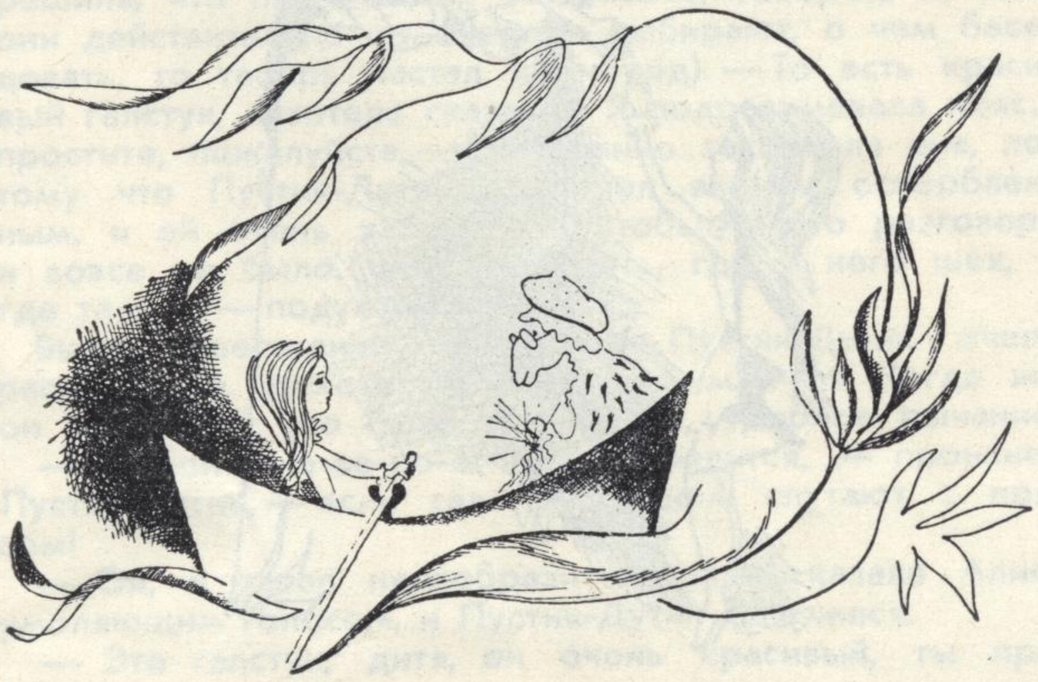
Алиса обиделась, разговор прервался, а лодка скользила себе потихоньку то над водорослями (в которых весла еще пуще застревали), то под деревьями на высоких неприветливых берегах.

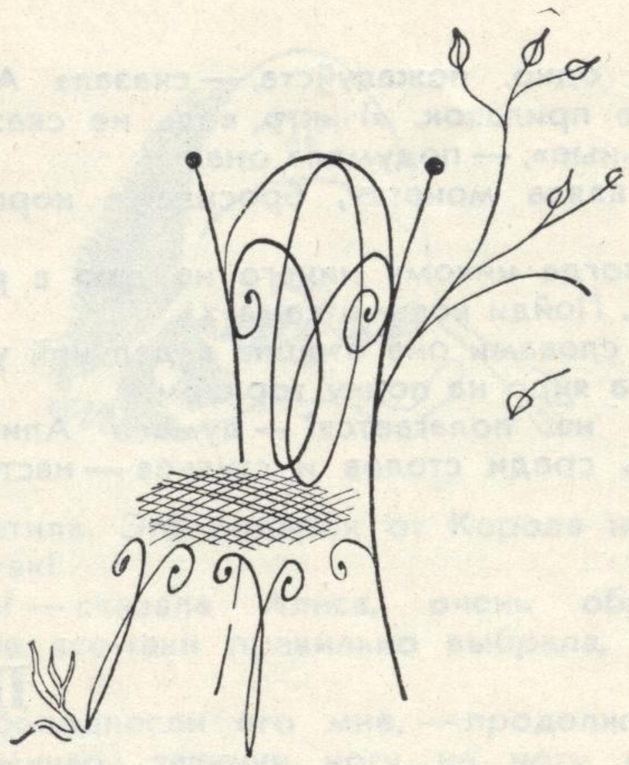
— Скажите пожалуйста! Здесь растет душистый камыш, — внезапно обрадовалась Алиса. — Он, честное слово, он! И какой красивый!

— Что я могу тебе сказать? — проворчала Овечка, не поднимая глаз от вязанья. — Я его не сажала и трогать не собираюсь.

— Да нет же! Скажите, пожалуйста, не можем ли мы задержаться на минутку? — попросила Алиса. — Я хочу сорвать камышинки. Давайте остановим лодку.

— А я-то при чем? — сказала Овечка. — Она сама остановится, только перестань грести.

И вот лодка поплыла по воле течения и, наконец, оказалась среди качающихся камышей. Алиса аккуратно закатала рукавчики, погрузила руки по локоть в воду, чтобы поглубже перехватить камышинки; позабыла и про Овечку, и про вязанье, перегнулась через борт лодочки — даже локоны замочила — и принялась собирать пучки чудного душистого камыша.

«Только бы лодка не перевернулась! — думала она. — Ой, а там какой красивый! Да не достать!» Хотя она набрала полную лодку красивого камыша, все-таки досадно было, что самый красивый, как нарочно, рос там, куда она не могла дотянуться.

— Никак не добраться, — вздохнула она и даже рассердилась на камыш, который не мог вырасти поближе. Раскрасневшаяся, с мокрыми руками, с мокрыми локонами, она, наконец, села на место и стала разбирать свои внезапно приобретенные сокровища.

Но сорванные камышинки тотчас же начали вянуть и терять аромат и красоту. Стоило ли обращать на это внимание? И настоящий-то душистый камыш недолго держится, а этот, сказочный, таял на глазах, как снег. Она этого не замечала, ее занимали иные, гораздо более любопытные вещи.

Не успели отплыть немного в сторону, как одно из весел резко нырнуло в воду, словно решило достать до дна, — так Алиса говорила потом. Весло попало вальком ей под подбородок и столкнуло ее с места прямо на груду камышинок.

Но она не ушиблась, быстро опомнилась и с облегчением убедилась, что сидит в лодке. Овечка по-прежнему занималась своим вязаньем, словно ничего и не случилось. Только когда Алиса села на место, она заметила:

— Ну что, ловила-ловила ворон и наконец поймала?

— Нет, не поймала, — ответила Алиса, оглядываясь по сторонам. — А где они? Я бы с удовольствием захватила одну с собой.

Но Овечка презрительно хмыкнула и снова взялась за вязанье.

— А много здесь ворон? — спросила Алиса.

— Полно́. И ворон, и чего угодно, — ответила Овечка. — Что хочешь, то и выбирай. Ты, наконец, решила, что именно хочешь купить?

— Купить? — отозвалась Алиса испуганно и удивленно, потому что и весла, и лодка, и река вмиг исчезли, и они снова оказались в темной лавочке.

— Можно купить вон то яйцо? — робко сказала она. — Почем вы их продаете?

— Пятак за штуку, копейка за две, — ответила Овечка.

— Два дешевле, чем одно? — удивилась Алиса, доставая кошелек.

— Два купишь — два и съешь.

— Тогда одно, пожалуйста, — сказала Алиса, кладя монетку на прилавок. «Никто ведь не сказал, что они замечательные», — подумала она.

Овечка взяла монетку, бросила в коробку и сказала:

— Я никогда никому ничего не даю в руки. Так не полагается. Пойди возьми сама.

С этими словами она отошла в дальний угол лавочки и поставила яйцо на полку торчком.

«Почему не полагается? — думала Алиса, ощупью пробираясь среди столов и стульев — настолько здесь было темно. — И яйцо кажется тем дальше, чем дольше я до него добираюсь. А вот это разве стул? У него ветки растут, честное слово! Удивительное дело — здесь растут деревья! А это ручей! Ну и ну! Это самая странная лавочка из всех, какие я видела».

. . . . . .

Так она шла, и с каждым шагом росло ее удивление. По мере ее приближения все вокруг превращалось в деревья, и она уже решила, что с яйцом произойдет то же самое.

Глава шестая

ПУСТИК-ДУТИК

Однако яйцо, постепенно увеличиваясь в размерах, все больше и больше становилось похожим на человечка; когда Алиса подошла к нему совсем близко, то ясно увидела, что это Пустик-Дутик собственной персоной. «И никто иной! — так она сказала про себя. — Я в этом убеждена, словно у него на лбу написано».

А на огромном лбу Пустика-Дутика свободно можно было бы сотню раз написать его имя. Пустик-Дутик сидел, поджав ноги по-турецки, на таком узком карнизе, что Алиса просто диву далась, как он там держится, но так как он неподвижным взглядом смотрел прямо перед собой и не проявил к ней ни малейшего интереса, Алиса решила, что он, должно быть, просто чучело.

— Но как же он похож на яйцо! — громко сказала она, останавливаясь и подставляя руки, чтобы подхватить его: ведь он с минуты на минуту должен был грохнуться оттуда.

Пустик-Дутик долго молчал, затем отвернулся от Алисы и проговорил:

— Любой разозлится, когда его обзовут яйцом! Любой!

— Я не обзывала вас яйцом, сэр, я сказала только, что вы на него похожи, — с достоинством пояснила Алиса. — А яйца, знаете ли, бывают очень симпатичные, — добавила она, надеясь обратить свои слова во что-то вроде комплимента.

— Некоторые, — сказал Пустик-Дутик, все так же глядя в сторону, — некоторые рассуждают, как дети.

Алиса не знала, что на это сказать. Он явно обращался не к ней, а к ближайшим деревьям. «Разве так беседуют?» — подумала она и стала тихо повторять про себя:

Пустик-Дутик
Сел на карниз,
Пустик-Дутик
Грохнулся вниз.
Король пехоту и конницу
Велел на помощь отправить,
Но Пустика-Дутика ни за что на место
им не поставить.

— Последняя строчка, по-моему, слишком длинна, — добавила она почти про себя, забыв, что Пустик-Дутик все-таки может ее услышать.

— Не стой и не болтай сама с собой, — взглянув, наконец, на Алису, сказал Пустик-Дутик. — Как тебя зовут и что ты здесь делаешь?

— Меня зовут Алиса и...

— Довольно глупое имя, — бесстрастно прервал Пустик-Дутик. — А что оно означает?

— Разве имя должно что-нибудь означать?

— Конечно, должно, — усмехнулся Пустик-Дутик. — Мое имя, например, говорит о моем внешнем виде, кстати, очень приятном и статном. А с таким именем, как у тебя, можно выглядеть все равно как.

Алиса решила не вступать в пререкания и спросила:

— Почему вы там один сидите?

— Почему? Да потому, что здесь больше никого нет! — воскликнул Пустик-Дутик. — И ты думала, что я не знаю, как отвечают на этот вопрос! Спроси о чем-нибудь другом!

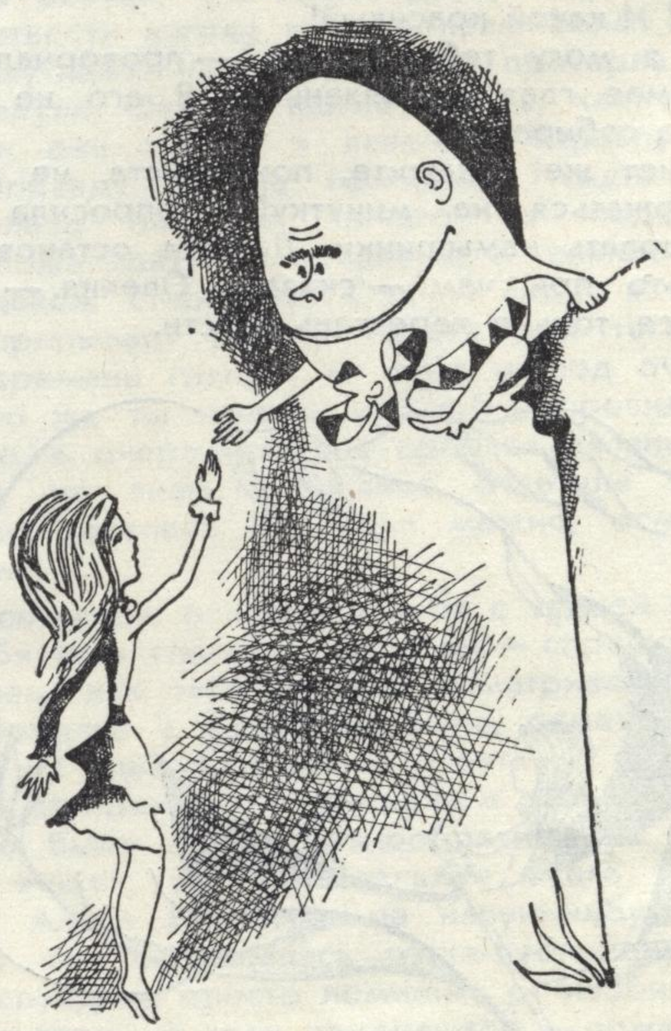
— Вы не находите, что на земле вам будет не так опасно? — спросила Алиса, вовсе и не думая задавать головоломные вопросы и просто по доброте своей тревожась за столь странное создание. — Ведь карниз такой узкий!

— Ты задаешь потрясающе простые головоломки! — прогремел Пустик-Дутик. — Конечно, не нахожу. Ведь если я только отсюда грохнусь! — хоть это и невероятно, но если только!..

Он поджал губы и глянул столь важно и гордо, что Алиса с трудом удержалась от смеха.

— Если только я упаду, — продолжал он, — Король обещал лично мне!.. Ты побледнеешь, когда услышишь это! Ты даже не догадываешься, что я скажу! Король обещал мне своими собственными устами, что он...

— Пехоту и конницу велит на помощь отправить? — подхватила Алиса почти безотчетно.

— Ну, знаете! Это никуда не годится! — воскликнул Пустик-Дутик, впадая в ярость. — Ты подслушивала под дверьми, или за деревом, или в печной трубе! Иначе бы ты не могла этого знать!

— Нет, я не подслушивала, — сказала Алиса с достоинством. — Про это было написано в книжке.

— Ах, вот как! Про это могло быть написано в книжке, — сказал Пустик-Дутик, успокаиваясь. — В той, которую называют «Историей Англии». Это верно. Так что смотри на меня и любуйся! Я из тех, кто разговаривал с Королями. Может, в другой раз такого и не увидишь! А я не гордый, мне можно и руку пожать!

Он заулыбался от уха до уха, наклонился вперед и — как он только удержался, чтобы не грохнуться! — протянул Алисе руку. Алиса пожала ее, с тревогой подумав: «Если он еще чуть-чуть доулыбнется, у него губы сойдутся на затылке. С его головой тогда будет — я не знаю что! Ой, а вдруг она разломится?»

— Да. Король пехоту и конницу велит на помощь отправить, — продолжал Пустик-Дутик. — Уж они-то меня — раз-два! — и усадят на место. Однако наша беседа подвигается немножко слишком быстро. Вернемся к твоему предыдущему высказыванию.

— Ой, боюсь, мне его не припомнить, — очень вежливо сказала Алиса.

— В таком случае, начнем сначала, — предложил Пустик-Дутик, — только теперь мой черед выбирать, о чем будет разговор («Он так говорит, словно это не беседа, а игра», — подумала Алиса). — Есть для тебя один вопросик. Ты можешь сказать, сколько тебе лет?

Алиса быстренько посчитала и ответила:

— Семь с полозиной.

— Неверно! — торжествующе провозгласил Пустик-Дутик. — Разве так отвечают на этот вопрос?! Я тебя не об этом спрашивал.

— Я думала, вы хотели спросить, сколько мне лет, — пояснила Алиса.

— Хотел бы, так бы и спросил, — заявил Пустик-Дутик.

Алиса снова решила не спорить с ним и промолчала.

— Семь с половиной лет, — задумчиво повторил Пустик-Дутик. — Очень неудобный возраст. Если бы ты у меня вовремя спросила, я бы тебе сказал: «Хватит и семи», а теперь уже поздно.

— Я никогда ни у кого не просила советов о том, как расти, — сказала Алиса с негодованием.

— Ты такая гордая?

— Нет, — с еще большим негодованием сказала она. — Просто никто не может остановиться и не расти дальше.

— Раз Никтоня может, — ответил Пустик-Дутик, — значит, и все прочие могут. Как следует взяться — и ты бы дальше не росла.

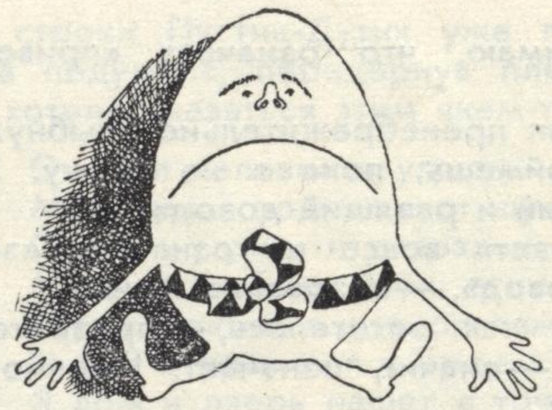
— Какой у вас красивый пояс! — сказала Алиса (она решила, что про возраст уже хватит говорить и, если они действительно по очереди выбирают, о чем беседовать, то теперь настал ее черед). — То есть красивый галстук, я хотела сказать... Я подразумевала пояс... простите, пожалуйста, — растерянно закончила она, потому что Пустик-Дутик выглядел вконец оскорбленным, и ей очень захотелось, чтобы такого разговора и вовсе не было. «Как тут знать, где у него шея, а где талия», — подумала она.

Было совершенно ясно, что Пустик-Дутик очень рассердился. Некоторое время он молчал. Когда же он заговорил, это было похоже на утробное рычание.

— Любой не-ве-ро-ят-но разозлится, — произнес Пустик-Дутик, — если галстук на нем спутают с поясом!

— Ой, я такая несообразительная, — сказала Алиса умоляющим голосом, и Пустик-Дутик смягчился.

— Это галстук, дитя, он очень красивый, ты правильно заметила. Это подарок от Короля и Королевы Белых. Вот так!

— Правда? — сказала Алиса, очень обрадованная тем, что она все-таки правильно выбрала, о чем говорить.

— Они преподнесли его мне, — продолжал Пустик-Дутик задумчиво, закинув ногу на ногу и обхватив колено руками. — Это был мне от них невденьрождарок.

— Простите, как? — озадаченно переспросила Алиса.

— А я не обиделся, — ответил Пустик-Дутик.

— Я про невденьрождарок. Это что такое?

— Просто-напросто подарок, который тебе преподносят не в день рождения.

Алиса призадумалась.

— Мне больше нравятся вденьрождарки, — сказала она.

— Да ты понимаешь, что говоришь? — завопил Пустик-Дутик. — Сколько в году дней?

— Триста шестьдесят пять, — ответила Алиса.

— А сколько дней рождения?

— Один.

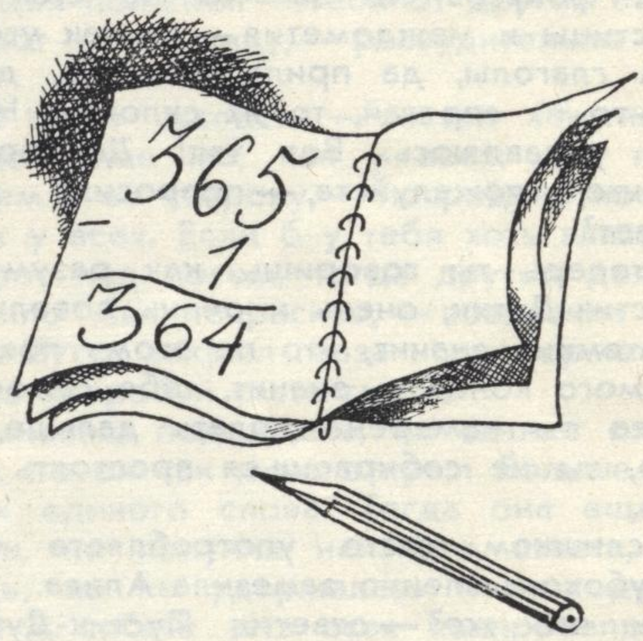
— А если отнять от трехсот шестидесяти пяти один — сколько останется?

— Триста шестьдесят четыре.

Пустик-Дутик, видимо, засомневался.

— Сосчитаем-ка на бумажке, — предложил он.

Алиса не могла не улыбнуться, доставая свою записную книжку, и вывела:

Пустик-Дутик взял книжку и внимательно посмотрел на листок.

— Как будто бы и верно... — начал он.

— Вы держите книжку вверх ногами, — вмешалась Алиса.

— Ну конечно же! — весело сказал Пустик-Дутик, когда она повернула ему книжку как следует. — То-то я смотрю: что-то не так! Недаром я сказал «как будто бы», хотя еще и не успел основательно проверить. Значит, в году целых триста шестьдесят четыре дня, когда ты можешь получать невденьрождарки.

— Совершенно верно, — подтвердила Алиса.

— И только один день вденьрождарки! Вот тебе и привет!

— Не понимаю, что означает «привет»? — сказала Алиса.

Пустик-Дутик пренебрежительно улыбнулся.

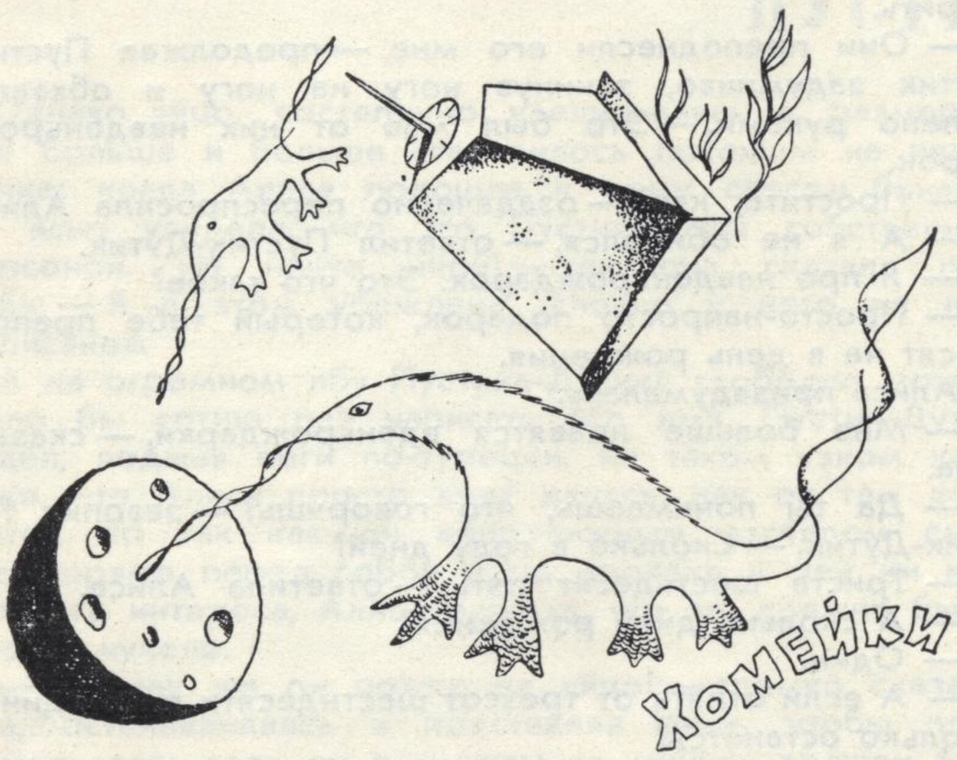
— И не поймешь, пока я не скажу. Это означает «замечательный и разящий довод».

— Но «привет» вовсе не означает «замечательный и разящий довод», — возразила Алиса.

— Раз мне так захотелось, — презрительно сказал Пустик-Дутик, — значит, означает. Именно это: не более, не менее.

— А разве можно придавать слову какой угодно смысл? — спросила Алиса.

— А разве я своим словам не хозяин? — ответил Пустик-Дутик.

Озадаченной Алисе нечего было возразить. Пустик-Дутик подождал и заговорил сам.

— Слова, они с характером — некоторые друг возле друга без фокусов ни за что не станут — гордые! Всякие частицы и междометия — их как угодно можно ставить. А глаголы, да прилагательные, да существительные — то их спрягай, то их склоняй! Но я с ними со всеми управляюсь. Вот так! Донепроницатемки!

— Скажите, пожалуйста, — попросила Алиса, — что это означает?

— Вот теперь ты говоришь, как разумное дитя, — сказал Пустик-Дутик, очень и очень довольный. — «Донепроницатемки» значит, что по этому поводу сказано все до самого конца и, значит, тебе самое время подумать, что ты намерена делать дальше, поскольку, я полагаю, ты не собираешься простоять здесь остаток жизни.

— Вы слишком часто употребляете слово «значит», — глубокомысленно заметила Алиса.

— Ну и что же? — ответил Пустик-Дутик. — Я же даром слов не употребляю. Я за это расплачиваюсь. Могу и надбавку заплатить за лишнюю работу.

— То есть как это? — удивилась Алиса. Она была совершенно сбита с толку.

— А вот так! Стоило бы тебе посмотреть, как слова толпятся вокруг меня в субботу вечером, когда у них получка. — Пустик-Дутик внушительно покачал головой.

(Алиса не рискнула спросить, чем он расплачивается со словами; посему и я не знаю, и вы не узнаете).

— Вы, сэр, кажется, очень искусно толкуете слова, — сказала Алиса. — Будьте добры, объясните мне, пожалуйста, о чем написано в стихотворении, которое называется «Тарбормошки».

— Я могу растолковать все сочиненные стихотворения и большинство несочиненных, — сказал Пустик-Дутик. — Прочитай-ка, послушаем.

Это звучало очень обнадеживающе, и Алиса прочла первую строфу:

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

— Для начала хватит, — прервал Пустик-Дутик. — Здесь трудных слов полно. «Розгрень» — это четыре часа дня, время, когда разогревают обед.

— Прекрасно, — сказала Алиса. — А «юрзкие»?

— А «юрзкие» — это значит «юркие» и «мерзкие». Это как кошелечек: два смысла в один кармашек, в одно слово.

— Теперь я понимаю, — задумчиво сказала Алиса. — А что такое «хомейки»?

— «Хомейки» — это вроде как хомяки и как ящерицы. И еще вроде как штопоры-пробочники.

— Они, должно быть, любопытно выглядят.

— Еще бы! — сказал Пустик-Дутик. — Они проедают сыр, а гнезда вьют возле солнечных часов.

— А что такое «просвертели»?

— Это снова слово-кошелечек: «просверлили» и «провертели».

— А «травас» — это, наверное, газончик вокруг солнечных часов, — сказала Алиса, изумляясь собственной сообразительности.

— Ну, конечно же! Его называют «травас», потому что трава справа от часов и трава слева от часов...

— И трава с любой стороны от часов! — подхватила Алиса.

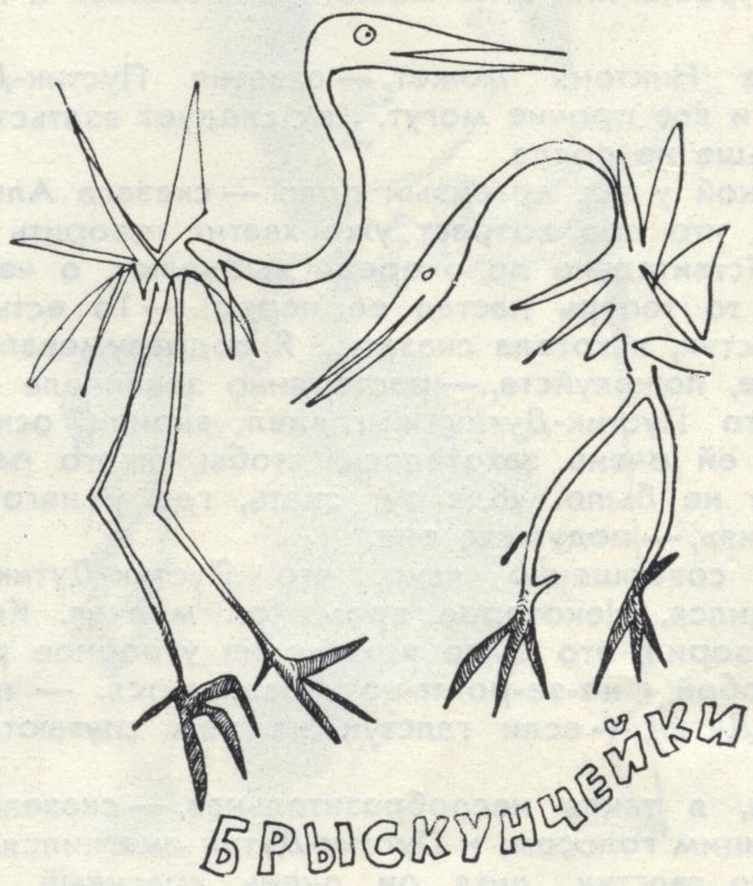
— Совершенно верно. «Айяяять» — это ясно, а «брыскунчейки» — это такие тощие растрепанные птички, у них перья во все стороны торчат, будто ожил бутылочный ерш.

— А «скорячий»? — спросила Алиса. — Простите, я вас не слишком беспокою?

— Насчет «скоряков» — я точно не уверен. По-моему, это разновидность зеленых свиней.

— А что значит «рычисжас»?

— «Рычисжас» — это нечто среднее между рычанием и визгом, но еще чуточку с присвистом; впрочем, ты можешь услышать его вон в том лесу; разок услышишь — на всю жизнь хватит. Кто тебе читал всю эту чепуху?

— Я сама прочла это в книжке, — ответила Алиса. — Мне читали совсем другие стихи — гораздо легче. По-моему, Двойняшечка.

— Что касается чтения стихов, — сказал Пустик-Дутик, вытягивая руку, — то я читаю их не хуже прочих, если на то пошло.

— Ох, пожалуйста, пусть на то не пойдет, — торопливо попросила Алиса, еще надеясь предотвратить неизбежное.

— Вещичка, которую я сейчас прочту, — продолжал Пустик-Дутик, не обращая внимания на ее слова, — написана исключительно для того, чтобы доставить тебе удовольствие.

После таких слов Алиса не сочла себя вправе не слушать и со вздохом сказала: «Благодарю вас»

Зимою, в дни морозных вьюг,
Я песню пел для вас, мой друг.

— По-настоящему-то я не пел, — пояснил Пустик-Дутик.

— Очевидно, что так, — кивнула Алиса.

— Если ты можешь очами видеть пение, значит, они у тебя получше моих, — жестко заметил Пустик-Дутик.

Алиса замолчала.

Весной под шум младой листвы
Ту песню услыхали вы.

— А тут по-настоящему сейчас весна? — заинтересовалась Алиса.

За время долгих летних дней
Сумейте разобраться в ней,
Чтоб осенью, под ветра вой,
Списать ее в альбомчик свой.

— Я непременно постараюсь запомнить, хотя до осени еще очень долго ждать, — сказала Алиса.

— Ты могла бы воздержаться от подобных замечаний, — сказал Пустик-Дутик. — Они бессмысленны и только мешают мне.

Я написал письмо ершу:
«Послушайте, я вас прошу...»
И мне ответил ерш в пруду:
«Сэр, я, увы, лишен, ввиду...»

— Боюсь, что я не совсем поняла, — сказала Алиса.

— Дальше легче, — ответил Пустик-Дутик.

Я возразил ему тотчас:
«Извольте выполнить приказ!»
Но ерш, уклончив и лукав,
Что, говорит, у вас за нрав.
Я раз сказал, я два сказал,
Но он все время ускользал.
Я разработал новый план.
Поставил я котел под кран,
В груди дыханье затая,
Котел наполнил по края.
Но кто-то вдруг меня отвлек:
Ерш, говорит, в постель залег.
Я приказал ему пойти
Поднять ерша и привести.
Я внятно прокричал приказ
Ему на ухо десять раз!

Последние строки Пустик-Дутик уже почти провизжал, и Алиса подумала, передернув плечами: «Я бы ни за что не хотела оказаться этим «кем-то».

Он был неловок и угрюм.
Мол, зря я поднял этот шум.
Он был угрюм и разозлен.
Мол, так и быть. Мол, если он...
Тогда схватил я штопор сам
И сам отправился к ершам.
Я дом и дверь нашел с трудом.
Стучал, стучал — был заперт дом.
И я решил разбить окно.
Я замахнулся было, но...

И тут Пустик-Дутик внезапно замолк. Молчание затягивалось, и Алиса, наконец, робко спросила:

— Это все?

— Все, — сказал Пустик-Дутик. — Всего хорошего.

«Как неожиданно, — подумала Алиса. После столь сильного намека на то, что ей следует удалиться, было бы крайне неучтиво не уйти немедленно. Она встала и протянула Пустику-Дутику руку.

— Всего хорошего, до новой встречи, — сказала она как могла веселей.

— Если мы и встретимся, то я тебя не узнаю, — сказал Пустик-Дутик скучным голосом и протянул ей два пальца для пожатия. — Тебя от других не отличить.

— Отличают по лицу, — рассудительно заметила Алиса.

— Вот то-то и жалость, — сказал Пустик-Дутик. — У тебя лицо такое же, как у всех: два глаза, — он ткнул пальцем в ее сторону, — посредине нос, под ним рот. Все как у всех. Если б у тебя хоть глаза были бы сбоку или рот над носом, тогда другое дело, а так...

— Это было бы некрасиво, — возразила Алиса.

Но Пустик-Дутик закрыл глаза и пробормотал:

— Сначала попробуй стать такой.

Алиса немножко подождала, не скажет ли он чего-нибудь еще, но он так и не открыл больше глаз и не произнес ни единого слова. Тогда она еще раз попрощалась и, не получив никакого ответа, спокойно пошла прочь; но не удержалась и на ходу стала говорить сама с собой: «Из всех наипренеприятнейших (она повторила это вслух, ведь это большое удовольствие произносить такие длиннющие слова), из всех наипренеприятнейших существ каких я только видела...» Но не успела договорить, потому что в этот миг тяжелый удар сотряс весь лес.

Продолжение следует

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Стихотворение «Я убит подо Ржевом...» написано после войны, в конце 1945-го и в самом начале 1946 года. В основе *его была* уже неблизкая память поездки под Ржев осенью 1942 года на участок фронта, где сражалась дивизия полковника Кириллова Иосифа Константиновича.

Добирались мы туда с корреспондентом «Известий» К. Тараданкиным, покинув машину в армейском «хозяйстве», сперва верхом по болотному бездорожью, потом пешком, где уже иначе было нельзя. Пришлось и полежать под артналетом вне какого-либо укрытия.

Впечатления этой поездки были за всю войну из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце. Бои шли тяжелые, потери были очень большие, боеприпасов было в обрез — их подвозили вьючными лошадьми.

Вернувшись в редакцию своей фронтовой «Красноармейской правды», которая располагалась тогда в Москве, в помещении редакции «Гудка», я ничего не смог дать для газетной страницы, заполнив лишь несколько страничек дневника невеселыми записями.

Еще мне навсегда запомнился один случай мгновенно возникшей и погасшей перебранки в московском трамвае. Я помнил о нем, даже забыв о том, что он у меня записан в тетрадке, и только теперь, спустя столько лет, перелистывая ее, напал на эту запись.

«На передней площадке трамвая — теснота.

— Граждане, зайдите в вагон, нельзя здесь всем.

Какой-то лейтенант, прижатый к боковой решетке, парень с измученным, нервным загорелым лицом, поворачивает голову к одному «штатскому», который едва виден, по грудь.

— Ну, вот вы, например, почему вы на передней? Кто вы такой?

— Я? — и как привычное звание: — Инвалид Великой Отечественной войны.

— Инвалид? И я тоже ранен. Но мы сражаемся, а ты тут на передней площадке...

— Ах ты, дурак, дурак.

— Я дурак? — вскрикнул нервный лейтенант и сделал страшное движение — не то за пистолет ухватиться, не то освободить руку для удара. Вмешиваюсь:

— Товарищ лейтенант, спокойнее...

— Товарищ подполковник... — В голосе такая боль и решимость, из глаз готовы брызнуть слезы, их только нет, — весь он такой выкрученный, перемятый, как его потемневшая от многих потов гимнастерка.

— Вы в форме, с вас больше спрашивается.

— Ах!.. — Он застонал, отвернулся к бульвару и с невыразимой, какой-то детской горечью и злостью сказал куда-то:

— Никогда, никогда я не приеду в эту Москву...

Когда я стал сходить, он протиснулся ко мне:

— Товарищ подполковник, я из-подо Ржева. Я приехал на сутки — хоронить жену. Я завтра должен быть в 12.00 в батальоне. Извините меня...

Я его должен извинить: хоть бы он меня простил как-нибудь...»

Однако не могу сказать, что стихи «Я убит подо Ржевом...» целиком обязаны своим появлением на свет впечатлениям этой поездки или случаю на передней площадке трамвая. Я был бы рад знать, что этот лейтенант из-под Ржева ныне здравствует, потому что его слова о том, что он «никогда, никогда не приедет в эту Москву» врезались мне в память совсем в другом смысле.

Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство. Они составляют, как говорится, пафос и написанного после «Я убит подо Ржевом...» стихотворения «В тот день, когда окончилась война...», и многих других, вплоть до совсем недавних строчек «Из записной книжки»:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе,
Остались там. И не о том же речь,
Что я и мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Форма первого лица в «Я убит подо Ржевом...» показалась мне наиболее соответственной идее единства живых и павших «ради жизни на земле».

А. Твардовский

Я убит подо Ржевом

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев, наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была несомненно
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —

О товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу.

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть.
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

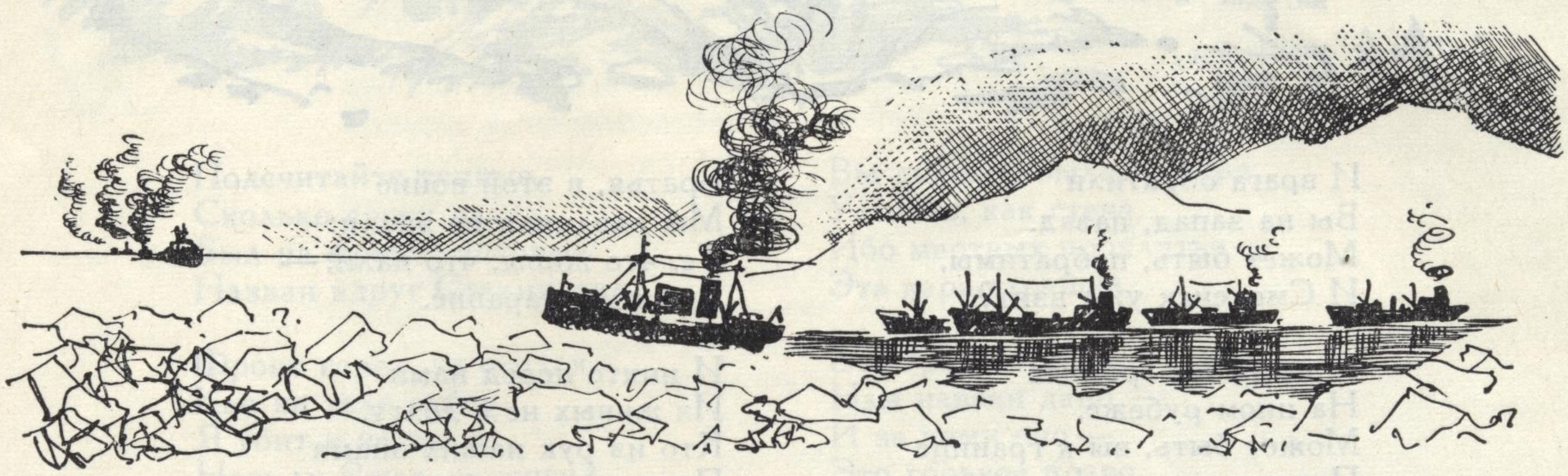
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания тринадцатый

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

«ЛЕНИН» И «ЛАДОГА»

С вечера от самолетов ледовой разведки поступили тревожные вести: переменился ветер. Плоские ледяные поля, белыми пятнами кочевавшие за Таймыром, двинулись на запад. Они подошли к проливу и, кроша друг друга, начали вползать в него.

Караван привел ледокольный пароход «Ладога». Четыре транспорта стояли под берегом. От наступающих льдов их защищала подводная гряда. На нее лезли, поднимаясь один выше другого, торосы. Белые их зубья охватили караван полукольцом. Чистой воды оставалось — пустяк.

Два дня окалывала «Ладога» кромку наступающего льда.

«Продержитесь еще сутки, — слала радиограммы Большая земля, — к вам подходит «Ленин».

Атомный ледокол шел напрямик. Каждые четыре часа штурман «Ладоги» вычерчивал прямую линию его пути.

На третий день показались дымки. Дымили пароходы, которые двигались за ледоколом. Курчавые султанчики качались на горизонте, как флаги идущей на спасение армии.

Но ветер переменился вновь. За считанные часы отодвинулась от кораблей черно-белая кромка торосов. Зеленью вспыхнуло на горизонте море. Громадина белого с зубцами по краям поля начала поворачиваться и отступать.

Два каравана встретились у выхода из пролива. Атомоход плыл черной горой, тесня тупым носом волну. На высоких, как дома, его надстройках цепочками стояли люди. Длинный хвост транспортов тянулся за ним. «Ладога» прошла у самого борта гиганта. У нее был добела ободран о льдины нос. Под примятой торосами обшивкой обозначились ребра — шпангоуты. Ее маленький отряд шел за ней.

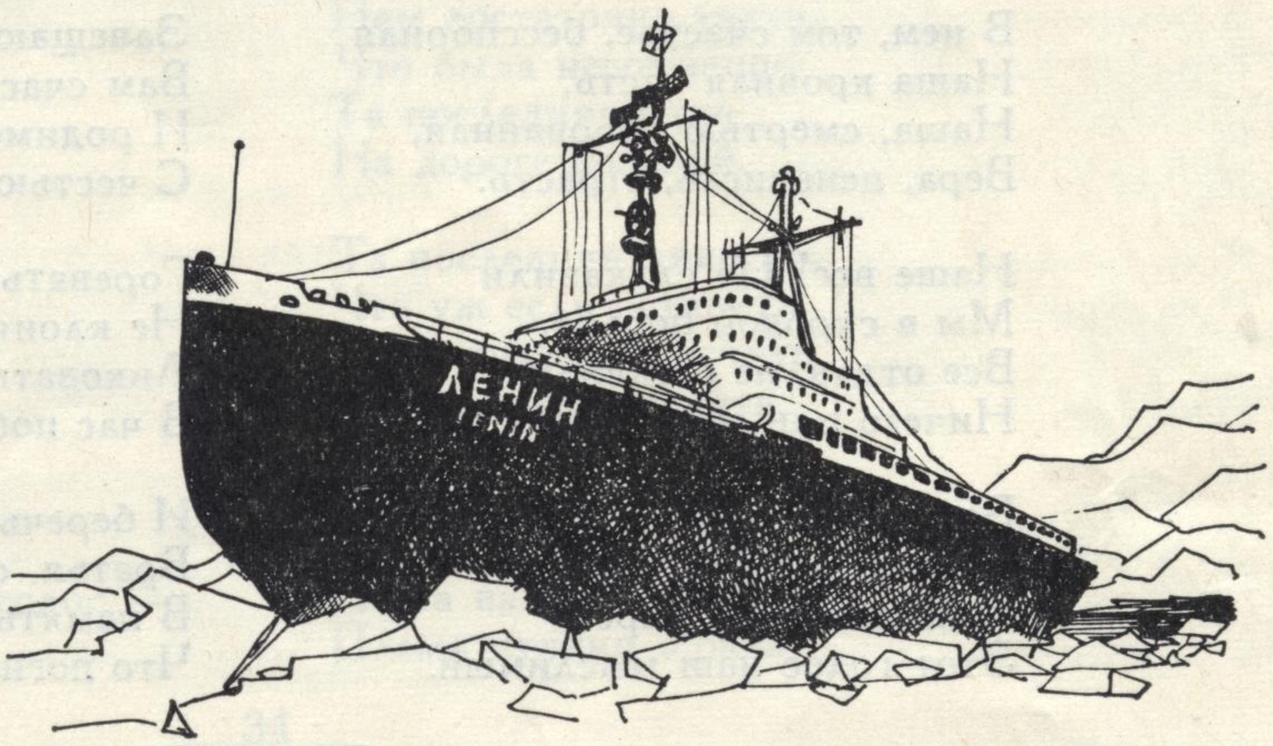
Корабли обменялись гудками. Первой, тонко и коротко, проговорила привет «Ладога». Атомоход ответил. Протяжный и долгий его гудок расплылся над водой пролива и перекатывался от берега к берегу все время, пока корабли шли друг мимо друга.

абвгдежзийкламнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцчш абвгдежзийкламнопр

ШКОЛА ЮНГИ

Атомоход «Ленин» — самый мощный ледокол в мире. Его длина 134 метра, ширина 24,6 метра. Мощность машин 44 000 лошадиных сил.

дежзийкламнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзийкламнопрстуфхцчшщъыьэюяё абвгдежзий

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

ПОДВОДНЫЙ ПАХАРЬ

Случилось это с одним моим знакомым, когда он плавал на Севере, на гидрографическом судне. Изучали они с помощью телевизора морское дно.

Опустили они однажды камеру. Медленно плывет судно, медленно проплывает на экране изображение дна. Ил... песок... редкие кустики водорослей. Ни рыб, ни животных... Скука!

Вдруг смотрит мой приятель — на дне борозды. Одна, вторая, третья. Ряд за рядом. Да такие аккуратные — будто кто-то нарочно перекопал песок, разрыхлил его. Трудился на совесть!

В это время судно остановилось. Все ушли, а мой приятель остался у телевизора. Авось, думает, увижу этого земледельца.

Ждал, ждал и дождался.

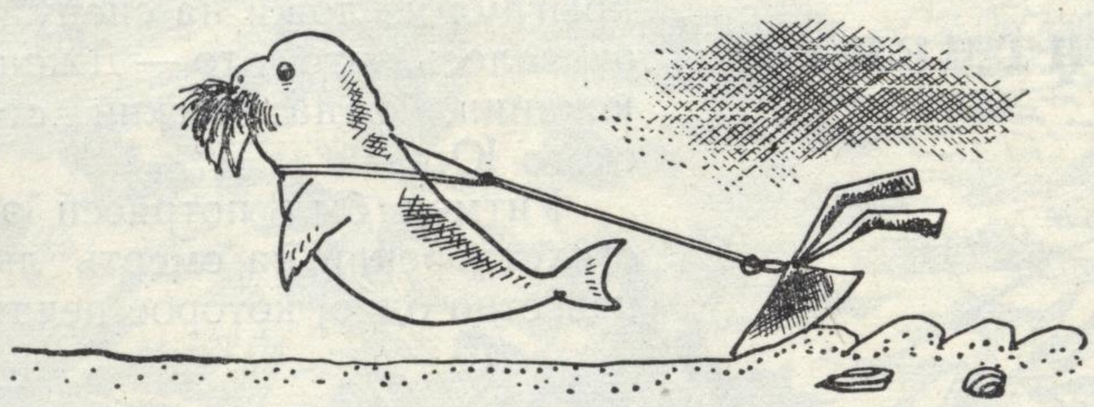
Мелькнула на экране тень. Медленно проплыла мимо камеры здоровенная туша. Круглая голова, затылок в складках, ласты к бокам прижаты, плоский хвост вверх-вниз колышется... Повернулась голова — усы! Два клыкабивня вниз торчат. Морж!

Опустилась зверюга на дно и давай клыками песок ковырять. Ковыряет — вперед плывет. Гребков десять ластами сделал — грядку вскопал. Теперь назад плывет — мордой усатой в перепаханный песок тычет.

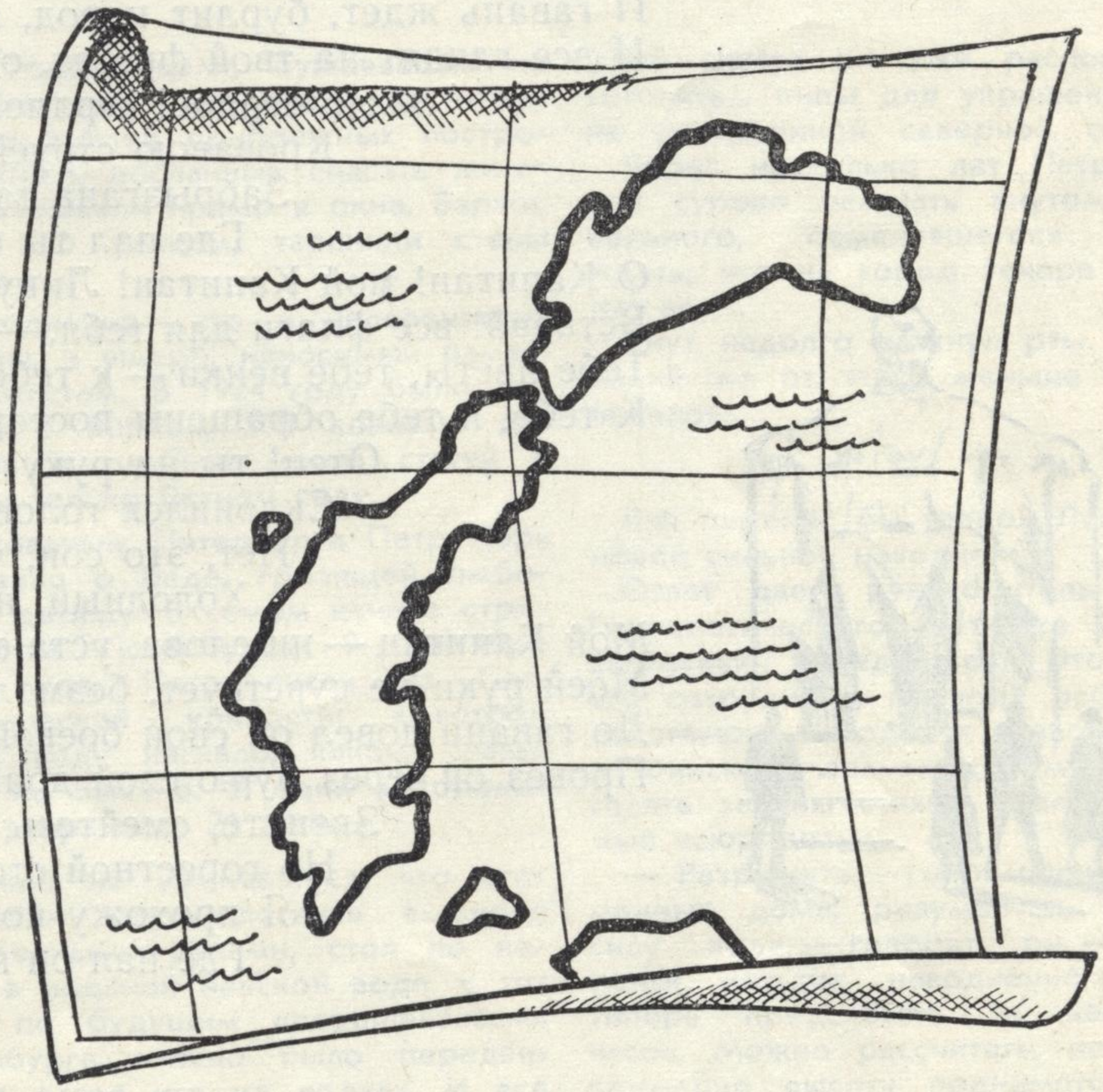
Э-э! Да это же он из борозды теперь раковины выбирает. Жители их — моллюски — народ хитрый, от врагов в ил закапываются. Здорово придумали.

Ну, морж тоже хитер. Плывет подводный пахарь, губами толстыми шевелит, ластами, как ладонями, раковины перетирает, зубами раскусывает.

Засмеялся мой приятель и пошел остальных людей звать. Пусть тоже посмотрят!

Долго рассматривали капитан Быстроходов и боцман Румпель эту карту.

— Не нравится мне она! — сказал боцман. — Что-то картографы, когда печатали ее, напутали!

— Ну, конечно! — поддержал его капитан. — Я уже нашел ошибку!..

А морские знатоки? Нашли тоже?

НА СМЕРТЬ ЛИНКОЛЬНА

СТИХИ УОЛТА УИТМЕНА

31 мая 1969 года исполняется 150 лет со дня рождения великого американского поэта Уолта Уитмена. Это был поэт-демократ. Во время Гражданской войны он несколько лет добровольно ухаживал за ранеными и умирающими солдатами, облегчая их страдания.

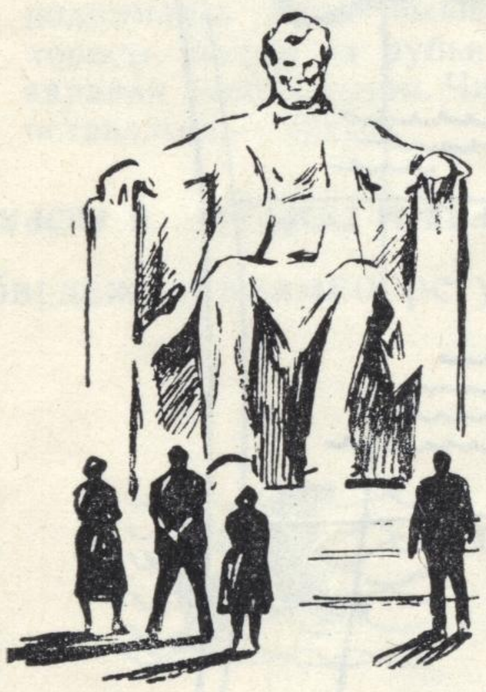
Президентом Соединенных Штатов был в ту пору знаменитый Авраам Линкольн. Враги освобождения негров, которые потерпели в этой войне поражение, решили отмстить президенту и подослали к нему убийцу. Когда кончилась Гражданская война, в апреле 1865 года президент сидел вместе с женой в ложе вашингтонского театра и смотрел какую-то веселую пьесу. Около десяти часов вечера в ложу прокрался никем не замеченный пьяный молодой человек и выстрелил в него из пистолета. Президент упал. Бывший в ложе майор попытался удержать убийцу, тот пырнул его ножом, прыгнул из ложи на сцену и бросился вон из театра. Впоследствии оказалось, что это — Джон Уилкис Бус, третьестепенный актер, южанин, фанатический сторонник побежденного рабовладельческого Юга.

Уитмен был потрясен этим убийством. Он написал несколько стихотворений на смерть любимого президента. Из них наиболее известно одно, которое печатается в моем переводе.

Корней Чуковский

О КАПИТАН! МОЙ КАПИТАН!

О Капитан! мой Капитан! сквозь бурю мы прошли,
Изведан каждый ураган, и клад мы обрели,
И гавань ждет, бурлит народ, колокола трезвонят,
И все глядят на твой фрегат, отчаянный и грозный!
Но сердце! сердце! сердце!
Кровавою струей
Забрызгана та палуба,
Где пал ты неживой.
О Капитан! мой Капитан! Ликуют берега,
Вставай! все флаги для тебя, — тебе трубят рога,
Тебе цветы, тебе венки — к тебе народ толпится,
К тебе, к тебе обращены восторженные лица!
Отец! ты на руку мою
Склонился головой!
Нет, это сон, что ты лежишь
Холодный, неживой!
Мой Капитан — ни слова, уста его застыли,
Моей руки не чувствует, безмолвен и бессилен,
До гавани довел он свой боевой фрегат,
Провез он через бурю свой драгоценный клад.
Звените, смейтесь, берега,
Но горестной стопой
Я прохожу по палубе,
Где пал он неживой.

ЛЕНИНГРАД СТОИТ У МОРЯ

Юрий Колодин

Есть под Ленинградом озеро Красавица.

Озеро знаменито не только красотой. На его берегу, среди стройных корабельных сосен, раскинулась опытная база Всесоюзного гидрологического института. В залитой светом лаборатории, похожей на заводской цех, можно увидеть... настоящий цунами, обрушившийся на тихоокеанское побережье Дальнего Востока. Или очутиться на непокорной Оби, из года в год меняющей очертания своих берегов.

Некоторое время назад в лаборатории были построены модели Невской губы и Финского залива. Гидрологи изучали на моделях ленинградские наводнения. Наводнения — бедствия Ленинграда. 223 раза угрожала разбушевавшаяся стихия городу за его 260-летнюю историю. 77 раз заливала прибрежные парки и промышленные сооружения. 14 раз страдали жилые кварталы.

Самые сильные, самые грозные — это наводнение 1824 года, описанное А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник», и наводнение 1924 года. Вода в Невской губе поднималась тогда на высоту до четырех метров и затопляла главную часть города — площадь в 60 квадратных километров. Гребни волн, бушевавших на Васильевском острове, достигали вторых этажей прибрежных построек. Лодки, посланные спасать жителей, въезжали прямо в окна. Баржи, плывя по улицам, таранили стены домов.

Наводнение — это и человеческие жертвы, и ущерб, наносимый памятным местам. В 1924 году было вырвано с корнем 550 вековых деревьев и разбито много статуй в одном только Летнем саду.

Основатель Петербурга Петр Первый знал о беде, грозящей любимому детищу. В самом начале строительства Петербурга, 9 сентября 1706 года, Петр писал из Петропавловской крепости: «...ветром такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверх полу 21 дюйм».

Можно не сомневаться, что этот 21 дюйм «царь-плотник» вымерял собственными руками, стоя по колено в ледяной невской воде. В тот день по будущим «першпективам» Петербурга можно было передвигаться разве что на лодках. И все же Петр не оставил намерения возвести город «по мшистым, топким берегам» Невской губы. Несколько дней спустя он уже распорядился готовить... липы для украшения еще не построенной северной столицы.

Через несколько лет Петр повелел сурово наказать кнутом недовольного, осмелившегося утверждать, что на город вскоре нахлынет вода.

Кнут надолго заткнул рты. Наводнений же от этого меньше не становилось...

* * *

Как перенес бы теперь Ленинград новое сильное наводнение?

Ответ дает руководитель отдела Гидрологического института Николай Евгеньевич Кондратьев. Это он и его сотрудники, проводя работы на действующих моделях Невской губы и Финского залива, стремятся разгадать законы стихии и ее возможные «сюрпризы».

— Разрушить современные каменные дома, разумеется, не под силу воде, — говорит он. — Да и почти каждое наводнение можно теперь предсказать за несколько часов. Можно рассчитать, на какую примерно высоту поднимется вода и, следовательно, предупредить ленинградцев об опасности... Но любое наводнение нарушает нормаль-

ный ритм жизни города. На многие часы приостанавливается работа предприятий. А вы представьте себе, что это значит для Ленинграда!

Основная причина морских наводнений — «длинная волна». Возникает она под действием циклонов при «возмущении» огромных масс воды. Называется она «длинной» потому, что, рождаясь в Балтике, распространяется на многие сотни километров.

В устье Финского залива высота «длинной волны» всего 40—60 сантиметров. Перед Ленинградом залив, сужаясь, переходит в Невскую губу. Здесь фронт волны уменьшается, вода вздымается все выше — уровень воды резко возрастает.

Страдает город и от шуговых зажоров — скоплений льда. Они образуются чуть ли не ежегодно на Неве между Володарским и Охтинским мостами. На некоторых участках Невы скорость течения особенно велика, и река долго не замерзает, но в сильные морозы там образуется внутриводный лед — шуга. Шуга забивает все речное русло. Закупоренная льдом река выходит из берегов, затопляет ближайшие кварталы...

* * *

Ученые считают, что на Ленинград могут обрушиться наводнения еще более грозные, нежели в 1824 и 1924 годах. Подсчитано, что раз в тысячелетие вода может достигнуть высоты 4,6 метра.

— Ленинград, — говорит Кондратьев, — давно нуждается в защите. В ближайшие годы по генеральному плану начнут застраиваться районы, прилегающие к Невской губе. Город выходит к морю, и, значит, наводнения ему будут еще более страшны.

Разработано несколько проектов защиты Ленинграда. У нынешних проектов длинная предыстория. Самый первый проект появился в 1727 году, вскоре после кончины Петра Первого. Назывался он многосложно и витиевато: «Каким образом город Санкт-Петербург как наиспорейше и найбеспечнеше противо разливания воды укрыть возможно»...

Однако и этот первый проект, и последующие так и не были осуществлены.

Толчок инженерной мысли дала катастрофа 1824 года, хотя Александр I строжайше запретил упоминать в печати об этом наводнении. Но уже в 1825 году появилось сразу восемь проектов защитных шлюзов плотин и оградительных дамб вокруг Петербурга. Но и они остались на бумаге. Считалось, что «с божией стихией царям не совладать».

Среди проектов тех лет самый интересный — проект военного инженера Базена. Он предложил перегородить Невскую губу дамбой по линии Лисий Нос — Кронштадт — Ораниенбаум (теперь Ломоносов). Шлюз, сделанный в дамбе для прохода судов, при наводнении мог запираться, закрывая доступ воде из Финского залива. Губа при этом превращалась бы в замкнутое озеро, куда без ущерба городу могла бы длительное время втекать Нева.

Проект Базена, детально разработанный советскими инженерами, в 1946 году был включен в генеральный план развития Ленинграда. Останавливала только огромная стоимость строительных работ: для надежной защиты города требовалось создать дамбу длиной в 25 километров, гребень которой поднимался бы над водой на 7 метров!

Проект имел и еще один недостаток. Невская губа, в течение 260 лет принимавшая отходы большого города, в результате строительства дамбы оказалась бы почти отрезанной от моря. Нарушить нормальный водообмен губы с Финским заливом означало превратить ее в грязную лужу.

Гидрологический институт предложил другой способ защиты Ленинграда.

По дороге из Ленинграда на Карельский перешеек, вдоль Приморского шоссе, тянется песчаная отмель, безнадежно лысая — ни кустика, ни травинки. Над песками в сторону залива проложены длинные трубы. Эта отмель появилась лишь в последние годы. Песок намыт по трубам со дна Невской губы. Еще лет пять назад здесь простиралась заболоченная низина, морские волны подкатывали иногда к самому шоссе.

Теперь болота надежно перекрыты толщей песка, Невская губа отступила на юг. Градостроители предполагают поднять на поверхность еще около тридцати миллионов кубометров грунта. Тогда новый берег поднимется над водой на три с лишним метра. Пройдет еще несколько лет, и на месте болот и морского дна будет возведен морской фасад города.

Это новое ленинградское приморье защитит город от многих наводнений. Но чтобы обеспечить ему полную безопасность, понадобятся дополнительные сооружения.

По генеральному плану вдоль нового берега Невской губы будет разбита полоса парков и бульваров шириной в 150 метров. Во время наводнений эта полоса станет мелководьем и будет почти полностью гасить энергию морских волн. Легкая полутораметровая стенка, размещенная за этой зоной, не испортит морской фасад города и явится надежной преградой от самых сильных нашествий моря.

Во время наводнения вода из Финского залива, обратив вспять течение реки, несется на город, поднимая уровень воды в рукавах. Устранить эту опасность помогут водопропускные гидротехнические сооружения с затворами, которые будут построены в устье Невы. Они станут служить и мостами, по ним можно проложить автомагистраль. Затворы позволят управлять течениями в Невской губе; поочередно перекрывая рукава Невы, можно ликвидировать скопления загрязненных вод.

Таким образом, город надежно изолируется со стороны моря. Но куда денется невская вода? Ведь путь в губу ей будет отрезан затворами.

Неву придется просто-напросто остановить. В среднем ее течении, выше города, планируют построить плотину, которая во время наводнений преградит доступ воде из Ладожского озера, где берет свое начало Нева. Эта же плотина навсегда избавит город от шуговых зажоров и поможет улучшить условия судоходства по реке.

Работа над проектами продолжается. Снова и снова выверяют проектировщики «линию обороны» города со стороны моря, линию, которая надежно защитит город от грядущих натисков стихии.

До победы над морем ждать осталось недолго.

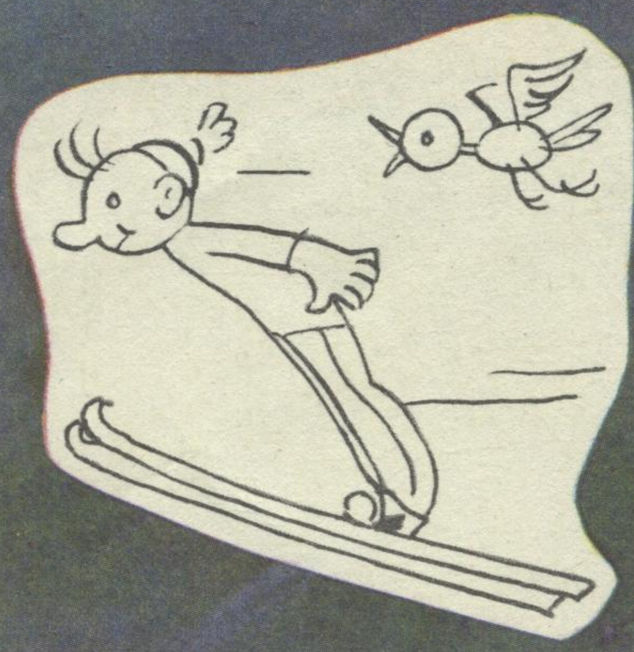
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ

СРЕДНЯЯ НЕВКА

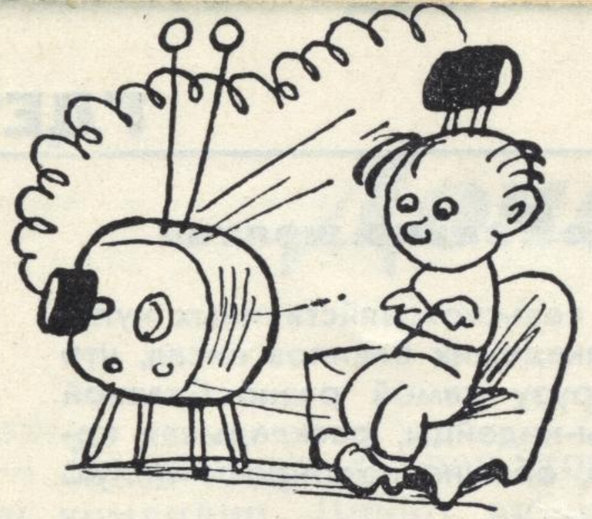
МАЛАЯ НЕВА

БОЛЬШАЯ НЕВА

ЯБЛОЧКО

Теле-Ваня

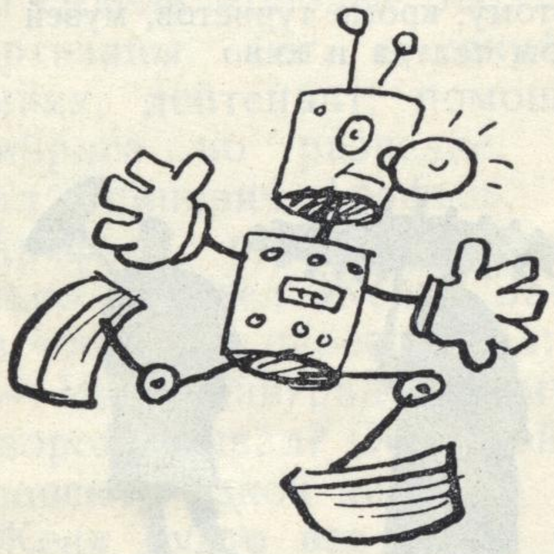
ФЕЛЬЕТОН

1.

Сидит Ваня на диване,
ест с вареньем пирожок.
Перед Ваней на экране
совершается прыжок.
Чемпион застыл на старте,
чтобы ринуться вперед,
и болельщики в азарте
поглощают кислород.
Разбег.
Прыжок.
И высота —
взята,
она
покорена!
Новый
мировой
рекорд!
Славься
наш советский
спорт!
На экране — крик, волненье,
там ликуют стар и мал.
От волнения варенье
Ваня с пальцев не слизал.

2.

Сидит Ваня на диване,
перед Ваней — колбаса.
Чуть поодаль на экране
происходят чудеса.
Там за пультом инженеры,
ни один не стар, не сед,
инженеры-пионеры,
старшему пятнадцать лет.
Там
происходит
опыт.
Там ходит
умный
робот.
Впервые
в истории
в школьной
лаборатории!
Все проходит как по маслу,
важный опыт удался...
Потянулся Ваня к маслу
и закуской занялся.

3

Сидит Ваня на диване,
пьет из чашечки компот.
Перед Ваней по саванне
путешественник идет.
Он мешок имеет спальный.
Он учен и деловит.
Вдруг он видит — там,
под пальмой
что-то жуткое сидит.
Туловище —
ящик,
шея —
вопросительный знак.
Спереди —
вроде ящер,
сзади —
как будто рак.
Что-то
такое
скрюченное,
наукой
пока
не изученное.
Угодит оно в ловушку
или, может, удерет?!
Ваня подоткнул подушку
и сует ватрушку в рот:
«Во дает!»

* * *

Все идут в большой поход,
только Ваня не идет.
Все бегут на стадион,
остается дома он.
Все ракету мастерят,
Ваня тоже был бы рад,
да не может отлучиться,
он не может
отключиться.
Ваня смотрит все программы,
набирает килограммы.
Программы кончаются,
Ваня выключается.
А назавтра утром рано
снова Ваня у экрана.
Наяву он видит сон.
Теле-Ваня
вновь
включен!

А. Лосев.

Рисунки Н. Зверева.

Стойкая коловратка

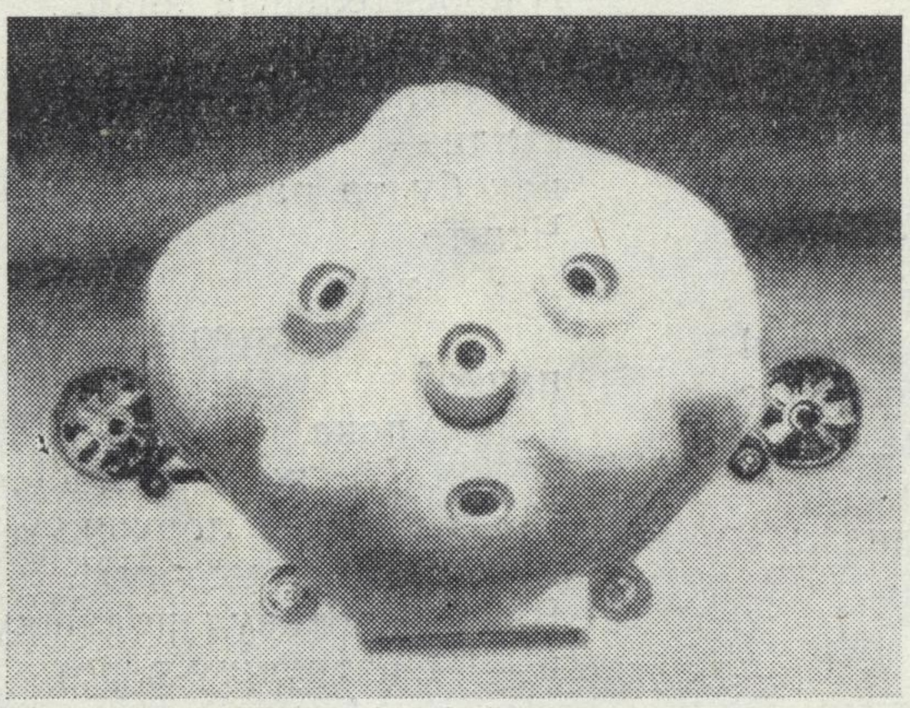
Коловратка — удивительный микроскопический организм. Она способна несколько месяцев подряд не дышать. Ее можно высушить, а потом прокипятить, и это не повредит ее здоровью. При температуре абсолютного холода (—273°) она превратится в ледышку, но не погибнет. Коловратка «воскресает» всякий раз, как только попадает в привычные для нее условия.

Кукуруза не только желтая

В своей книге о сельскохозяйственных культурах стран света академик Вавилов писал, что видел в Перу кукурузу самой разнообразной окраски. Продавцы-индейцы, раскладывая початки для продажи, обычно подбирают целую гамму оттенков.

Собака-рекордсмен

Всем известно, как бывают верны собаки своим хозяевам. Известно также, что собаки находят свой дом, пробежав много километров. Но, пожалуй, все рекорды верности побила овчарка итальянца Скорано. Она нашла своего хозяина, пройдя в течение четырех месяцев больше тысячи километров.

Для исследования морских глубин

Так выглядит новый аппарат для исследования глубин Атлантического океана. «Глаза» и «нос» — иллюминаторы для наблюдений.

Малая Сахара

Севернее польского города Кракова есть место, где ни дерева, ни кустика, ни травинки не растет. И тянется малая пустыня на целых восемьдесят километров.

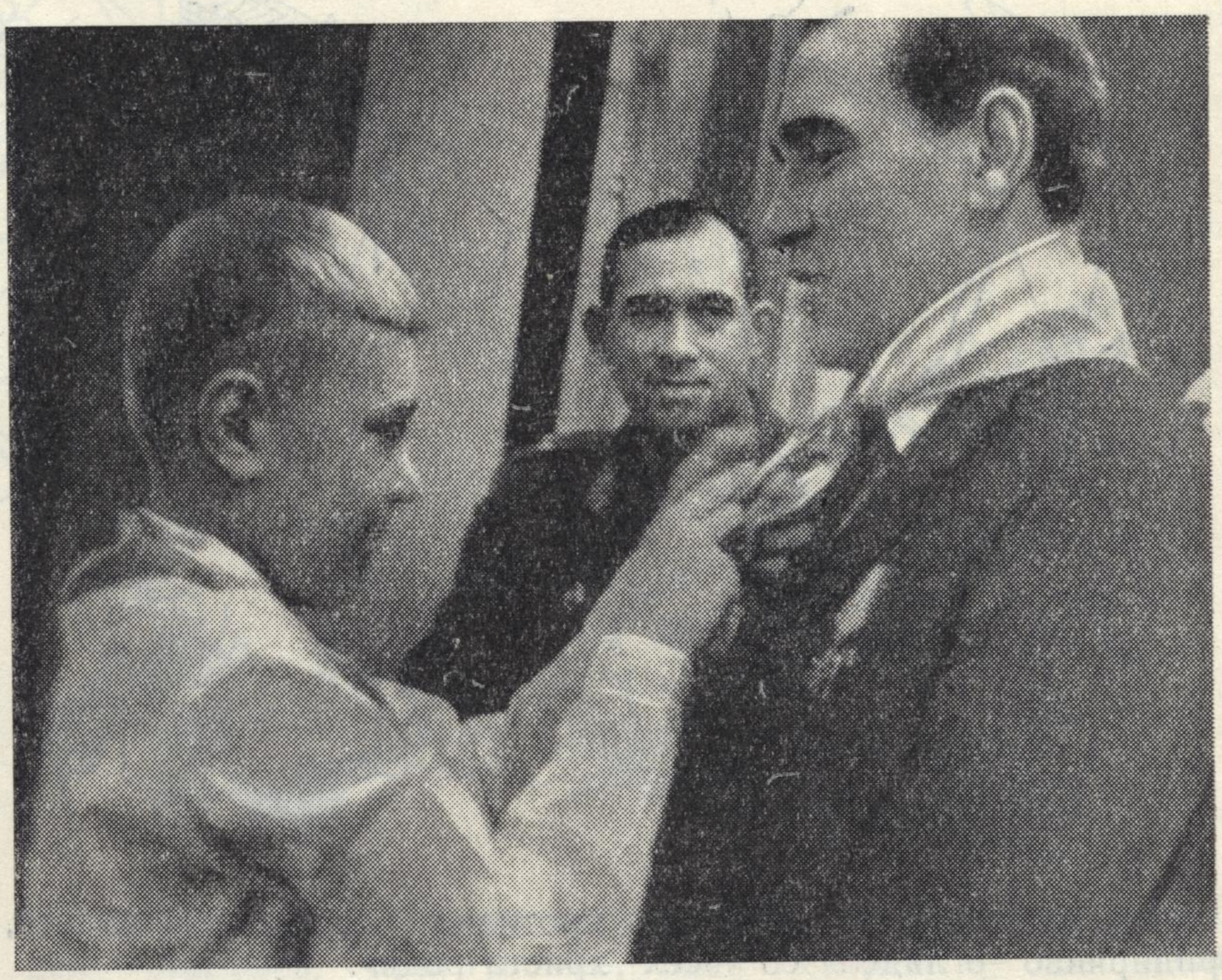
Музей зонтиков

Музей зонтиков на берегу итальянского озера Маджиоре — своего рода исторический, так как зонтик, сделанный по моде своего времени, тоже характеризует эпоху. Поэтому, кроме туристов, музей часто посещают режиссеры театра и кино.

Донесение доставлено

А. Белякова

— Теперь ты, папа, почетный пионер!

— До вас тут хлопец, товарищ командир. Лично, видишь ли, хочет доложить...

Комбриг Хомченко повернулся к дежурному:

— Некогда здесь детсад разводить. Скоро с места сниматься...

Дежурный наклонился и заговорил быстро-быстро:

— У парня никого на свете не осталось. Ленинградский. Отец воюет...

— Ну, ладно, давай его сюда.

Не переспрашивая, дежурный кинулся за дверь.

Через минуту-другую перед командиром стоял щуплый мальчишка в старой кацавейке. Переступив порог землянки, сорвал шапку и теперь держал ее в левой руке.

— Дяденька командир, товарищ командир...

Комбриг усмехнулся:

— Ладно, оставайся. Запомни, под козырек берут только при головном уборе, а без шапки к уху не прикладывайся. Запомните, товарищ боец бригады имени Суворова. Как зовут?

— Женька... То есть Кухаренко Евгений Николаевич.

— Это твое будущее начальство, — дежурный показал вправо от землянки, там кружком сидели молодые ребята. — Партизаны. Тот, высокий, в ремнях, лейтенант, помощник комбрига по разведке. Михаил Осипович Арефьев.

Арефьев подошел, внимательно оглядел Женю. Закончив «осмотр», переспросил:

— Из Ленинграда? В музее Суворова бывал? Основной суворовский закон знаешь?

Женя будто все слова растерял. Молчал. Все, в разведке ему не бывать. В лучшем случае — в хозяйственном взводе, при дяде Ване.

Арефьев почувствовал: скис мальчишка — и пришел ему на помощь.

— Для начала запомни: «Глазомер, быстрота, натиск» — первый суворовский закон для разведчика. Спать будешь в моей землянке. Стрелять умеешь? Где север, можешь показать?

Опять разведчик Кухаренко почуял, что не скакать ему на лихом коне, не брать «языков»...

Арефьев прищурился: «И чему тебя в школе учили?»

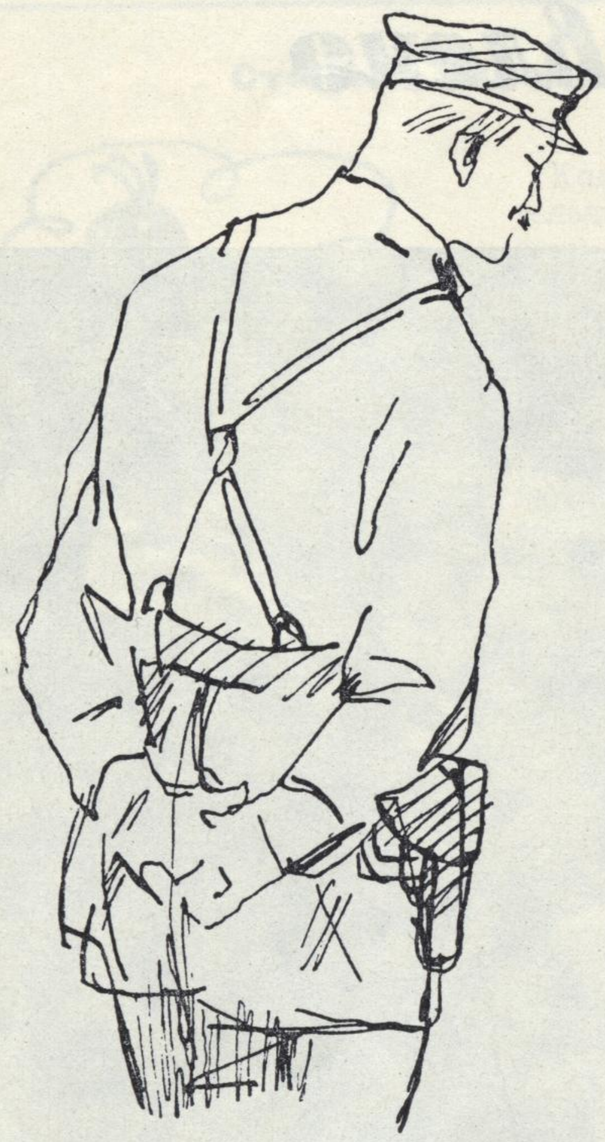
Школа! Давным-давно это было, как во сне или в Древней Греции... И Ленинград, и Кожевенная линия, и корабли на Неве. Город в кольце врагов. Не пробиться ему в Ленинград. И не узнают учителя из Четвертой школы, что пионер Женя Кухаренко чуть-чуть не стал разведчиком у боевого командира Арефьева. Нет, не возьмет лейтенант его в разведку...

Но страхи были напрасные. Лейтенант Арефьев стал учить Женьку уже на следующий день. Звездной ночью преподавал ему астрономию. Тут — Ковш. Там — звезда Полярная. Держись ее, выйдешь на север, там и Ленинград твой. А если нет звезд, смотри на деревья. Мох всегда с северной стороны бородой нарастает. А муравейники всегда с юга.

Лес шумел где-то вверху, словно подсказывая Жене, помогая.

Пришел день, когда Арефьев, словно нехотя, сказал: «Сегодня в разведку пойдешь ты. Больше некому. Сдай оружие».

Женька оторопел. Сколько дней он ждал этого часа! И вот приказ — без оружия!

Арефьев повертел Женьку, придирчиво оглядел со всех сторон. Зачем-то дернул за рукав, да так, что с треском вырвал лоскут. Сапоги? Слишком уж постарался дядя Ваня. Откуда у приблудного бродяги могут быть такие?

Наконец, Арефьев перестал говорить загадками. Распорядился: котомку возьмешь, куска два хлеба. Больше не надо. Ты — беженец, отбился от родных. Из Вилейского района пробираешься в Витебск к тетке.

Как велено, по дороге к деревне Женька запоминал все. Засада могла скрываться не только в деревне, но и на кладбище. Идти к могилам жутковато — каркают вороны. Даже приказ забыл: перестал замечать обстановку. Потом, осмелев, пробирался по кладбищу, заглядывал за каждый холмик — нет ли кого.

В деревне подошел к первому дому. Осторожно постучал. Стыдно просить милостыню, но — задание есть задание: загнусавил так, что самому противно стало: «Подайте, христа ради».

От дома к дому, от сарая к сараю брел по деревне, запоминая, где стоят фашисты, где расставлены орудия, машины. И верно, слухи о засаде подтвердились. Не менее шестидесяти гитлеровцев притаились на окраине деревни. Отчетливо была слышна их лающая речь. Знал бы немецкий — понял бы, чего суетятся.

Подошел к солдатам так близко, что те замахали, убирайся, мол, прочь. Успел приметить два станковых пулемета. Подозрений не вызвал. Наконец, деревня позади. И тут припустил вовсю: скорее обрадовать Михаила Осиповича.

Но Арефьев встретил его окриком:

— Ты что, нормы ГТО сдаешь? А если за тобой следят? Сразу приведешь в расположение отряда!

Женька и ответить не успел, а лейтенант, как обычно, перевел разговор:

— Докладывай, что и как.

Выслушав юного разведчика, Арефьев похвалил почти ласково, ничего, мол, все-таки соображаешь.

Однажды в бригаде разнесся слух: психа задержали!

Женька видел, как конвоир вел задержанного. Руки и ноги пленного тряслись. Лицо корчилось в страшных гримасах. Партизаны потешались: и где этакого «языка» добыли? Юродивый!

Женьке как-то жалко было смотреть на пленного. Будь он начальником, обязательно отпустил бы больного.

Но старый чекист Жабин, который вел допрос, отнесся к «больному» иначе. Что-то в юродивом настораживало Жабина. Смущали странные заплаты из красной материи на коленях. Уж очень аккуратные и новые!

Пленного стали обыскивать. Он задергался еще больше, даже слезы потекли по щекам. Мертвой хваткой вцепился в брюки. Вывернули карманы телогрейки. Пусты, а вот из подкладки извлекли кусок белого шелка с печатью и орлом. Пропуск для хождения по немецкой территории!

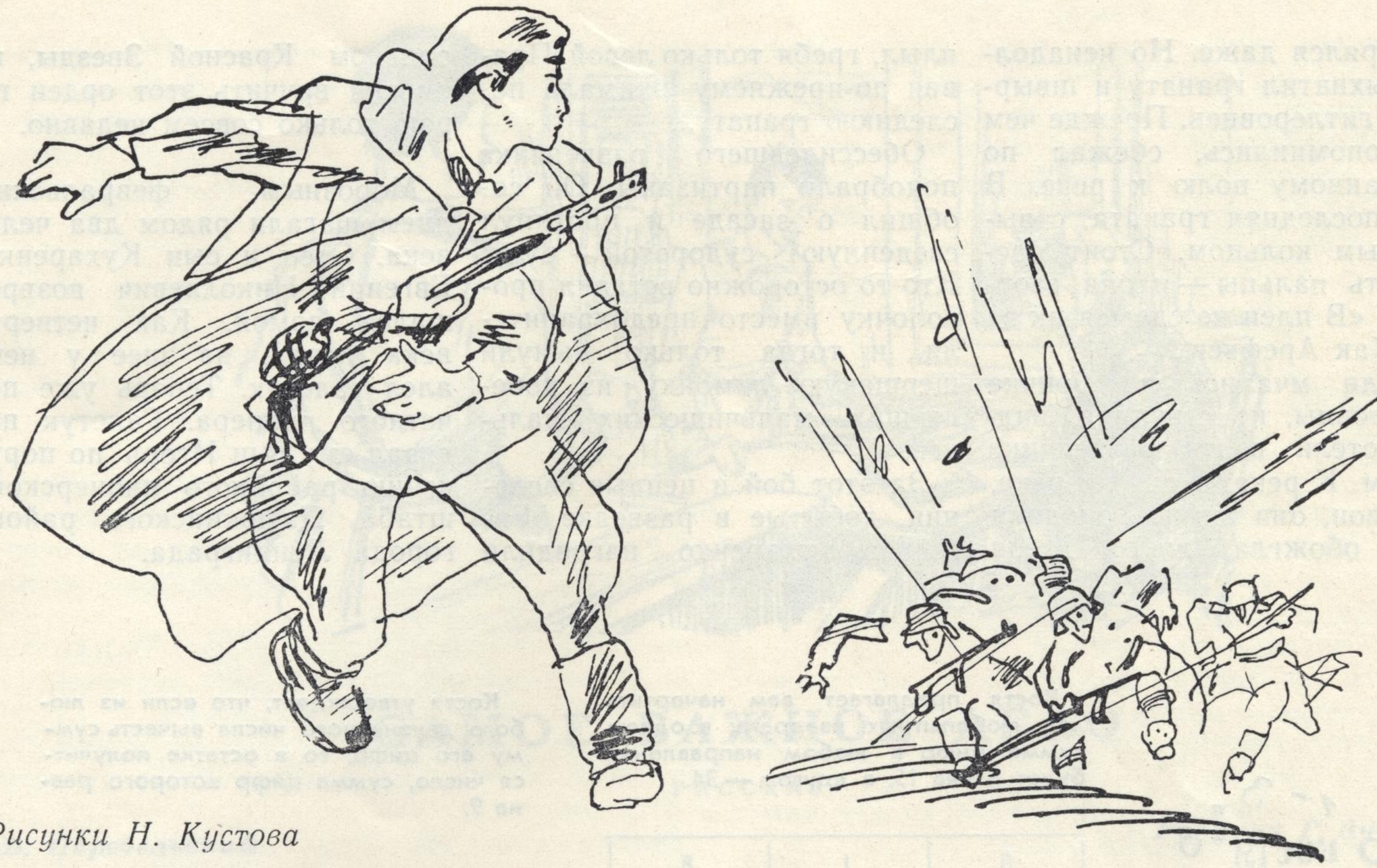
Пленный переменился в лице. Волчьим взглядом теперь он косил на разведчиков...

Тут и Женька понял, какой это «юродивый». Матерый шпион.

— Только зачем заплатки у него были такие? — поинтересовался юный разведчик.

— Это опознавательный знак, — ответил Арефьев. — Полевая жандармерия и СС по таким знакам пропускают беспрепятственно. — И добавил: — Боятся нас фрицы, раз такого опытного шпиона не пожалели.

Несколько дней выдалось поспокойнее. Арефьев напевал свою любимую: «Три танкиста, три веселых друга...» Од-

Рисунки Н. Кустова

нажды утром он вошел в землянку со словами: «А ну, суворовец, собирайся, прокатимся с бубенцами».

Поехали к железнодорожному разъезду, к знакомому стрелочнику дяде Степану. Сторожка его стояла у полотна, Степану нетрудно было считать вражеские платформы с танками, цистерны с бензином...

Дядя Степан был дома, ждал.

Лошадь привязали у ворот и юркнули в избу. Арефьев торопился записать для командира подрывников все, что узнал дядя Степан. И вдруг стрелочник замер, только успел показать на окно. К избе двигались солдаты в серых шинелях с автоматами на шее. Арефьев сунул Женьке свои записи.

— Доставишь. Отсюда сматывайся. За мной не беги. Прячься. Обоим нам не вырваться.

Говорил отрывисто, уже на ходу.

Женька едва выскочил из сеней. Последнее, что увидел — Арефьев, пригнувшись, бежит к огородам.

Гитлеровцы открыли огонь по бегущему.

— Скорее, скорее, — шептал Женька, — Михаил Осипович, скорее же. Ну, почему так далеко все наши. Погибает Арефьев.

Нельзя бежать на помощь. Только он, Женька, должен доставить донесение в отряд. Последний приказ командира. Скорей в лес, туда, где отстреливается Арефьев. А фашисты? Значит, надо ждать темноты. Где спрятаться?

Бросился к стогу. Забился в теплое сено. Выстрелы смолкли. Что это значит? Ушел Арефьев? Или?.. Совсем рядом раздались голоса. Записку моментально перетер в пальцах. Вытащил из карманов патроны...

Прислушался, разговор шел по-русски.

— Жаль парня. А где второй-то? Ведь вдвоем приезжали. Найдут, пропадет ни за что.

Женя вылез. Мужчины удивленно уставились на него:

— Ты что, парень, сдурел? Беги скорей! — Говоривший скинул ватник и набросил на Женьку. — Не ровен час, увидит кто.

Женька кинулся к лесу. Только сейчас он понял, что идет по последнему пути Арефьева.

Несколько шагов — и перед ним тело его командира. Исколотый штыками, лейтенант лежал, раскинув руки. Снег уже запорошил его волосы. Казалось, командир слушает землю. Женя попробовал поднять его, даже протащил несколько шагов. И вдруг со стороны поселка донесся треск мотоцикла. Женька вспомнил приказ: «Во что бы то ни стало доставить записку». Осторожно опустил тело Арефьева на холодную землю и побежал. Когда добрался до первых дозоров, наступил рассвет.

Последний бой Женя принял в апреле сорок третьего.

Возвращаясь из разведки, верхом наскочил на фашистов.

Растерялся даже. Но ненадолго. Выхватил гранату и швырнул в гитлеровцев. Прежде чем они опомнились, сбежал по вспаханному полю к реке. В руке последняя граната, с вырванным кольцом. Стоит расслабить пальцы — и она взорвется. «В плен не сдамся ни за что. Как Арефьев...»

Сзади мчались на бричке гитлеровцы, не стреляли, видно, хотели взять разведчика живым. К реке, скорей к реке, там свои, они ждут. Холодная вода обожгла лицо. Женя плыл, гребя только левой. Правая по-прежнему сжимала последнюю гранату...

Обессилевшего разведчика подобрали партизаны. Он сообщил о засаде и протянул сведенную судорогой руку. Кто-то осторожно вставил проволочку вместо предохранителя, и тогда только вынули шершавую лимонку из побелевших мальчишеских пальцев.

За этот бой и ценные сведения, добытые в разведке, Евгения Кухаренко наградили орденом Красной Звезды, но смогли вручить этот орден герою только совсем недавно.

Морозным февральским днем шагали рядом два человека. Отец и сын Кухаренко. Евгений Николаевич возвращался домой. Как четверть века назад, на шее у него алел галстук. Теперь уже почетного пионера. Галстук повязал ему сын Игорь по поручению районного пионерского штаба Дзержинского района города Ленинграда.

Костя предлагает вам начертить два любопытных квадрата: в одном сумма цифр в любом направлении будет равна 15, в другом — 34.

6	1	8
7	5	3
2	9	4

1	14	15	4
8	11	10	5
12	7	6	9
13	2	3	16

Костя утверждает, что если из любого двузначного числа вычесть сумму его цифр, то в остатке получится число, сумма цифр которого равна 9.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ В № 1

100 можно изобразить:

четырьмя девятками $99+\frac{9}{9}$;

пятью единицами III--II

шестью девятками $99+\frac{99}{99}$;

пятью тройками $(3\times33)+\frac{3}{3}$.

ПРАВИЛЬНО ОТВЕТИЛИ НА МОИ ЗАГАДКИ ИЗ «КОСТРА» № 1

Болтачев Александр — г. Глазов; Бородаенко Наташа — с. Виноградное; Винокурова Рая — п. Зырянка; Галеев Альберт — г. Казань; Гилёва Света — г. Арамиль; Зайцева Люда — г. Ленинград; Клименко Нина — г. Свердловск; Клочко Люда — п. Сарата; Кривошеев Сережа — г. Новокузнецк; Кузнецова Лариса — г. Ленинград; Ломанова Оля — г. Арамиль; Лосева Юля — г. Первомайск; Лукьянова Надя — г. Куйбышев; Лыскова Светлана — г. Тула; Михеева Валя — г. Павлодар; Новик Андрей — г. Красноярск; Новикова Оля — г. Ленинград; Попов Сережа — г. Каменск-Уральский; Саблина Лена — г. Ленинград; Торицына Таня — г. Череповец; Усов Миша — г. Магадан.

НЕ ТОЛЬКО ПРАВИЛЬНО ОТВЕТИЛИ, НО И ПРИСЛАЛИ СВОИ ЗАДАЧИ

Муравьев Витя — г. Норильск («Составь шестью семерками число 100) и Невротова Люда — г. Омск («Из четырех троек — все числа от 1 до 10»).

Эти задачи предлагаются к решению.

Шестью восемь — сорок восемь,
Благодарность вам выносим!
Пятью девять — сорок пять!
Напишите нам опять!

Костя-математик

САМОЕ ВАЖНОЕ ДЕЛО

РАССКАЗ

В. Передельский *Рисунок Г. Зубарева*

Васька спал, положив голову на барьер.

Когда старушка, войдя в дежурную, заговорила быстро и бессвязно, Васька медленно открыл глаза, нехотя расставаясь со сном. Ему снилось, как он на полном ходу спрыгивает с поезда и настигает бандита. С тех пор как он стал дружинником, ему постоянно стали сниться погони, перестрелки, схватки с нарушителями. Он мечтал о том, что когда-нибудь ему обязательно придется повстречаться с бандитом, и эта встреча будет не во сне, а в жизни. Пока он только мог мечтать, потому что в поселке происшествий было мало, а что касается бандитов, то их и вообще не было. Если что-либо и случалось, милиционеры не брали Ваську с собой, говоря, что он еще мал, что ему лучше пока охранять в поселке сады от набегов мальчишек — его же дружков. В таких случаях Васька тяжело вздыхал: что ж, надо ждать того дня, когда он станет совсем взрослым и ему поручат важное дело. Он верил, что такой день настанет. Ему шел только пятнадцатый год...

Старушка вошла, бережно положила на стол связку книг, как-то ласково их погладила и огляделась.

Комната с комьями снега на полу, с клубами пара и табачного дыма напоминала вагон. От яркого света лицо Васьки казалось усталым, бледным, как у пассажира, едущего очень давно. Пахло бензином, горелой сосной, камфарой и потом.

— Может, мне не стоит их здесь оставлять? — пробормотала старушка растерянно. — Лучше их унести, покойнее будет.

— Что такое? — откашлявшись, подражая голосу лейтенанта Юрасова, спросил Васька.

— Да я вот про книги... — ответила старушка.

— Спокойно, — сказал Васька. — Возьмите листок бумажки и напишите все по порядку.

— А ты кто будешь?

— Я за дежурного. Лейтенант Юрасов пошел чаю попить и корову покормить, а я за него. Там в комнате еще старшина есть, так он спит.

Ответив, Васька положил голову на барьер и вновь задремал, вновь бросился во сне догонять бандита.

Старушка взяла ручку, листок бумаги и еще раз огляделась. Она увидела на столе перед Васькой ремень, галстук и чью-то фотографию. За Васькой, на шкафу, сидела кошка. Она сидела среди кипы пыльных бумаг и жмурилась от света.

— Душно здесь, — вновь пробормотала старушка, — но к кошке, а значит, и к людям, относятся хорошо. А главное-то — чужие вещи берегут.

Обмакнув перо, она принялась писать.

«Зять — муж моей дочери — сказал, что пыли от этих книг много. А дочь мне сказала, чтобы я снесла их в чулан. А потом внук стал вырывать из них листы. А потом зять

мне сказал, чтобы я их в утиль снесла. А зачем? Они же никому не мешают, я и пыль вытираю каждый день. А вас я прошу принять их, так как стара я стала. Должно быть, помру скоро. И тогда их выбросят. А выбрасывать нельзя. Может, Паша еще вернется».

Старушка тронула Ваську за рукав.

— Что такое? — сказал Васька, прочитав бумагу. — Что за зять? Что за книги? Что за Паша?

— Ничего такого, — сказала старушка. — Зять мой. И книги мои, от Паши остались.

— Какого Паши? — спросил Васька.

— Сын у меня был. Паша. В последние дни войны пропал без вести. Я все жду его, может, вернется. Книги — это его ведь...

Старушка заплакала.

— Без паники, бабушка, — сказал растерянно Васька, — разберемся.

— Его это книги. Его, его, его, — бормотала старушка. — А вы, значит, берегите их.

В дежурную, позевывая, вошел старшина.

— Что случилось? — спросил он.

— Да вот бабушка книги на хранение нам принесла, — ответил Васька.

— Как на хранение? У нас не камера.

— Да ей негде больше. Вот прочтите.

Старшина молча прочитал заявление старушки и сказал:

— Ну все к нам идут! Да ладно, посмотри, может, что художественное есть.

Руки у старушки дрожали, и она никак не могла развязать бечевку. Старшина достал нож, разрезал. Книги рассыпались по столу.

— Гистология, — прочитал Васька. — Это что такое?

— Наука раньше такая была, может, сейчас ее и нет, — сказала старушка.

— Анатомия, — прочитал старшина заглавие другой книги.

— Это я знаю, — сказал Васька, — это про покойников.

— Помолчи, — сказал старшина.

— А вот терапия и психология, — сказала старушка. — Вот из этой я узнала, что у меня камни в почках и ревматизм. А вот...

— Да, да, — перебил ее старшина, — полезные книги, нужные Только куда нам их? У нас ведь не библиотека и не больница.

— А я прямо к вам пришла, — сказала старушка. — Вы же народное добро бережете.

Васька налил воды, хотел предложить старушке, но неожиданно выпил сам, выпил торопливо, разливая на куртку.

— А вот еще книжка, товарищ милиционер, — сказала старушка. — Хирургия. Это Пашина специальность была. Он на хирурга учился. Мы тогда в городе жили. Помню, как Паша первый раз с операции прибежал. Он такой большелобый был, вот как этот мальчонка. Только волосы у него светлее были. Радостный такой прибежал. «Я, — говорит, — сейчас человека спас. Ненужную кишку ему вырезал, аппендицит называется...»

Старушка снова заплакала. Васька налил воды, подал ей.

— Товарищ старшина, — умоляюще прошептал он, — надо принять. Это такое дело! Это, может, важнее, чем бандита поймать!

Старшина махнул рукой и вышел.

— Успокойтесь, бабушка, — сказал Васька. — Мы берем у вас эти книги. Сохраним.

Старушка с тоской посмотрела на книги, потом взяла одну из них, перелистала, положила на стол и сказала:

— Ну и хорошо. Очень хорошо. Только вы мне дайте бумажку, что они у вас остались.

— Зачем вам? — спросил Васька.

— Вам ведь это ничего не стоит, а мне будет легче. Я буду знать, что у вас в целости и сохранности.

Васька взял два листа бумаги, положил между ними копирку и стал писать, поминутно смотря на старушку.

Она села перед ним на стул — чистая, в плюшевом жакете, глаза у нее слезились, не то от дыма, не то от печали.

Ваське почудилось, что перед ним сидит его мать, только очень состарившаяся. Ему почудилось это внезапно. Он вдруг вспомнил, как летом мать зубами вытащила у него из ноги занозу, что в этом году обязательно надо починить крышу и тогда в сильный ливень не надо будет ставить под дыры тяжелые корыта. Он вспомнил, какие руки были вчера у матери, когда она полоскала белье в проруби, красные, покрытые мелкими льдинками. Мать дула на них и никак не могла отогреть.

— Вот, — сказал Васька, кончив писать и подавая старушке один из листков.

Старушка взяла бумажку, разгладила ее, в последний раз посмотрела на книги и пошла — тихая, чуть сгорбленная.

— Ну вот, — бормотала она, — книгам здесь будет хорошо. Долежат до Паши.

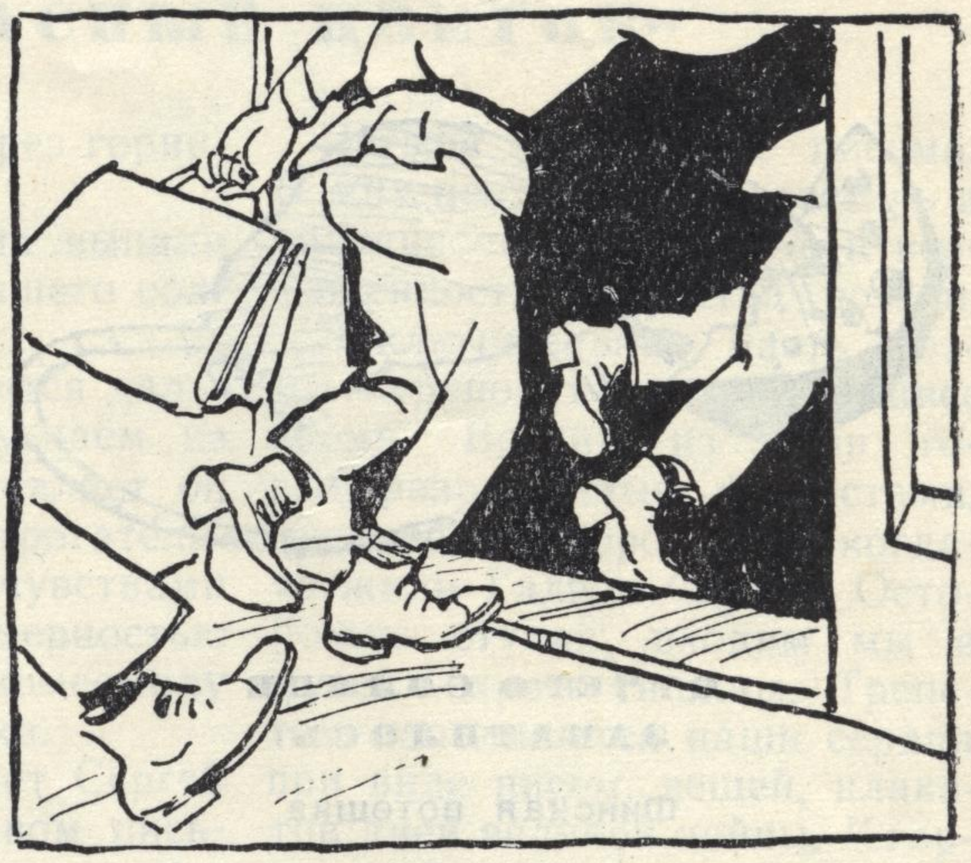
В дверях она оглянулась.

Васька стоял и широко открытыми глазами смотрел на нее.

— Ну, спасибо тебе, сынок, — сказала старушка.

— Не волнуйтесь, бабушка, — сказал Васька. — Мы сохраним книги вашего сына. Обязательно сохраним.

Старушка положила бумажку в нагрудный карман жакета и вышла.

ПОРОГ

— Что это за жизнь? — сетовал порог. — Без конца тебя пинают, железными подковками царапают, в грязь топчут.

Пришло лето. Опустела школа.

— И что это за жизнь настала? — скучал порог. — Некому и подножку дать.

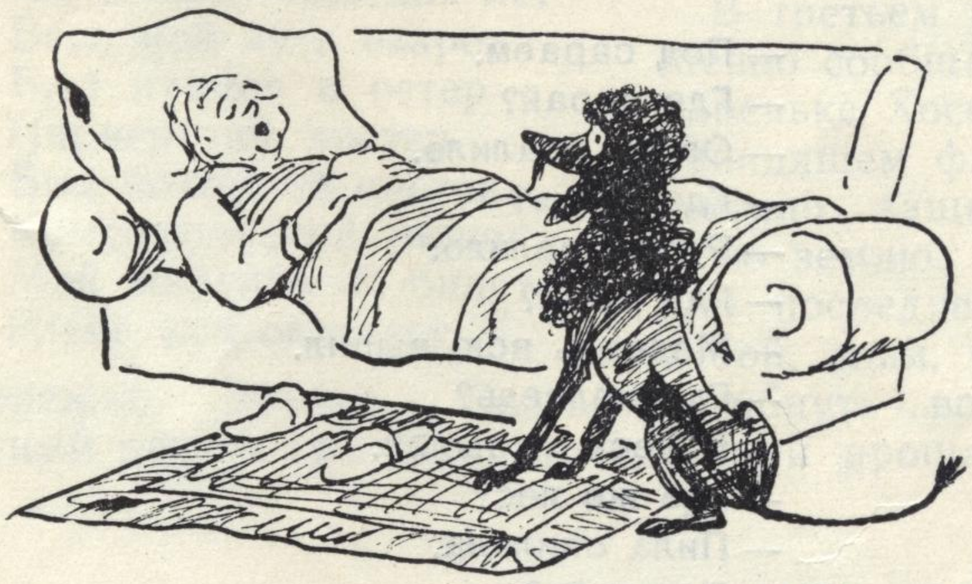
Ив. Костыря

ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ КАРТИНА!

Прохожих надо попросить
во избежанье риска:
„Картина может укусить,
не подходите близко!“

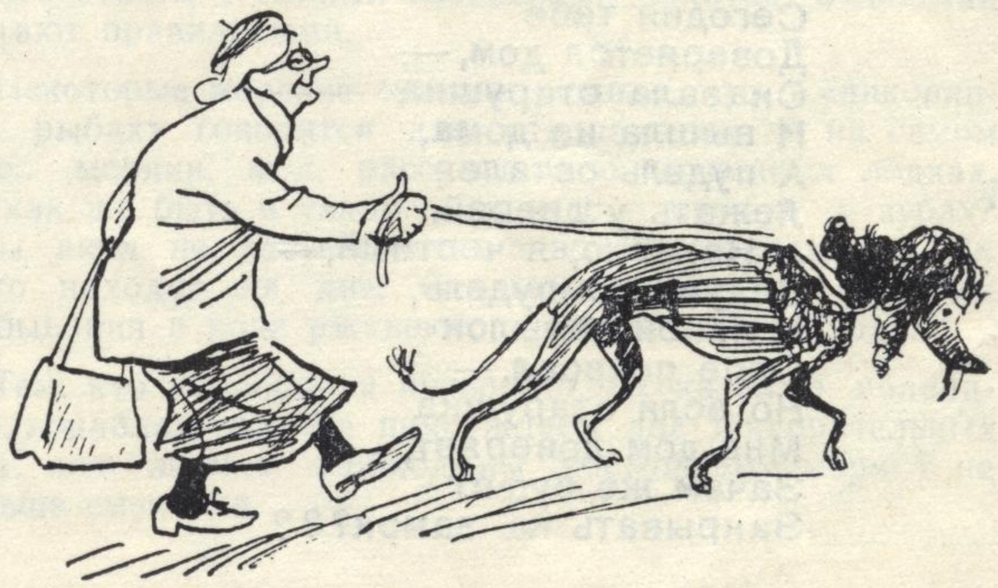
Рисунки Н. Муратова

БЕЛЫЕ СТИХИ О ЧЕРНОМ ПУДЕЛЕ

ПРОГУЛКА

Спит старушка на кушетке,
Черный пудель на полу.
Просыпается старушка —
Пудель смотрит на нее.
— Вечер, — думает старушка, —
Не пора ли погулять?
— Да, — подумал черный пудель, —
Мне давно гулять пора.
— Нужно, — думает старушка, —
Взять и пуделя с собой.
— Да, — подумал черный пудель, —
Нужно взять ее с собой.
— Ах! — подумала старушка, —
Где же спрятан поводок?
— Да, — подумал черный пудель, —
Ей нельзя без поводка.
— Пусть на привязи гуляет, —
Так подумала она.
— Да, — подумал черный пудель, —
Пусть идет на поводке.
— Что ж, — подумала старушка, —
Он теперь не убежит.
— Да, — подумал черный пудель, —
Не заблудится теперь.
Черный пудель и старушка
Молча вышли из ворот.
Совершенно неизвестно,
Кто кого повел гулять.

ОТЧЕГО СОЛНЦЕ ЗАКАТИЛОСЬ

Финская потешка

— Кто стащил горбушку сыра?
— Мышка, серая воровка.
— Где она?
— Попалась кошке.
— Где же кошка?

СОВСЕМ НАПРАСНО

Вот уже
Четыре года
Моет пуделя
Старушка.
Вот уже
Четыре года
Пудель хочет
Ей сказать,
Что она совсем
Напрасно
Каждый день
Его купает,
Потому что
Невозможно
Добела
Его отмыть!

Владимир Орлов

???

— Сегодня, мой пудель,
Ты сторожем будешь.
Сегодня тебе
Доверяется дом, —
Сказала старушка
И вышла из дома,
А пудель остался
Лежать у дверей.
— Наверно, я честный, —
Задумался пудель,
И лапой затылок
Себе почесал. —
Но если старушка
Мне дом доверяет,
Зачем же буфет
Закрывать на замок???

— Под сараем.
— Где сарай?
— Огнем спалило.
— Где огонь?
— Рекой залило.
— Где река?
— Медведь всю выпил.
— Где медведь?
— В лесу укрылся.
— Где же лес?
— Пила спилила.
— Где пила?
— Упала в море.
— Где же море?
— Испарилось,
К солнцу паром улетело.
— Где же солнце?
— Нет и солнца,
Закатилось — испугалось,
Что за сыр его накажут.

Пересказал
С. Погореловский

„КРАСНЫЙ ЦВЕТОК“

Прочтите эту небольшую книгу—поэму «Красный цветок» Анатолия Чепурова — и перед вами предстанет повесть о мужестве, о беззаветной преданности Родине.

Они были совсем молоды — герои поэмы Галя и Сергей. Радостная, полная надежд жизнь раскрывалась перед ними.

И вдруг — война!

Как пароль недавнего счастья уносит с собой Сергей алый цветок гвоздики.

Этот красный цветок становится для поэта и его героя символом.

Я люблю этот цвет —
Цвет зари и знамен.
Им с мальчишеских лет
Весь мой путь озарен.
Был пунцов и остер
Пионерский костер.
Был похож на цветок
Комсомольский значок.
Мой партийный билет
Рдеет, как огнецвет.

Бережно хранит Сергей красный цветок гвоздики, пронося свою любовь через горнило войны.

Тяжелые испытания выпали на долю юноши, ставшего солдатом и мужчиной.

Со всем, что случается дальше с Сергеем, мы узнаём из писем, которые отправляет он Гале. Искренними, трогательными, сильными чувствами полны эти письма. Верностью Отчизне, партии, комсомолу дышит каждая строка.

Меньше всего пишет Сергей о самом себе. В первом письме он рассказывает о подвиге замечательного паренька Веньки Тихова, спасавшего людей из разбитого бомбой эшелона и пожертвовавшего своей жизнью.

Во втором письме, отправленном из тыла, где Сергей проходит военное обучение и рвется в бой, юноша поэтически вспоминает недавнюю мирную жизнь, клянется защищать ее до последней капли крови.

В третьем письме он восхищенно сообщает об испанском пареньке Хосе, смертельно ненавидящем фашистов и мужественно защищающем советскую землю.

В последнем письме, уходя в бой, зная, что ему суждено погибнуть во славу живых, Сергей прощается с Галей.

Четыре небольших письма. В них поэту удалось достичь и правдивости документа и возвышенности искусства поэзии.

Заключительная часть поэмы переносит нас в нынешнее время. Возник из руин город, разрушенный фашистами, прекрасный город, где когда-то жили Галя и Сергей. Осторожно ступая, входим мы в музей — храм тишины. Трепетом наполняются наши сердца при виде писем, вещей, плакатов дней великой войны. К горлу подступает комок, когда мы глядим на пробитый пулей комсомольский билет Сергея и красную засохшую гвоздичку в нем...

И все-таки печаль наша светла. Потому что гордимся мы Сергеем и Галей, мужественными, бесстрашными людьми, сыном и дочерью Ленинского комсомола.

Вместе с поэтом торжественно и тихо повторяем мы:

Пусть о них вспоминают
Всегда и везде,
Даже в долгой дороге
К далекой звезде,
Даже в будничном трепете
Дел и тревог,
Чтоб горел, пламенел
Жизни красный цветок.

Евг. Мин

ВНИМАНИЕ, МОРСКИЕ ЗНАТОКИ!

(Проверьте свои ответы на задание «Костра» № 2)

Капитан и боцман задали вопрос довольно прямо — о рыбах...

Толя Бейнар из Риги, Вася Сафонов из Приморского края, ленинградцы Ира Смирнова и Гриша Кузнецов догадались, что речь шла об акулах. Причем, не об одном виде акул, а о нескольких.

Ученые знают около ста разновидностей акул.

От акул-хищников ограждают металлическими сетями места для купанья и прибрежные участки. Среди летчиков, оказавшихся в море после аварии самолетов, не раз находили искусанных акулами...

Величиной с кита китовые акулы. Для человека они почти безобидны. Их главная пища — планктон.

Глаза светятся у полярных видов из семейства собачьих акул.

Все ответы с такими сведениями капитан и боцман считают правильными.

Некоторые морские знатоки решили, что о «диковинных рыбах» говорится для отвода глаз. А на самом деле... моряки, мол, рассуждали о подводных лодках. Но как же быть в таком случае с вопросом о зубах? Зубы акул не растворяются в воде миллионы лет. Их часто находят на дне. Стальные осколки от долгого пребывания в воде ржавеют, превращаются в прах.

Тем, кто подробно и интересно рассказал о подводных кораблях, все же присуждаем два поощрительных очка: эти знания необходимы настоящему моряку не меньше смекалки.

Храбрый Апанасенко

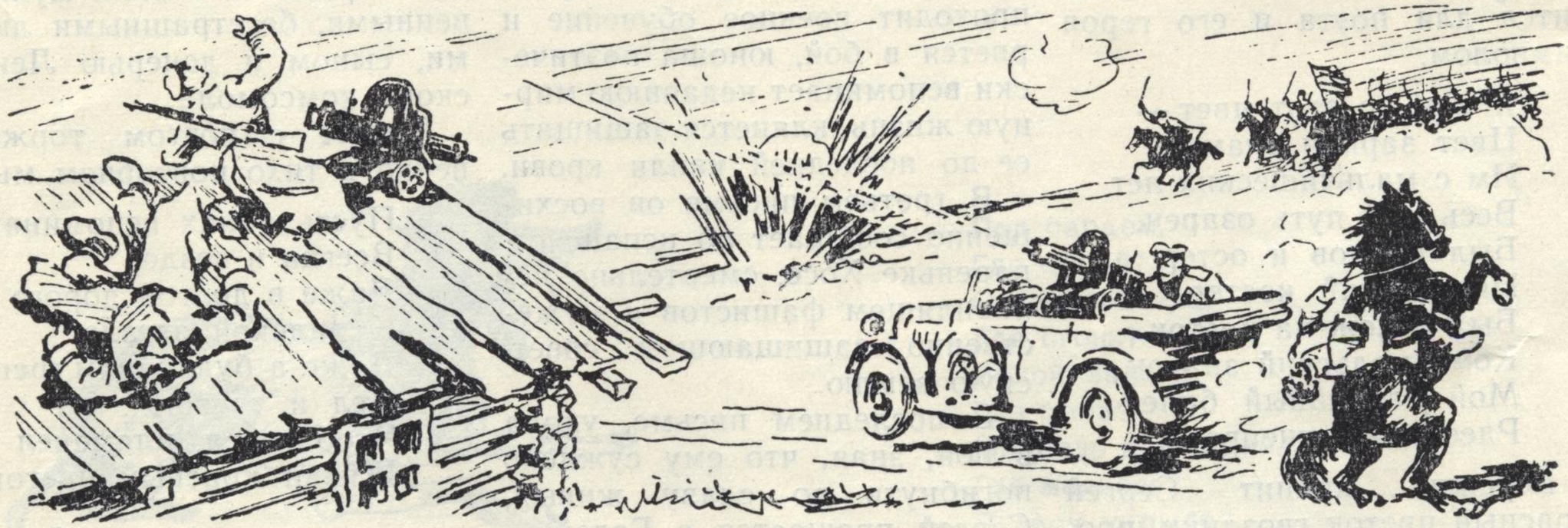
В. Фарберов

Мы рассказываем о трех случаях из боевой юности Иосифа Родионовича Апанасенко.

На фронтах гражданской войны командарм Апанасенко заслужил три ордена Красного Знамени.

Храбро сражался генерал армии Апанасенко и в Великую Отечественную войну. В августе 1943 года он погиб под Белгородом.

Адъютант в черкеске

Было начало сентября 1918 года. Во время очередной атаки Апанасенко ввел в бой свою конницу. Однако с левого фланга по наступающим ударили пулеметы, и красные конники спешились и залегли.

Тогда Апанасенко переоделся в офицерскую черкеску, взял станковый пулемет и установил его в открытую легковую машину, отбитую у белогвардейского генерала.

— Трогай и держись покрепче! — приказал он шоферу.

Дорога в тыл белых охранялась. Когда машина с Апанасенко приблизилась к заставе, над головами шофера и Апанасенко просвистели пули.

— Ты по кому стреляешь?! — накинулся Апанасенко на казака, когда тот подъехал к машине.

— Не приметил, — подозрительно оглядывая Апанасенко, ответил конник. — Позвольте ваши документы.

— Это что за новости! — кричал Апанасенко. — Я тебе покажу, как у адъютанта генерала Шкуро спрашивать документы! Укажи, как в штаб проехать!

— Можно, — обрадовался казак, что избавляется от строгого начальства.

Треск пулеметных очередей указывал, где надо искать вражеские огневые точки. Одна находилась совсем рядом — на крыше сарая. Пулеметчик, заметив подкатившую машину, просиял:

— Эге, ваше благородие, помогать приехали!

— Сию минуту, — ответил Апанасенко. — Где остальные?

— Справа у овина, слева за погребком. Патронов бы!

— Даю! — крикнул Апанасенко и нажал гашетку.

Когда через несколько минут конница красных снова пошла в атаку, вражеские пулеметы молчали.

Патронный завод

«Патронов нет!» — «Патроны кончаются!» — «В подсумках по одной — две обоймы!» — докладывали командиры частей.

Апанасенко молча слушал. Он думал, где достать боеприпасы. Дивизия обложена отборными белогвардейскими отрядами. Связи с Царицыном нет.

«А что если самим?..» — мелькнула у него мысль.

— Возьмись, Петр Максимович, — сказал Апанасенко своему другу, командиру Ипатову. — Ты ведь работал на Ижевском оружейном заводе, тебе знакомо это дело!

Ипатов взялся немедленно. Приспособил под мастерскую помещичий амбар. Там же, в усадьбе, нашел подходящий котел. Из охотничьих мастерских забрал пресс и станочки.

Скоро в горне уже пылал огонь, а в котле плавился свинец для пуль.

В мастерскую приносили мешки и ящики со стреляными гильзами, собранными на поле боя. Их промывали керосином, выбивали старые капсюли и вставляли новые.

Кончался порох, и раздобыть его было негде. Посоветовавшись с Апанасенко, Ипатов решил и порох изготовлять в мастерской. Раздобыл серу, древесный уголь, селитру, — порох, правда, получился дымный, но и это лучше, чем ничего.

В котел был брошен последний металл, и Ипатов ломал голову, где его достать.

— У царей! — сказал Апанасенко.

— ?!

— Мало, что ли, в окрестных селах царских памятников? Снимайте и переплавляйте! Лучшего применения им, пожалуй, не сыщешь!

Крестьяне и партизаны яростно валили божьих помазанников с постаментов и отправляли их на переплавку.

Изготовленные «заводом» боеприпасы дали возможность отразить белогвардейские атаки.

„Ведите меня к генералу!“

В осеннем небе девятнадцатого года высоко над воронежской степью, над лагерем шестой кавалерийской дивизии плыл самолет.

Он то опускался, то взмывал ввысь, делал круги, — видимо, кого-то разыскивал.

Опознавательных знаков на нем не было.

Апанасенко заинтересовался, что за птица летает. Запретил открывать по аэроплану огонь, приказал свернуть красные знамена, а сам стал махать папахой.

Самолет почти коснулся земли колесами и опять поднялся. Верно, летчик никак не мог решиться сесть.

— Давай-давай! — махал ему Апанасенко. И пилот отбросил сомнения. Правда, встречая подъезжающих, он держал револьвер в руке.

— Кто такие? Кто стоит здесь? Казаки? Мамонтов?

— Разве не видите? — ответил Апанасенко.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул авиатор и перекрестился. — Наконец-то попал к своим.

Он посетовал, что сутки искал и не мог найти корпус генерала Мамонтова, чтобы вручить срочный пакет.

— Проводите меня немедленно к генералу! — потребовал летчик.

— Сейчас, — сказал Апанасенко и повел деникинца прямо в буденновский штаб.

КАК БАШМАКОВ ОДОЛЖИЛ СВОЮ ФАМИЛИЮ

РАССКАЗ

Борис Никольский

Рисунок Н. Муратова

Если приключалась в нашей роте какая-нибудь странная история, то приключалась она непременно с Башмаковым. Хотя, в общем-то, она вполне могла произойти с любым из нас, но вот происходила почему-то все-таки с Башмаковым.

Так было и в этот раз.

Почему именно на Башмакова пал выбор сержанта Модестова — неизвестно. Этот сержант Модестов в нашем батальоне отвечал за спортивную работу, и была у него одна слабость — во что бы то ни стало хотелось ему прославить наш батальон.

И вот этот сержант подходит как-то к Башмакову и говорит:

— Придется вам, Башмаков, на вечерок одолжить свою фамилию.

— То есть как? — удивился Башмаков.

— А очень просто. Я тут в поселке классного боксера разыскал. Договорился с ним, чтобы он за наш батальон выступил. Ну, вот вы ему свою фамилию и одолжите. Ради спортивной славы батальона.

— Ладно, — говорит Башмаков. — Если ради славы... Правда, я этот бокс не люблю, смотреть даже на него не могу. Но мне-то что. Берите мою фамилию.

Поговорили они так, и Башмаков об этом разговоре тут же забыл.

А на другой день прибегает в казарму лейтенант — начальник физической подготовки части.

— Кто у вас тут Башмаков? — спрашивает.

— Я — Башмаков, — говорит Башмаков.

— Что же вы, — говорит лейтенант, — молчали до сих пор? Что же вы свои способности скрывали? На тренировки почему не ходили?

— Да я... — говорит Башмаков, но взволнованный лейтенант не дает ему сказать больше ни слова.

— Я понимаю, — говорит он. — Вы и без тренировок отлично вчера выступили. Одним словом, собирайтесь. С начальством я уже договорился. Едем.

— Куда, — спрашивает Башмаков, — едем?

— К танкистам. Товарищеский матч у нас сегодня с ними по боксу.

Кажется, первый раз в жизни Башмаков растерялся. Стоит и молчит, не знает, что делать. Сказать правду — вроде бы подведет он тогда сержанта Модестова, да и спортивной славы батальону тогда не видать. Один позор. Не сказать правду — тоже плохо.

— Да вы не бойтесь, — говорит лейтенант, — противник у вас сегодня не очень сильный. Всего второй разряд.

Вздохнул Башмаков.

— Ладно, — говорит, — едем.

Вернулся он в этот вечер поздно, уже перед самым отбоем.

— Ну как? — спрашиваем, а сами смеемся.

— Ничего, — спокойно отвечает Башмаков. — Все в порядке. Победил.

— Как победил? Ты?

— Я, — говорит Башмаков.

Не поверили мы. Но на следующий день в газете читаем: «Победа в легчайшем весе была присуждена рядовому Башмакову, поскольку его противник не смог явиться на соревнования. Теперь победителю предстоит встретиться с перворазрядником Зайцевым».

— Вот, — радостно говорит сержант Модестов, — наш батальон и прославился.

— Неизвестно, что еще дальше будет, — говорит Башмаков.

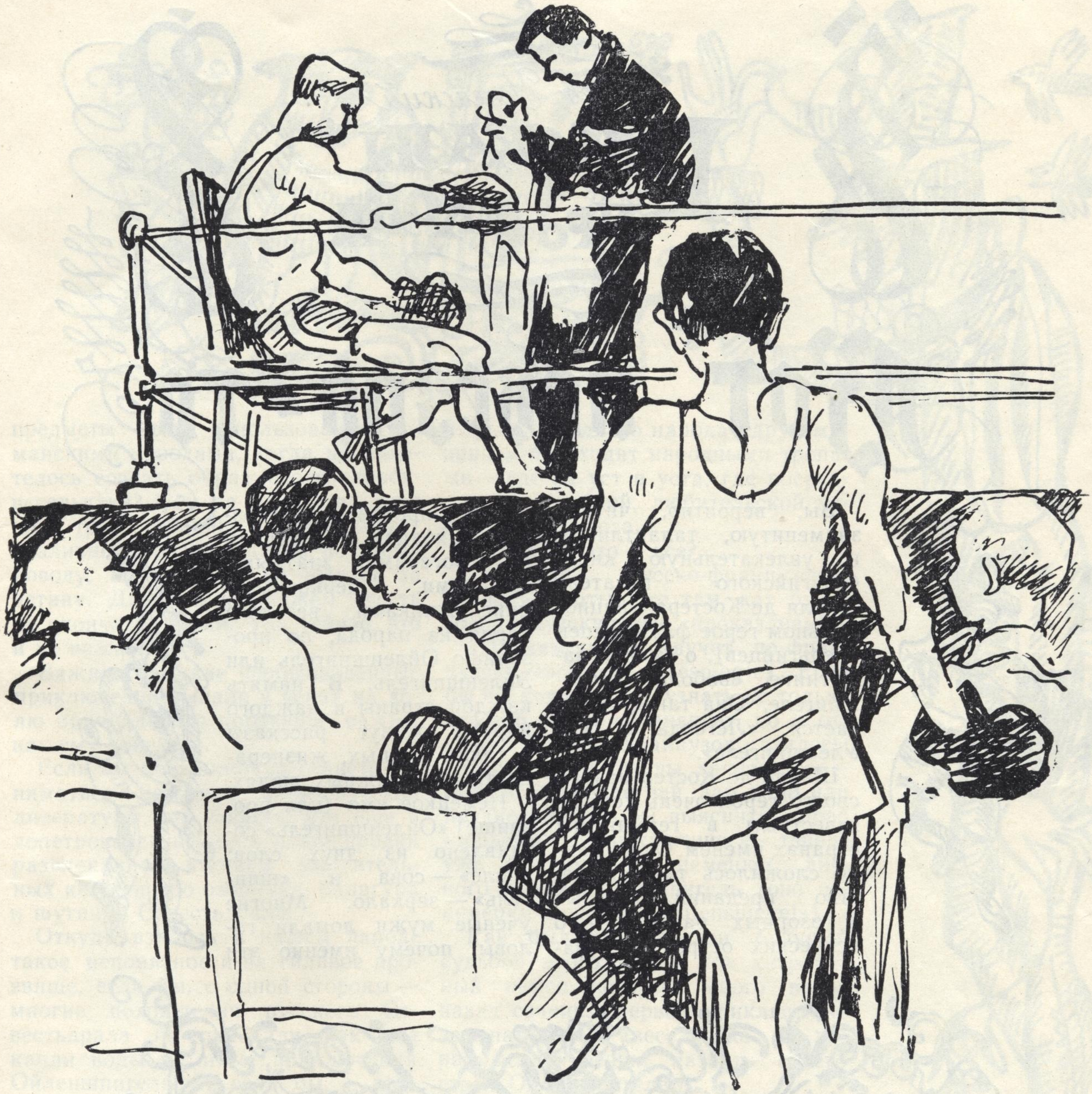
— Это верно, — говорим мы, — неизвестно.

Вечером снова отправился Башмаков на соревнования.

В спортивном зале начал переодеваться, лейтенант — начальник физической подготовки — посмотрел на него и говорит:

— Что-то вы в прошлый раз повыше ростом казались.

— Возможно, — говорит Башмаков, а сам на своего противника смотрит.

— И в плечах, вроде, вы пошире были, — печально говорит лейтенант.

— Тоже возможно, — говорит Башмаков.

— Ладно, — говорит лейтенант, — делать нечего. Идите.

Пошел Башмаков на ринг.

Что там было — об этом нам никто не рассказывал. Настроение, говорят, не то, чтобы рассказывать.

Только дневальные утверждали, что Башмаков не спал всю ночь, ворочался на своей койке, охал и бормотал:

— Чтобы я свою фамилию еще когда-нибудь кому-нибудь зачем-нибудь одолжил! Да никогда в жизни!

Но больше всех пострадал в этой истории все-таки сержант Модестов. Был сержант Модестов, а стал рядовой Модестов. Разжаловали его. Недаром говорят — спортивная слава переменчива.

Лев Успенский

Рассказы про слова

В'от повезло-то

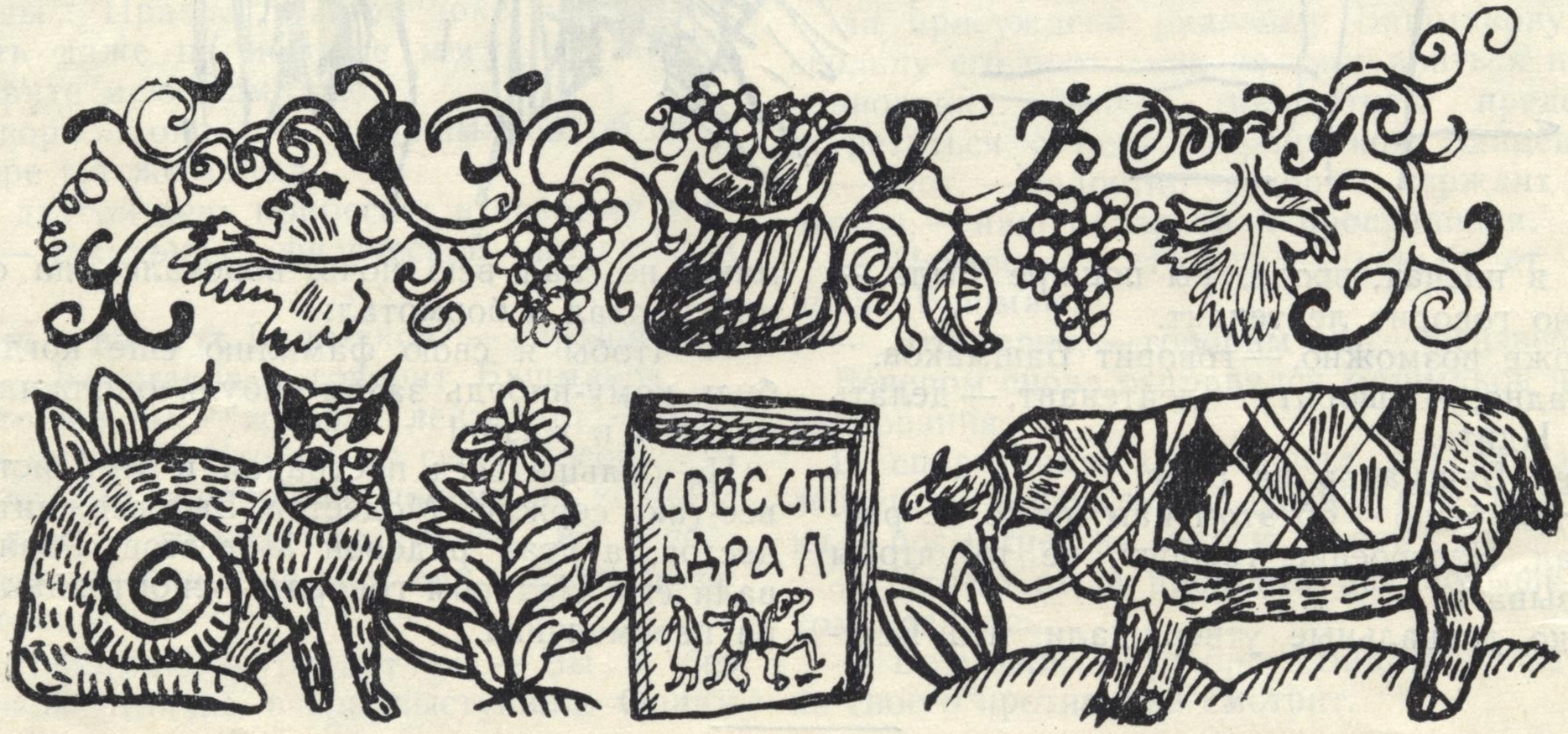

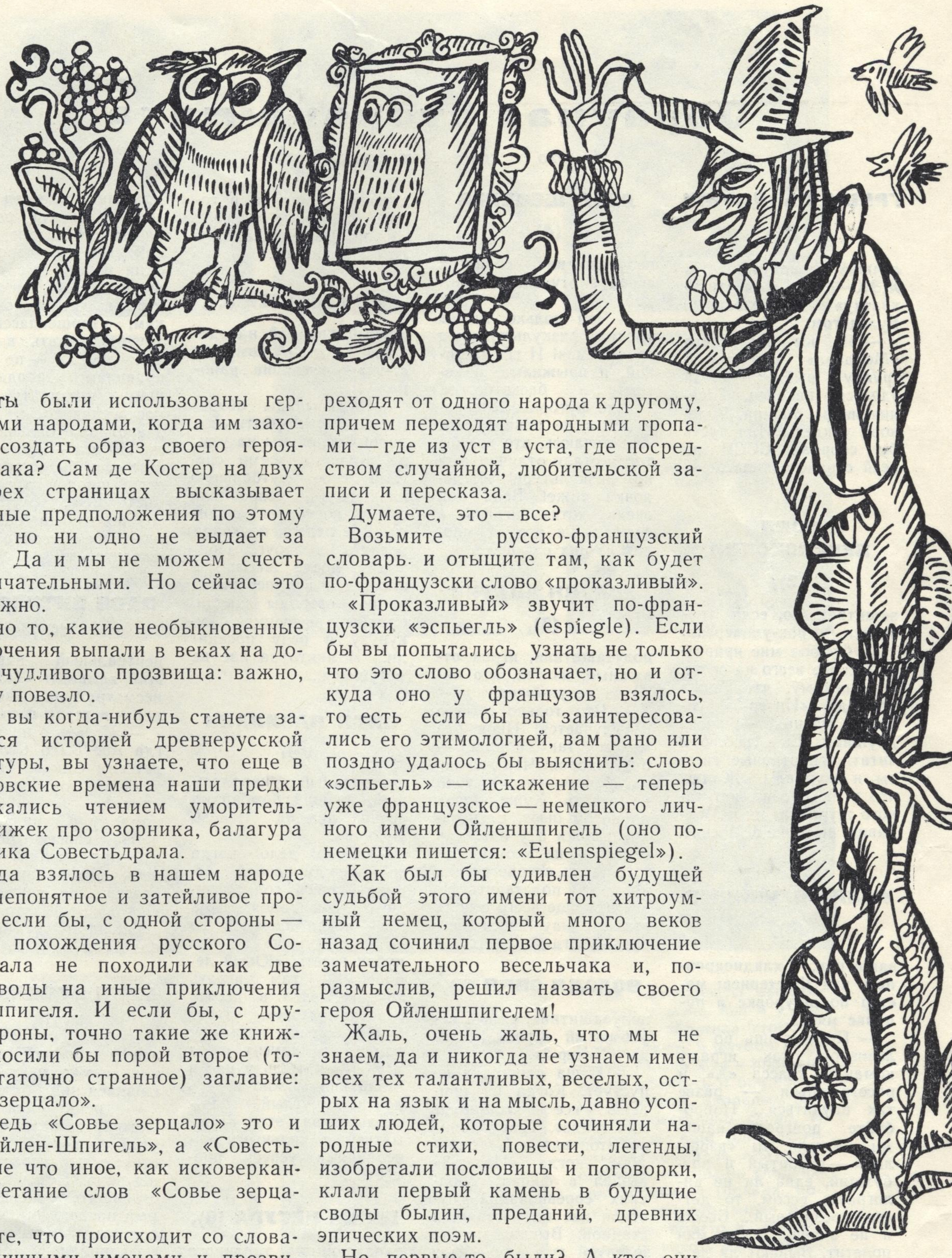
Вы, вероятно, читали знаменитую, талантливую и увлекательную книгу бельгийского писателя Шарля де Костера о национальном герое фламандцев (бельгийцев), о смелом защитнике свободы — Уленшпигеле. Она так и называется: «Легенда о Тиле Уленшпигеле».

Шарль де Костер назвал своего героя очень хорошо известным в германских странах именем. Очень давно сложилось там множество преданий — веселых и озорных рассказов — о всяческих остроумных забавных проказах, о дерзких выходках и издевках над богачами, знатными господами, церковными прислужниками веселого парня из народа, по прозванию Ойленшпигель или Эйленшпигель. В память каждой страны и каждого народа живут рассказы о таких мудрых, жизнерадостных, отважных людях.

Немецкое имя (или прозвище) «Ойленшпигель» составлено из двух слов: «ойле» — сова и «шпигель» — зеркало. Многие ученые мужи ломали головы, почему именно эти

предметы были использованы германскими народами, когда им захотелось создать образ своего героя-весельчака? Сам де Костер на двух или трех страницах высказывает различные предположения по этому поводу, но ни одно не выдает за истину. Да и мы не можем счесть их окончательными. Но сейчас это и не важно.

Важно то, какие необыкновенные приключения выпали в веках на долю причудливого прозвища: важно, как ему повезло.

Если вы когда-нибудь станете заниматься историей древнерусской литературы, вы узнаете, что еще в допетровские времена наши предки развлекались чтением уморительных книжек про озорника, балагура и шутника Совестьдрала.

Откуда взялось в нашем народе такое непонятное и затейливое прозвище, если бы, с одной стороны — многие похождения русского Совестьдрала не походили как две капли воды на иные приключения Ойленшпигеля. И если бы, с другой стороны, точно такие же книжки не носили бы порой второе (тоже достаточно странное) заглавие: «Совье зерцало».

Но ведь «Совье зерцало» это и есть «Ойлен-Шпигель», а «Совестьдрал» не что иное, как исковерканное сочетание слов «Совье зерцало».

Видите, что происходит со словами, с личными именами и прозвищами, когда они, волею судьбы, переходят от одного народа к другому, причем переходят народными тропами — где из уст в уста, где посредством случайной, любительской записи и пересказа.

Думаете, это — все?

Возьмите русско-французский словарь и отыщите там, как будет по-французски слово «проказливый».

«Проказливый» звучит по-французски «эспьегль» (espiegle). Если бы вы попытались узнать не только что это слово обозначает, но и откуда оно у французов взялось, то есть если бы вы заинтересовались его этимологией, вам рано или поздно удалось бы выяснить: слово «эспьегль» — искажение — теперь уже французское — немецкого личного имени Ойленшпигель (оно по-немецки пишется: «Eulenspiegel»).

Как был бы удивлен будущей судьбой этого имени тот хитроумный немец, который много веков назад сочинил первое приключение замечательного весельчака и, поразмыслив, решил назвать своего героя Ойленшпигелем!

Жаль, очень жаль, что мы не знаем, да и никогда не узнаем имен всех тех талантливых, веселых, острых на язык и на мысль, давно усопших людей, которые сочиняли народные стихи, повести, легенды, изобретали пословицы и поговорки, клали первый камень в будущие своды былин, преданий, древних эпических поэм.

Но первые-то были? А кто они были? Неизвестно!..

Обратная сторона мяча

Начало смотри на 2 странице обложки

ГРИША ГАЙДАРЖИ (1),

лучший вратарь в ЖЭК—7, за «мертвую хватку» прозванный Бульдогом.

— Я все жду, что «Молдова» в первую группу выйдет — тогда удастся, наконец, Пшеничникова, Яшина, Рудакова увидеть. Или пусть бы сборная СССР по всей стране ездила...

ТОЛЯ БЕРЕЗОВСКИЙ (2),

защитник, но, если требуется, игрок-универсал.

— Футбол мне нравится больше всего на свете. Это потому, что наша команда «Интер-3» самая лучшая — очень дружная. Еще люблю я читать спортивные газеты и журналы. Жалко, что у нас, ребят, нет такого журнала: ни в Молдавии, ни даже в Москве.

КОЛЯ СВЕШНИКОВ (3),

защитник, хладнокровный, как Шестернев; мастер по шнуровке и починке мячей.

— Посмотришь по телевизору, как играют команды класса «А», и расстроишься — разве так научиться... Попробуйте поиграть нашими мячами: то «взрослый» — разбитый и разбухший, едва ли не килограмм весом, то детский, резиновый... Бьешь и не знаешь, куда мяч полетит. Бывают ли детские кожаные футбольные мячи? Если бывают, то где их достать?

ЛЕНЯ ШЕВЕЛЕВ (4),

полузащитник, славится своей виртуозной техникой.

— Чем только мы на уроках физкультуры не занимаемся! И гимнастикой, и прыжками, и бегом, и баскетболом. Только футбольные приемы нам не показывают. А я ручаюсь, что все бы тогда стали отличниками по физкультуре! И девочки тоже! Ведь они очень хотят играть в футбол — я это от многих из них слышал.

ВОЛОДЯ АНАТИЙ (5),

полузащитник, игрок отважный, из тех, кто никогда не унывает.

— Что только в игре не случается! Иной раз мячом так попадет — будь здоров! Что же, мяча бояться — в футбол не играть. Хуже, когда по ногам бьют. Есть такие игроки и у нас: мяч отобрать не может, так оттолкнуть старается или подножку подставить. Но мы их чаще всего с поля гоним: научишься играть — тогда и приходи!

ВОЛОДЯ ОПРЯ (6),

полузащитник, самый неутомимый игрок команды «Интер-3».

— Наша площадка не пустует. Когда ни придешь — все кто-нибудь мяч гоняет. Траву давно повытоптали. А однажды, когда «Интер-3» вышел в финал городских соревнований, пустили нас на настоящий стадион. Вышли мы на зеленую лужайку — ноги сами забегали, откуда только силы брались! Хорошо бы, если все детские площадки в городе с весны засевали травой, выравнивали, а летом поливали.

ЭДИК БЕККЕР (7),

правый крайний нападения, капитан команды «Луч» — чемпиона района.

— У команды обязательно должно быть свое поле! Весной мы на улице Красина сами сделали себе футбольную площадку: разровняли грунт, поставили штанги. Две недели поиграли всласть. И вдруг... Приходим после школы, а площадка вся перерыта: ее под огороды заняли. Столбы выдернули, кукурузу и репу посадили... И никто за нас не вступился...

ВИТЯ ВАСИЛАКИ (8),

центральный нападающий, лучший бомбардир среди команд Нового Буйкана.

— Одно дело, когда мы между собой играем — здесь голы сыплются как горох. Другое — когда боремся за «Кожаный мяч» или за кубок газеты «Юный ленинец» — там играть труднее, зато в десять раз интереснее. Пусть будет больше встреч с командами других школ и ЖЭКов! Ведь у нас в Молдавии можно играть почти круглый год — сколько за это время матчей с сильными соперниками успеем провести...

МИША НЕГУРА (9),

нападающий таранного типа из команды «Интер-3».

— Ребятишкам из младших классов лучше — положили портфели вместо штанг и гоняй себе на здоровье в одни ворота. Ни формы им не нужно, ни секундомера, ни сеток... А нам, старшеклассникам, хочется играть в большой футбол — по всем правилам. Правда, нашему интернату № 3 посчастливилось: рядом разровняли большое поле. Но это — исключение. Вот если бы рядом с каждой школой строили по настоящему футбольному полю! Да обеспечивали всем необходимым инвентарем!

ВАСЯ ВИТИНСКИЙ (10),

центральный нападающий команды «Тайфун»; несмотря на свои 11 лет — ветеран футбола.

— Играть я начал, когда мне было 6 лет — в детском садике. На следующий год меня уже приняли в школьную команду «Сигнал». А недавно совсем повезло: мне разрешили выступать за команду 9-го класса, где учится моя сестра! Это за то, что я в каждом матче хоть один гол да забью...

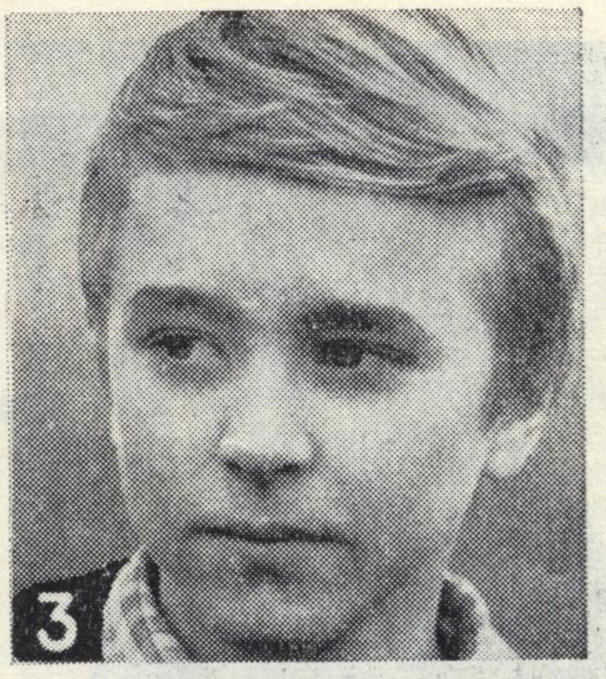
МОНЯ НУДЕЛЬМАН (11),

левый крайний нападения команды «Луч» — кишиневский Метревели.

— Тренируемся мы с охотой, каждый день с утра до вечера. Да чувствуем, что играем пока неважно. Нет у нас постоянного тренера, который показал бы, как выполнять финты, научил бы дриблингу, обводке, пасовке в одно касание. Книжек по технике футбола тоже не достать...

1

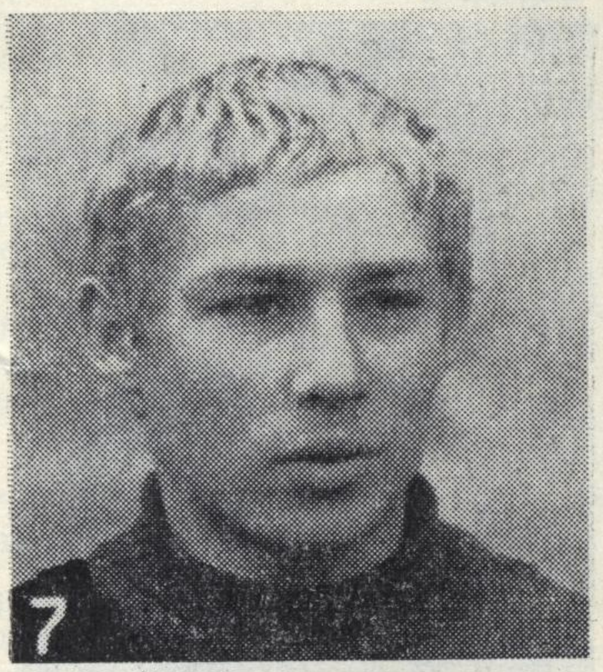

2

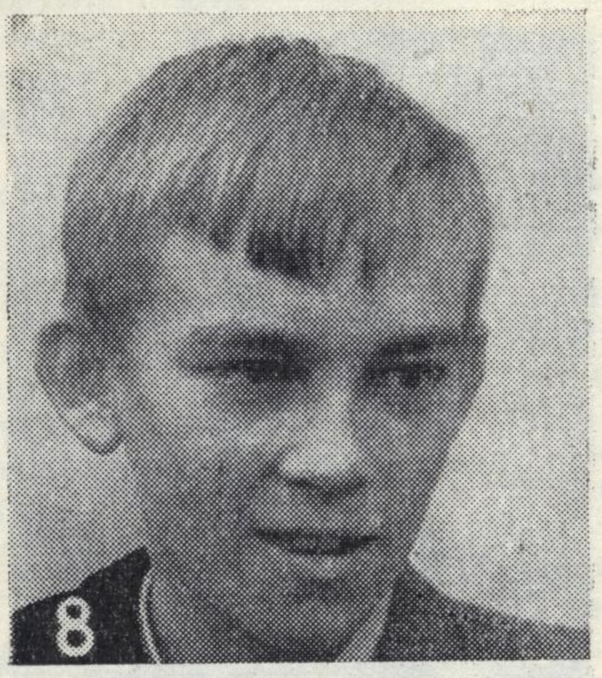

3

4

5

6

7

8

9

10

11

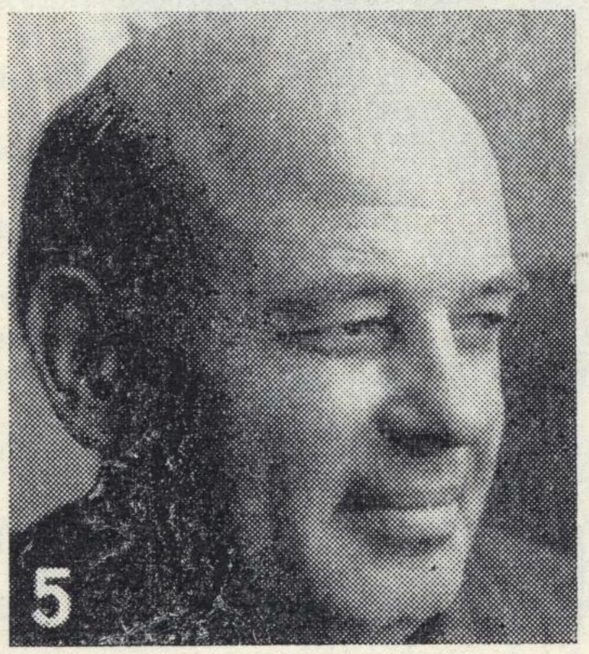
Так костронавты выяснили, что у мяча, как и у Луны, есть обратная сторона. Чтобы играть в футбол, нужны не только мяч и площадка, не обойтись и без помощи взрослых. Взрослым было предоставлено слово. И набралась еще одна «футбольная команда». Мы представляем ее вам на следующей странице (правда, номера в той «команде» расставлены просто в том порядке, в каком мы беседовали со взрослыми друзьями юных футболистов).

1

2

3

4

5

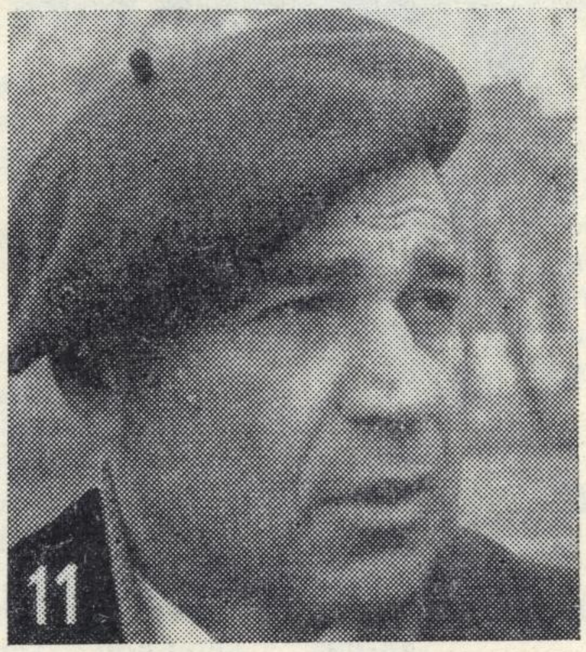

6

7

8

9

10

11

Разговор о спортивном досуге на этом не заканчивается. Как видите, ждут еще разрешения три больших вопроса: кто будет делать для юных футболистов площадки и назначать тренеров? Где приобрести детскую футбольную форму и инвентарь? Где купить книги по футболу? В «Костре» № 8 на эти вопросы ответят главные в стране специалисты.

И. П. СИДОРОВ (1),
шофер такси.

— Весь город я знаю вдоль и поперек. Поэтому могу авторитетно сказать, что туго нынче приходится юным футболистам. Раньше, бывало, на любой улице пустырь был — гоняли мы мяч и никому не мешали. Теперь же каждый клочок земли на учете— повсюду идет большое строительство. Дома-то строят, а о спортплощадках забывают. Вот и приходится ребятам играть прямо на улицах — на проезжей части, а нам, водителям, — глядеть в оба...

Л. Я. ЗОЛОТАРЕВ (6),
почетный судья всесоюзной категории, отметивший недавно 53-ю годовщину своего дебюта на футбольном поле.

— Настоящий матч — праздник. Ребята это чувствуют особенно. Вот почему следует чаще устраивать игры детских команд на лучших наших стадионах. Удобнее всего это делать перед самым началом матчей на первенство страны, когда на трибунах много зрителей и ребятам есть перед кем показать, на что они способны.

Р. А. ФИШМАН (3),
врач школы № 15.

Спортивные игры — прекрасное средство восстановить силы, обрести бодрость. Футболом ребята увлекаются больше всего. В этой игре меня, правда, беспокоят травмы. Но если играть на хорошей, просторной площадке, а в прохладное время года надевать достаточно теплую и удобную одежду, то опасаться нечего.

В. Н. ПОЛОЖЕНКО (4),
министр коммунального хозяйства Молдавской ССР, председатель республиканского детского футбольного клуба «Вратарь».

— Свою причастность к детскому футболу я почитаю за большую честь. Стараюсь быть председателем клуба «Вратарь» не только на бумаге. Министерство, которым я руковожу, помогает оборудовать стадионы, бассейны, корты для детей. В жилконторах мы ввели должность воспитателя, который, как правило, ведет спортивную работу среди ребят своего микрорайона. Так у многих наших прежде «диких» команд появились свои наставники.

В. С. ПОЯН (5),
учитель истории.

— К сожалению, в учебные программы школ нашей республики не включен футбол. Не ведется фактически в большинстве школ и внеклассной работы с юными футболистами. Кое-кто считает, что футбольные секции... отвлекут ребят от других физкультурных кружков. Практика показывает обратное: через занятия в футбольных секциях, после выступления в массовых футбольных турнирах к спортивной жизни приобщаются дети, ранее совершенно равнодушные к физкультуре.

Д. И. ДОРУ (2),
дворник.

— Вот уж не любил я, когда мальчишки с мячом забавляются. Форменное безобразие: стекла бьют, кусты ломают, мячом того и гляди прохожих перемажут. Гонял я их, бывало, прочь и слушать ничего не хотел. Потом площадку неподалеку построили — совсем другое дело стало. Тут я на футбол по-иному взглянул. Вижу, одни ребята на площадке с пользой для здоровья время проводят, а другие слоняются по парадным, курят тайком, бездельничают. Тогда и стал я для футболистов по утрам площадку мести да поливать...

Т. Д. КРАЧУН (7),
продавец книжного магазина № 1.

— В моем отделе спортивные книги. Каждый день приходят к нам ребятишки и все спрашивают, нет ли чего о футболе. А у нас давно уже ничего не было. Не понимаю, почему бы не выпустить «Самоучитель юного футболиста» с яркими картинками, кинограммами, с советами тренеров и опытных мастеров. Очень часто спрашивают ребята книги о выдающихся футболистах. И опять приходится разводить руками...

И. С. СТАВИЛО (8),
бульдозерист.

— Своих детей у меня пока еще нет. Но когда на чужих смотрю, жалко их порой становится. Особенно тех, что за мячом бегают. Играть им приходится на задворках: развернуться негде, чуть сильнее ударил — мяч через забор улетел. Иногда так и подмывает меня выехать на своей могучей машине вечерком да расчистить где-нибудь у школы хорошую площадку 90×40 метров, чтобы и самому—выпадет свободное время — сюда с мячом зайти можно было.

Г. М. СЕРГАКОВ (9),
инструктор ЦК ЛКСМ Молдавии по спортивной работе с детьми.

— В одном Кишиневе за приз «Кожаного мяча» боролись 357 команд! Конечно, такой армией нелегко руководить. Наша федерация футбола составила календарь игр, выделила опытных судей, постаралась предоставить участникам подходящие площадки. С площадками, честно говоря, у нас пока плоховато. Правда, их строительство планируется в новых районах, но сдаются они с опозданием. В старых же кварталах и того хуже... Не проявляют заботы о юных физкультурниках торгующие организации—в республике трудно купить спортивную форму, мячи, инвентарь...

А. И. ШТЕФЫРЦА (10),
старшина милиции, любящий порядок и на улице, и на футбольном поле.

— Жителей в нашем городе становится все больше — за 300 тысяч уже перевалило. Уличное движение усиливается. Теперь чуть зазевался — быть беде. Ребята же, ясное дело, дома не сидят — всё больше на улице время проводят. А тут занятия для них лучше, чем футбол, не придумаешь. Будь моя воля, я бы сто стадионов в городе выстроил и каждому мальчишке выдал бы по футбольному мячу!

С. П. ФОТЯ (11),
тренер кишиневской ДСШ по спортивным играм, автор неизданного пока футбольного учебника для детей.

— Почти во всех видах спорта есть закон: чем раньше начнешь тренироваться, тем больших успехов добьешься. Футбол — не исключение. Сейчас в турнирах «Кожаного мяча» играют ребята 13—14 лет. А по-моему, эти состязания надо проводить для мальчишек 11—12 лет. Тогда у начинающих футболистов будет больше запас времени для овладения техникой игры, а число уличных команд возрастет.

БЬЮТ БАРАБАНЫ АРЧЕБЕКА

ПРОМАХ РАРОВЦА

Следы шайки привели Точного на один шумный вокзал. Он подошел к каким-то людям в зеленых шляпах.

— Господа! Я — рыцарь АРЧЕБЕКА. Не слыхали ли вы о бандитах, похитивших визы, присланные с Пульги?

— А доказать, что рыцарь — можешь? В шахматы можешь?

Белые достались Точному. Он добился перевеса.

— Вам мат в два хода!

— Ну и наврал! Теперь мы видим, какой ты рыцарь!

Зеленые шляпы загалдели, но умолкли, когда Точный и впрямь показал, что тут мат в два хода во всех вариантах.

— Ты смухлевал! — завопил вожак. — Ладья стояла не на h6, а на h7!

— Она стояла там, но даже если бы и на h7, то все равно вам мат в два хода!

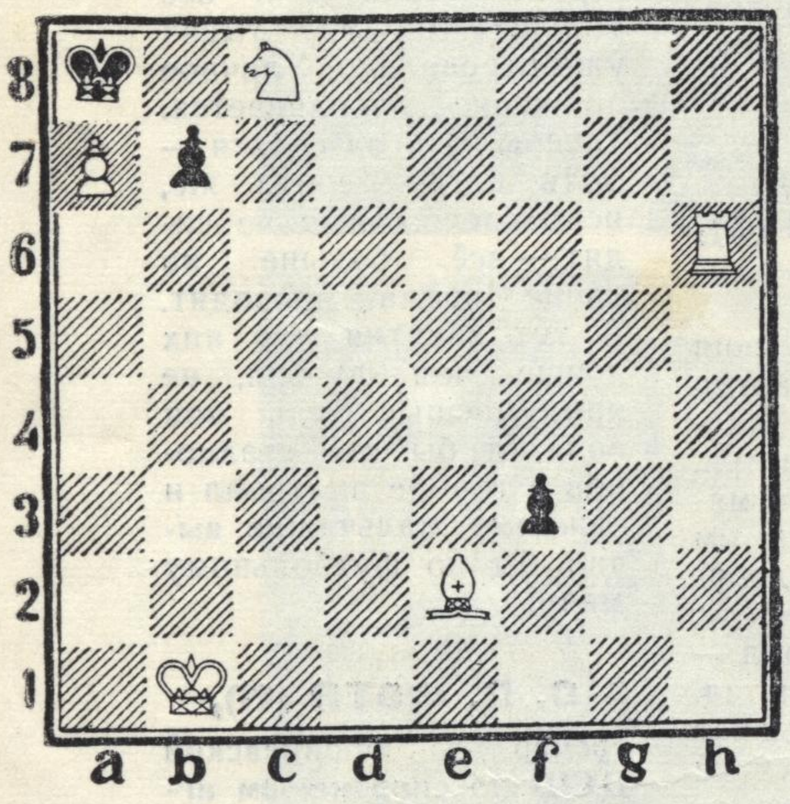
На шум явился полицейский.

— Почему беспорядок?

— Этот парень переставляет ладью, — заныл вожак. — Он надувает нас.

— Пройди со мной! — полицейский ткнул дубинкой в Точного.

Только тут наш раровец понял, кто были эти зеленые шляпы...

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматным рыцарям найти — А) мат Точного; Б) мат Точного при ладье на h7; В) белые: Крc4, Фg2, Лh1; черные: Крg8, Сg7, пп. f6, h5. Мат в три хода.

§ 2. Шашечным рыцарям выиграть — А) комбинация — белые: b2, cI, c5, eI, f2, f4, gI; черные: a3, a7, b8, c7, f8, g7, h6; Б) комбинация — белые: aI, a3, c3, e3, f2, f4, gI; черные: a5, b8, c5, c7, g5, g7, h6; В) белые: дамка h4, простые aI, g7; черные: дамка a3, простая c3.

§ 3. Рыцарятам найти за белых мат в два хода — белые: Крg6, Фf4, Се7; черные: Крh8, ФеI, Сg8, пп. g7, h4.

§ 4. Срок присылки рапортов — до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

20 СТРОК О ЧЕМПИОНАХ

К отцу Хосе Капабланки часто приходил сосед-шахматист, и четырехлетний кубинец подолгу стоял у доски, наблюдая за передвижением деревянных фигурок. А однажды он сказал:

— Ты сплутовал, папа! Конь ходит с белого только на черное, а ты пошел конем с белого на белое и забрал там королеву.

Хосе оказался прав: оба партнера не заметили ошибки. Но он еще больше удивил их, сказав, что хочет сыграть с ними партию.

Партия состоялась, и будущий третий чемпион мира, впервые взявший в руки фигуры, ее выиграл!

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 1 награждены дипломами 18 доблестных арчебековцев. Среди них — Виктор Даценко (Ольховатка), Сергей Болмат (Ленинград), Владимир Попов (Печора), Игорь Крючков (Москва), Александр Рудометов (Пермь) и другие достойные рыцари.

Уголок весёлого архивариуса

СОВЕТ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ

Тонкий писатель и большой знаток книг Мериме, путешествуя по Испании, осмотрел библиотеку в королевском замке Эскуриале. Сокровища библиотеки привели французского литератора в восторг, но, увы, поделиться своим чувством ему было не с кем. Напыщенный и важный хранитель библиотеки оказался круглым невеждой. Видимо, этот спокойный и недурно оплачиваемый пост при дворе достался ему не за знания и заслуги, а благодаря длинному родовому имени.

В тот же вечер Мериме был представлен королеве Изабелле II.

— Как вам понравилась моя библиотека? — спросила королева.

— Слов нет, хороша, — ответил писатель, — но на вашем месте я бы назначил человека, который ею заведует, на другую должность — министра финансов.

— Почему? — удивилась королева.

— Ваше величество может быть уверено: он пальцем не коснется доверенных ему сокровищ.

ИЗ ЭКОНОМИИ

Джакомо Россини, блистательный итальянский композитор, раз гулял по пригородам Неаполя, проголодался и заглянул в харчевню при дороге. Хозяин харчевни узнал именитого гостя и сразу решил содрать с него подороже.

— Стакан вина, — распорядился Россини, — да зарежьте и изжарьте цыпленка.

— Будет сделано, синьор, — отозвался хозяин. — С вас две лиры.

— Две лиры?! — притворно ужаснулся Россини. — Ну нет! Зарежьте полцыпленка!

МРАЧНЫЙ ЮМОР

В один из дней февраля 1848 года в петербургском Никольском соборе отпевали Николая Полевого, знаменитого в былые времена журналиста, историка, переводчика, сочинителя романов.

Окончилась заупокойная служба. Друзья Полевого подняли гроб. Первым же нежданно-негаданно подставил жирное плечо Фаддей Булгарин, продажный писака, полицейский агент и, в придачу ко всему, злейший недруг покойного.

Актер Василий Каратыгин, которого даже в этот печальный час не покинула привычка к острому словцу, зло оттолкнул самозванного «приятеля»:

— Отойди, Фаддей! Ты и при жизни его достаточно поносил.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

«Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне?» Это я, почтальон, стучусь в разные двери: тук-тук, вам письмо! Письма мои не бездельники, они сообщают новости, передают важные сообщения и дружеские приветы.

Письмо по одежке встречают! Грязные, мятые конверты — это неуважение и к адресату и к нам, почтальонам. А небрежно написан адрес — письмо может не дойти по назначению.

Адрес и обратный адрес нужно обязательно писать полностью, как на конверте справа. Не забудьте наклеить на письмо нужную марку — иначе вы заставите платить вашего адресата, а это невежливо.

Ничего не пишите на обороте конверта — там место для штампа, а надписям, вроде «Жду ответа, как соловей лета» тысяча лет — они никого не веселят и не радуют.

Обязательно начинайте письмо с вежливого обращения.

Иногда и Шерлоку Холмсу было бы не угадать, кто автор письма. Подпись должна быть четкой и полной, а не какая-нибудь загогулина.

Не заполняйте без надобности письма бесчисленными поклонами.

Иной раз получишь письмо, а в нем: «У нас лето, снега нет... Наш Бобик любит грызть кости...» — Кто же думает, что летом идет снег, а собаки лакомятся фруктами и мороженым? Старайтесь писать только то, что интересно и важно узнать вашему адресату.

Чтобы письмо удалось, никогда не пишите сразу набело, сначала — черновик. Перечитаешь черновик, вычеркнешь лишнее, что-то прибавишь, исправишь ошибки — тогда переписывай.

КАК НА САМОМ ДЕЛЕ МЕНЯ ЗОВУТ?

Сотни ответов получила редакция на задачу в «Костре» № 12.

...Радостно тявкает песик из породы фокстерьеров, когда слышит свое настоящее имя. Постойте, а как же его зовут на самом деле? Надо было отгадать восемь головоломок, чтобы получить восемь букв длинного собачьего имени. Не все ребята справились с этой задачей, но многие успели полюбить песика, пока ломали голову над его хитрым именем: желают ему «долго и весело жить» (Рязанцева Ира из Усть-Каменогорска), огорчаются, что у них нет такого щенка дома (Володя Ш. из Томска).

Большинством голосов фокстерьер назван Громобоем. Не Громом, не Громобеем, не Громовым, не Аромого, а именно Громобоем.

Нашлись и такие имена — Апоногий, Апомбик, Абрюомбий, Апономоби... Но ведь песика надо громко и внятно позвать поесть, он должен запомнить свою кличку. Эти же слова не каждый человек сможет запомнить и произнести.

Можно было найти выход из положения и соорудить длинное — на иностранный манер — имя Апон-Нора-Громодог-Апоногий-Мопа, но на это мы не решились.

Хотите проверить ход решения?

(Подробный рассказ Володи Попкова из поселка Новогорный Челябинской области):

«В первой задаче маленький флаг с буквой «Г». Судя по второй задаче, нужна буква «О». В третьей — около прямой линии находится буква «Р». Разгадав ребус, понимаем, что не хватает буквы «О». В пятой задаче чаще других попадается буква «О». В шестой — на последней карточке была буква «Б». Найти кубик с буквой «М» мне было совсем нетрудно. С большим количеством косточек соприкасается косточка с буквой «Й».

Переставив карточки, получили имя. Надеюсь, собака довольна?»

На обложке рисунок С. Острова

На третьей странице обложки рисунок И. Казаковой

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов. Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Рукописи не возвращаются

Художник-редактор ***Ю. П. Мезерницкий***

Корректор *В. А. Маевская*

Технический редактор ***А. А. Двораковская***

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-40063. Подписано к печати 9/IV 1969 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 380 000 экз. Заказ № 77. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

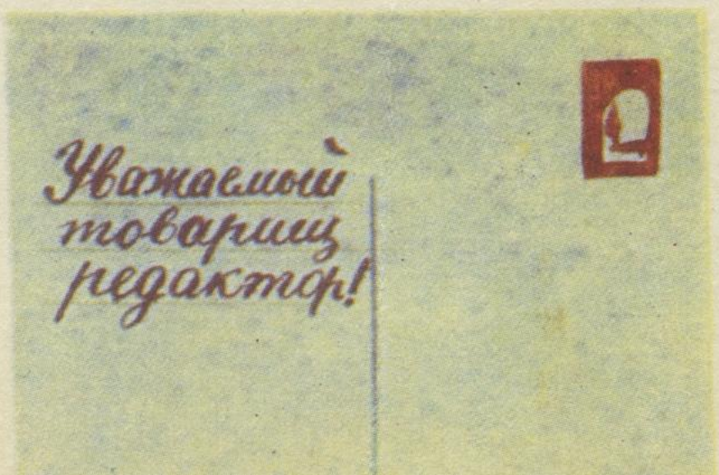

Э-4

.25 к.

1 июня

Индекс
70445